

***ВЕСТНИК
ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ
ЮСТИЦИИ***

***Развитие арсенала восстановительных практик
в работе с конфликтными и криминальными ситуациями***

Выпуск 8

Москва, 2011

УДК 316.28:340.01(082)
ББК 67.4+60.5

ВЕСТНИК ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

№ 8, 2011

(Развитие арсенала восстановительных практик в работе с конфликтными и криминальными ситуациями)

Издание осуществлено в рамках проекта «Развитие арсенала восстановительной ювенальной юстиции в России», в котором используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 8 мая 2010 года №300-рп.

Общественный центр «Судебно-правовая реформа»
Издательская лицензия ЛР № 030828 от 3 июня 1998 г.

Редакторская группа: Карнозова Л.М.,
Коновалов А.Ю., Максудов Р.Р.

Выпускающий и литературный редактор Путинцева Н.В.

Компьютерная верстка: Фролова А.Ю.

Корректор Корепанова К.М.

Сайт Общественного центра «Судебно-правовая реформа»:
www.sprc.ru

ISBN 978-5-901075-30-2

© МОУ Центр «Судебно-правовая реформа», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям 4

ИДЕИ, ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ

Нильс Кристи. Медиация вместо криминализации (Выступление Нильса Кристи в МГППУ 1 декабря 2010 года) 6

ИСТОРИЯ: ТРАДИЦИИ ПРИМИРЕНИЯ

Людмила Карнозова. О семинаре «Традиционные практики примирения» 14

Надежда Ефремова. Традиция примирения в истории обычного права и законодательства России (дореволюционный период) 16

Максим Кудрявцев. Вопросы примирительных процедур в Соборном Уложении 1649 года 24

Ирина Бабич. Возрождение института медиаторства в горских сообществах Северного Кавказа в советские и постсоветские годы (1950–2000) 28

Макка Албогачиева. Примирительные комиссии в Ингушетии: история и современность 40

Залпа Берсанова. Обычай кровной мести и практика примирения в современной Чечне 50

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ

Рустем Максудов. Службы примирения в административном и управленческом контексте 54

Татьяна Овчинникова, Ольга Селиванова. Внедрение программ примирения в работу судов Тюмени 64

Рустем Максудов. Замысел развития восстановительного подхода в работе районных и городских КДНиЗП 67

Наталья Морозова. Служба примирения в работе с несовершеннолетними, попавшими в трудную жизненную ситуацию 70

АССОЦИАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Антон Коновалов. Сообщества восстановительных практик (заметки после проекта) 75

Ирина Маловичко. Волгоградская ассоциация восстановительной медиации как ресурс устойчивого развития восстановительных практик в Волгоградской области 80

Анна Хавкина. Становление и развитие Ассоциации медиаторов Пермского края 87

МЕТОДИКИ

Роб ван Паже. Семейные групповые конференции: этапы проведения 91

Анна Балаева, Елена Женодарова.

«Комбинаторика пар» 97

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Анастасия Великоцкая. Семейные конференции: особенности и возможности технологии 101

Людмила Карнозова, Антон Коновалов. Работа медиаторов со случаем общественно опасного деяния, повлекшего смерть человека 110

Кадрия Шарифзянова. Восстановительный подход в системе профилактики правонарушений (на примере работы со случаем) 122

Ирина Степанова. Исцеляющие моменты восстановительных программ в работе с жертвами 125

Галина Новикова. Использование медиации в работе с семьей, оказавшейся в трудной жизненной ситуации 127

Светлана Егорова. Описание работы со случаем 130

МОНИТОРИНГ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК 133

ЭКСПЕРТИЗА

Сергей Пашин. Экспертное заключение. Актуальные проблемы правового регулирования медиации 140

ОБ АВТОРАХ 145

К читателям

Важнейшим стратегическим ориентиром центра «Судебно-правовая реформа» в области движения за восстановительное правосудие в России является поддержка формирования и развитие деятельности сообществ специалистов, практикующих восстановительный подход с детьми, семьями и взрослыми, находящимися в трудной жизненной ситуации (в том числе, и в работе с правонарушителями несовершеннолетних). В настоящее время наш Центр совместно с региональными партнерами разрабатывает и реализует стратегию, направленную на методологическую, проектную и предметно-аналитическую поддержку становления местных сообществ, практикующих восстановительный подход в реагировании на преступления и конфликтные ситуации. Подобного типа сообщества, на наш взгляд, и становятся носителями нового типа общественных инициатив, направленных на изменение ситуации в социальной сфере, которая на сегодня обладает мощным механизмом для собственного воспроизводства.

В настоящее время региональные ассоциации созданы в Москве, Тюмени, Перми, Новосибирске, Волгограде, Самаре, Чебоксарах. В стадии создания ассоциации в Кирове и Новочеркасске. Создана Всероссийская ассоциация восстановительной медиации. Статьи по этой теме опубликованы в данном «Вестнике».

Я считаю, что нам удалось в течение 14 лет нашей работы вовлечь в движение за восстановительное правосудие наиболее разумных и честных руководителей учреждений и специалистов социальной сферы. Именно их деятельность на сегодня составляет богатство восстановительных практик и основу для разработки российской модели восстановительной ювенальной юстиции. В тех регионах, где практикуются программы восстановительного правосудия, нашим активистам удалось создать работоспособные команды, куда входят и управленцы. Результаты работы этих команд также отражены в данном «Вестнике».

Здесь же представлены результаты деятельности специалистов центра «Судебно-правовая реформа». На семинарах и тренингах в 2010–2011 гг.¹ нам удалось сделать важные шаги по укреплению практик и повышению нашей собственной квалификации. Благодаря усилиям Людмилы Карнозовой мы анализировали и будем продолжать анализировать такую важнейшую тему для всего нашего движения, как реализация принципов восстановительного правосудия в практической работе. Тему анализа и мониторинга восстановительных программ мы систематически обсуждаем с членами ассоциаций и, соответственно, будем совершенствовать начатую работу. Мониторинг за 2010 г., выполненный в новых формах, опубликован в данном выпуске.

Интенсивную работу по развитию восстановительных практик проделало за последний год подразделение по работе с правонарушителями несовершеннолетних центра «Перекресток» (Москва). Статьи, отражающие эту работу, также представлены в данном «Вестнике». О новых горизонтах медиации, которые открывают пермские специалисты, рассказывает здесь же Анна Хавкина.

¹ Семинары проводились в рамках проекта «Развитие арсенала восстановительной ювенальной юстиции в России», в котором используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 8 мая 2010 года №300-рп.; проекта «Разработка "Образ будущего" сообщества восстановительной медиации в России»; проекта «Поддержка создания служб примирения в Москве и регионах»; проекта «Поддержка региональных инициатив в области восстановительного правосудия»; проекта «Россия – территория примирения»; проектов, реализуемых Независимым экспертно-правовым советом, общественной организацией «Женщины Дона», Клубом ЮНЕСКО «Достоинство ребенка», Центром медиации (г.Чебоксары), Сибирским федеральным университетом, Федерацией детских организаций Самарской области, проекта Администрации Кировской области.

Для всех нас поистине эпохальным был семинар по традиционным практикам примирения, который был проведен Институтом государства и права РАН (Москва) совместно с центром «Судебно-правовая реформа» 24–25 февраля 2011 г. Некоторые материалы этого семинара помещены в разделе «История: традиции примирения».

Хочется также отметить центры и регионы, которые вносят вклад в российское движение за восстановительное правосудие. Это московские организации и учреждения: центр «Перекресток», центр «На Снежной», служба примирения центра диагностики и консультирования «Коньково», КДНиЗП «Коньково», КДНиЗП «Ярославское», центр «Рост», школы № 45 и № 310. В Москве нашу деятельность также поддерживает Независимый экспертно-правовой совет.

Для нас является очень ценной работа, которую проводит Клуб ЮНЕСКО «Достоинство ребенка» и Волгоградское отделение Всероссийской ассоциации восстановительной медиации (руководитель Ирина Маловичко). Интересные проекты по работе с местными сообществами развивает тюменский клуб «Держинец» (руководитель Ольга Селиванова). В Казани большую работу проводит центр «Доверие» (руководитель Елена Овчинникова) и Институт развития образования (старший преподаватель Кадрия Шарифзянова). В Новосибирске развивается деятельность Новосибирской ассоциации медиаторов (председатель Татьяна Стукачева) и клуба «Прометей». Поддерживает и делает вклад в наше движение ювенальная служба и заместитель председателя КДНиЗП г.Урай Светлана Болковая. В Самаре работу по поддержке служб примирения проводят Наталья Бондаренко и Татьяна Прянишникова. Для меня очень отраднo, что в этом году наладилась связь с нашими давними партнерами из Великого Новгорода Тamarой Замановой и Альфией Пановой, которые вносили и, я надеюсь, будут вносить вклад в наше движение. Мне хочется также выразить благодарность Нодари Хананашвили за его поддержку наших инициатив и деятельное участие в работе московской ассоциации. В Чебоксарах поддержали нашу работу Юрий Садовников и Евгения Осипова. В Кирове большую работу по введению практики восстановительных программ проводит Татьяна Шабалина. Продолжает свою работу в Петрозаводске Светлана Гладких, и мы надеемся, что в ближайшее время там появится команда. И конечно же, мне хочется отметить многогранную работу организации «Женщины Дона», активисты которой поддерживают работу медиаторов в Ростовской области.

Рустем Максудов,
председатель Всероссийской ассоциации восстановительной медиации,
президент общественного центра «Судебно-правовая реформа»

ИДЕИ, ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ

Нильс Кристи

МЕДИАЦИЯ ВМЕСТО КРИМИНАЛИЗАЦИИ

(ВЫСТУПЛЕНИЕ НИЛЬСА КРИСТИ В МГППУ 1 ДЕКАБРЯ 2010 ГОДА)

С 1 по 3 декабря 2010 г. Москву посетил известный норвежский криминолог Нильс Кристи. Приезд был приурочен к выходу на русском языке его новой книги «Простые слова для сложных вопросов» (СПб.: Алетейя, 2011) и переизданию ранее опубликованных трудов.

Нильс Кристи (1928) – профессор криминологии, член Академии наук Норвегии и Швеции, крупнейший современный криминолог, широко известный мировому научному сообществу. Многие годы был директором норвежского Института криминологии и уголовного права, президентом Скандинавского совета по криминологии; является членом редакционного совета международного журнала «Теоретическая криминология» (Theoretical Criminology).

Труды ученого и общественного деятеля переведены на множество языков, а его выступления на международных конгрессах и конференциях вызывают повышенный интерес и пользуются неизменным успехом. Уже первая из переведенных на русский язык книг – «Пределы наказания» (М.: Прогресс, 1985) произвела шоковое впечатление на отечественных читателей, привыкших к советской репрессивной системе. Нильс Кристи показывает, что наказание есть *боль*, а причинение боли редко бывает оправданным. Поэтому надо создать жесткие ограничения «использованию намеренного причинения боли в качестве средства социального контроля». Нильс Кристи – последовательный противник смертной казни, роста «тюремного населения», сторонник гуманизации наказания при неперемнной защите интересов потерпевшего; один из сторонников движения аболиционизма, точнее, его умеренного крыла – минимализма (за минимизацию уголовного наказания, особенно лишения свободы); один из иностранных экспертов Национальной комиссии США, которая в итоговом докладе (1996) приходит к выводу: от «войны с преступностью», «войны с наркотиками» («War on Crime», «War on Drugs») необходимо переходить к политике «уменьшения вреда» («Harm reduction»).

В постсоветской России увидели свет и другие работы автора: «По ту сторону одиночества: сообщества необычных людей» (Калуга: «Духовное просвещение», 1993), где показана относительность понятий «норма» – «аномалия» на примере лиц с психическими отклонениями; «Борьба с преступностью как индустрия: вперед, к Гулагу западного образца» (М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1999, 2-е изд. – 2001), где автор на большом статистическом материале с тревогой отмечает опасную тенденцию возрастания тюремного населения в большинстве стран мира; «Плотность общества» (там же, 2001); «Удобный враг» (М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2004); «Приемлемое количество преступлений» (СПб., 2006); статья «Конфликт как собственность» (впервые опубликована в сб. «Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития». Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999). В этих работах Кристи рассматривает преступление как социальный конструкт, порождение общества и, в частности, законодательной деятельности, ставит проблему «монополии юристов» на конфликты и отчуждения самих людей от решения собственных проблем.

Пожалуй, квинтэссенция позиции Кристи относительно взглядов общества и само собой разумеющихся практик ответа на преступление формулируется им следующим образом.

«В современном обществе главная опасность преступности состоит не в преступлениях, а в том, что борьба с преступностью может столкнуть общество на тоталитарный путь развития».

Работы Нильса Кристи стали фундаментом концепции *восстановительного правосудия* – нового взгляда ответа общества на преступление, в основе которого не наказание как причинение боли, а обязательство преступника загладить вред, способность людей к диалогу, который оказывается возможным благодаря участию нейтрального посредника, и нахождение самими участниками конфликта выхода из проблемной ситуации. Движение за восстановительное правосудие и использование медиации в уголовном процессе и реагировании на правонарушения несовершеннолетних, а также для разрешения школьных конфликтов интенсивно развивается во всем мире, в том числе и России, и становится современной тенденцией, получившей поддержку ООН и Совета Европы.

Знакомство молодежи и будущих специалистов, которым предстоит работать в областях, связанных с уголовной юстицией, с взглядами Кристи чрезвычайно важно для формирования собственной позиции в профессии. В Московском городском психолого-педагогическом университете (МГППУ) на факультете юридической психологии читается курс «Введение в восстановительное правосудие», где работам Нильса Кристи уделяется большое внимание. 1 декабря 2010 г. в МГППУ Нильс Кристи выступил перед студентами, преподавателями и членами Всероссийской ассоциации восстановительной медиации с лекцией «Медиация вместо криминализации». Мероприятие было организовано Научно-исследовательской лабораторией ювенальных технологий и кафедрой юридической психологии факультета юридической психологии МГППУ, общественным центром содействия реформе уголовного правосудия и межрегиональным общественным центром «Судебно-правовая реформа».

Определенная часть аудитории знала о Нильсе Кристи, но видели его многие впервые. К лекции было приурочено проведение 3-дневного семинара Всероссийской ассоциации восстановительной медиации «Работа медиатора в программах восстановительной медиации (анализ случаев)». Медиаторы из регионов России также с нетерпением ждали знакомства с живым классиком. Выступление Нильса Кристи – не академическая лекция важного профессора, а живой разговор со слушателями на сложные и ценностно нагруженные темы, которые касаются как мировоззрения, так и принципов практической работы тех, кто сегодня занимается медиацией по уголовным делам и медиацией в школах.

Лекция Нильса Кристи в МГППУ стала важным событием и в жизни Университета, и в жизни Ассоциации восстановительной медиации. Личное знакомство с Нильсом Кристи увеличило интерес к его работам и его позиции, которая воплощает современное гуманитарное мышление в области криминологии. Ниже публикуется текст этого выступления.

Людмила Карнозова

Нильс Кристи: Большое удовольствие быть здесь, спасибо! Спасибо за добрые слова и за то, что пришли сюда. Я надеюсь, что смогу говорить без микрофона. Это и есть вопрос медиации – вы должны поближе подойти к сторонам конфликта. Между вами не должны стоять препятствия. Этому я научился от моего старого друга Ивана Иллича. Я очень рад, что приехал в Россию. Сначала мы были в Санкт-Петербурге, теперь вот в Москве, мы же с вами соседи непосредственные! Мурманск – это практически окраины Киркенеса. Мы легко забываем, что имеем общую границу. Мы можем дойти до нее пешком. Но, приезжая сюда, я встречаюсь с неизмеримо

большей системой, чем у нас в Норвегии. Вас так много, что это потрясает. Но у нас есть общие ценности. Когда мы сюда добирались, мы вышли из метро и посмотрели на больницу им. Склифосовского. Идея у нас с врачами общая – уменьшить страдания. Мы стараемся успокоить, вылечить, не причинять слишком много страданий и боли. Это глубоко свойственно нашим культурам – успокаивать, облегчать страдания, быть добрыми.

Парадоксально, что мы все равно прибегаем к наказанию. Но для вас как для медиаторов особенно важно слушать слова и понимать, что они реально значат. Наказание – это же рутинная вещь: раз – и процесс пошел. А слова

очень важны: чуть не так – и мы уже имеем другое значение. Ведь что мы делаем, когда наказываем других людей? Отбираем конфетку? Мы что-то отнимаем или это что-то более суровое? Это реально сделано для того, чтобы создавать страдания. Это противоположно идее больницы. Наказание – это намеренное причинение страданий. Мы придумываем такие меры, которые вызывают боль и страдание, чтобы человек, который им подвергается, это почувствовал.

Прислушайтесь, как слова нас обманывают. Наказание – это абстракция: его наказали – и он куда-то пошел, этот наказуемый. Но если я скажу, что судья – это тот, кому был выдан мандат причинять боль? Или еще страшнее – например, профессора уголовного права – это не профессора уголовного права, они должны быть названы по-другому – профессора причинения боли. Это именно то, что они обсуждают все время. И теперь вы можете понять, почему я так люблю эту маленькую книгу «Простые слова для сложных вопросов», которая только что была издана, – она говорит о словах. Нам надо прийти к маленьким, простым словам, а не латинизированным, абстрактным, наукообразным. Когда вы участвуете в медиации, надо спросить просто: что случилось? Что произошло? Надо узнать конкретные вещи, чтобы ближе подойти к страданию и боли, к удовольствию и к доброте.

Профессиональное обучение во многих отношениях очень опасная вещь. Мы привыкаем копаться в деталях и не видим фантастическую драму, с которой имеем дело, в которую постоянно вовлечены. В этом главное различие между медиацией и наказанием. Потому что юрист, глубоко включенный в судебный процесс, конечно, знает, что он не конфетки раздает, а занят причинением боли. Он должен подчиняться и другим основополагающим ценностям, таким как равенство. Равная боль в равных случаях.

Я вас как медиаторов хочу спросить: вы когда-либо встречали идентичные случаи? В самом действии хотя бы? Вот я сейчас кого-нибудь ударю или разобью кому-то очки. И мне присудят какое-то наказание, я должен буду возместить ущерб. Но поскольку я такой старей, немощный, мне надо смягчить наказание. В общем, чтобы достичь справедливости, надо случаи уравнивать, сравнить их со стандартом. А если бы я убил человека? Здесь уже есть ограничение боли, которую может причинить общество. Но когда мы занимаемся медиаци-

ей, такая справедливость не является центральным вопросом. Медиация – это не вопрос боли, это вопрос понимания. Для меня это центральный вопрос: когда вы собираете вместе конфликтующие стороны, нет пределов тому, что можно привнести в дело как информацию. Судья всегда дозирует информацию, иначе он просто не справится, он не сможет контролировать процесс. Но для вас, для медиаторов, какова цель? Чтобы стороны поняли друг друга. Наказание – это причинение боли, медиация – это достижение понимания.

И вы не ограничены, как система исполнения наказания, по крайней мере, у вас нет власти. Вы не можете диктовать, и вы не опасны, вы ничто не можете нарушить. Чтобы понимать, власть не нужна – это квинтэссенция. Как только Советы по медиации получают власть, они станут опасными, если их преобразуют в какие-то тайные организации для наказания. Вы обучены не тому, чтобы добиваться равенства, а тому, чтобы получить как можно больше информации, понимания. Важно понять, какая разница между людьми, включенными в официальную систему наказания, и в медиацию.

Мое сердце принадлежит медиации. Но это должны быть очень хорошие группы людей, работающих вместе, которые стремятся достигнуть понимания, а не те, что собрались в каком-то местечке навести порядок.

Вы хотите вмешаться, что-то сказать, задать вопросы?

Вопрос: Мне уже приходилось сталкиваться с тем, что когда власти привлекают медиацию, они рассчитывают именно на это.

Нильс Кристи: Мне бы очень хотелось, чтобы вы этим не пользовались. Вы им скажите: я помогаю сторонам понять друг друга.

Реплика: Тогда власти скажут, что им это не нужно. Тогда они скажут: мы будем наказывать.

Нильс Кристи: Лучше, если они переключатся на наказание, чем разрушат это замечательное начинание. Но вы можете и случай, и иную возможность объяснить властям. Есть конкретный случай – и есть возможность создать реальный мир в этой деревне или городке. Надо спросить у прокурора: а если бы это был ваш сын, вы бы не хотели, чтобы с ним поговорили по-человечески? В моей стране тоже давление существует. Только на прошлой неделе я говорил об этом в Норвегии. Я предупреждал, чтобы они не брали на себя слишком много власти. Это простые вещи.

Мы стараемся в Норвегии всеми силами не отправлять молодых людей в тюрьмы. У нас практически нет в тюрьмах людей младше 18 лет. Примерно 15 человек есть. Власти говорят: мы должны с этим что-то делать и заставить молодых пройти через медиацию. Мое убеждение заключается в том, что если молодой человек хочет участвовать в медиации – прекрасно, мы здесь, но если нет – мы не можем принуждать. А власти тогда хотят, чтобы это было уже принудительно.

Еще вопросы?

Реплика: Преступник говорит: да, я хочу участвовать в медиации; но на самом деле он просто хочет уйти от наказания.

Рустем Максудов: Давайте попробуем – и увидим, что получится. Конечно, мы все находимся всегда под каким-то давлением. Если преступник хочет прийти и жертва тоже – прекрасно. Если преступник скажет: я не хочу – отпустите его. Это трудный вопрос, но в целом, достичь мира – более высокая ценность, чем причинить боль. Я думаю, что вопрос не в том, что кто-то хочет избежать наказания. Мы все хотим этого. Было бы странно, если бы это было не так. Дело в другом. Что происходит на этой встрече, кроме желания избежать наказания? Что там происходит? Происходит ли диалог? Понимает ли правонарушитель чувства жертвы? Можем ли мы, как медиаторы, организовать то глубокое событие, которого нет в судебном процессе? Это и ценности, и принципы, и методика самого процесса медиации, хотя она не может быть сведена только лишь к инструменту. Когда я работаю как медиатор, частичка моего человеческого тоже вкладывается, иначе нельзя создать событие.

Нильс Кристи: Что это за слово «медиация»? Что оно значит? Я его не очень-то и люблю. Жертва может быть убита – что тут делать при помощи медиации? Между кем посредничать? Но есть родственники, окружение того, кто был убит. Все равно есть огромная потребность в понимании. Или конфликт, который невозможно разрешить. Но лучше понять мало, чем ничего; не обязательно, чтобы стороны пожали друг другу руки. Но если я разбил ваши очки, я бы очень хотел услышать вашу версию событий.

Я очень ратую за то, чтобы мы начали называть это Советами по разрешению конфликтов. И мне не очень нравится английское название – восстановительное правосудие. Вы хотите воскресить убитого, чтобы он встал и пошел?

Но, может быть, мы можем сказать, что мы можем восстановить ценности. Да, я был не прав, разбив ваши очки, этого не надо было делать. Нельзя бить человека. Я думаю, что самое главное, что здесь включено, – это восстановление основных ценностей. Эти идеи относительно нетрудно донести до полиции и до системы исполнения наказаний.

Уже на протяжении 20 лет я вижу в Норвегии огромный прогресс в том, что силовые ведомства начинают понимать эти ценности, они стали гораздо более открытыми в последнее время. Вначале они все наказания подгребали под себя и не хотели делиться. Но все больше понимания я нахожу среди полицейских, что гораздо важнее, – понимание, чем просто исполнение наказания. У нас есть Советы по конфликтам, и в каждой части страны есть генеральный секретарь такого Совета, который находится в постоянном контакте с полицией района и рассказывают ей о медиации – и полиция начинает присылать нам случаи. Они спрашивают: а с этим вы справитесь? Вы берете это на себя? И бывают ситуации, когда и жертва приходит, и обидчик, они договариваются, находится решение – и в полицию идет отчет, что конфликт разрешен, – и уголовное дело закрывается.

Но я воспользовался словом, которое я не люблю – посмотрите, как осторожно мы должны пользоваться словами – я сказал «жертва», а это тоже проблематичное слово. Кто жертва? Стоит ли так быстро перепрыгивать к этому понятию? Я уверен, что вы не начинаете свою процедуру со слов: ну ты, преступник, почему ты это сделал? А для вас, как для жертвы, насколько все это было плохо и тяжело? Не это является вашим вступительным словом. Я уверен, что вы сначала говорите: что произошло? Расскажите мне вашу историю. И вы говорите это одному и другому. Может быть, здесь скрыта социальная драма. Но не следует начинать с этого заранее подготовленного рисунка, иначе еще до того как начался процесс, вы уже приклеили ярлыки и загнали человека в какие-то рамки, которые еще не определены. Еще до начала участникам навязан определенный статус.

В Норвегии мы стараемся препятствовать тому, чтобы медиация становилась профессиональной. Экспертам трудно преодолеть склонность к экспертизе. Я стремлюсь к тому, чтобы в жизни было поменьше экспертов и побольше здравомыслящих людей, которые бы искали разумные способы, подходы к делу.

Это развивается сравнительно успешно. В прошлом году (вы знаете, что в Москве уместится несколько Норвегий) у нас было 9 тысяч случаев, которые были переданы из полиции в Советы по медиации. То, что могло бы превратиться в 9 тысяч уголовных преступлений, стало в 9 тысячах случаев возможностью для понимания друг друга.

На нас очень сильно давит модернизация – это другая проблема: люди стали очень мобильны, много переезжают и не связаны друг с другом, что способствует развитию системы наказаний. Кто вас здесь знает, если вы чужак? И тогда возникает много причин, чтобы схватить человека. У нас много пьют, растут социальные контрасты, растет имущественный разрыв, есть безобразно богатые люди – и это плохо для контроля над преступностью. Я думаю, что медиация не только помогает разрешить конфликты, но и делает сообщество более социальным. Это очень важно. Это так важно, чтобы люди оставались обычными людьми, которые знают своих соседей и район, в котором они живут. Я бы очень хотел помешать людям перемещаться с места на место, я хотел бы, чтобы они приклеивались к месту, пускали корни, вращались в социальное окружение. Мне гораздо больше нравится так называемый соседский контроль, чем то, что делает полиция.

Вы, наверное, знаете (когда мы говорим о проблеме наказания здесь, в России), что вы наказываете больше людей по отношению к общему числу населения, чем любая другая нация на земле, не считая американцев. Вы – вторые. В США – 748 на 100 тыс. населения, в России – 588. В Штатах более 2 миллионов заключенных.

Но есть лучик надежды: в последние годы в России происходит некоторое снижение тюремного населения. Я проверял это 3 дня назад: в 1998 году у вас был 1 миллион, а теперь 870 тыс. заключенных. Я очень рад, что есть эта тенденция, но вы все-таки ужасны, так как находитесь в первых рядах по этому показателю. Может быть, когда-нибудь это снизится до 6–7 сотен.

Реплика: А Китай?

Нильс Кристи: У них 120 заключенных на 100 тыс. населения. Это же огромный континент! Зато в Китае – смертная казнь. И здесь статистики нет. Но я могу точно сказать, с ростом индустриализации Китая эти цифры быстро вырастут.

Почему я думаю, что США и Россия ужасны? У нас в Скандинавии 60–70 заключенных на 100 тыс. населения. У вас только пропорция в 10 раз больше, не говоря об абсолютных значениях. Конечно, в маленькой стране – маленькие проблемы, мы это признаем. И мы не прошли через все те ужасы, что вам достались. Конечно, вы гораздо более авторитарная страна. У вас много проблем, но все равно мы остаемся вашими соседями и не так уж сильно отличаемся. Если присутствующие здесь сами работают в медиации, вам известно, что можно подходить к проблемам иначе. Это возможно.

Я очень горжусь одним фактом своей жизни. В молодости я часто путешествовал в Финляндию. Очень интересовался всеми цифрами, касающимися тюрьмы, потому что международной статистики тогда не существовало. Я пытался подсчитать, искал какие-то отчеты, сравнивая Норвегию с Финляндией. Представляете, эта маленькая добрая Финляндия имела где-то 200–300 заключенных на 100 тыс. населения. А в остальных скандинавских странах было тогда по 40–50 заключенных на 100 тыс. И я помню, заседала финская ассоциация по уголовному праву, там были два финских профессора, говорящих по-шведски, и один сказал: это что – мы на таком высоком уровне? Мы хотим быть скандинавами! Я прошу прощения, тогда Финляндия стремилась идентифицировать себя с северно-скандинавскими странами, а не со Штатами и не с Англией. Шла холодная война, и жители Финляндии хотели быть защищенными, включенными в скандинавское сообщество, иметь культурную защиту, быть нордической страной. Тогда был Сталин и трудные отношения с СССР – и они хотели принадлежать Скандинавии. Но оказалось, что финны очень близки к традициям российского уголовного права, и представляете – за два года они уменьшили высокое число заключенных до скандинавского стандарта.

Вопрос в том, какой культуре вы хотите принадлежать и какой культуре вы хотите дать править в вашей стране. С чем мы боремся и сражаемся в наши дни – это вопрос культуры: какие ценности будут преобладать и как мы можем организовать свою жизнь, чтобы дать доминировать тем ценностям, которые мы признали своими. И я думаю то, чем мы сейчас здесь заняты, имеет огромную ценность, потому что это вопрос культурного будущего.

Вопрос: Не видите ли вы серьезного парадокса между современной тенденцией к повышению профессионализма, в том числе к научно-технической модернизации, и значимостью гуманитарной компетенции всего населения?

Нильс Кристи: Очень важно то, что вы сейчас поднимаете. Вы спрашиваете, можем ли мы думать собственно о развитии. Все больше людей становятся экспертами, а что тогда произойдет с неэкспертами? Это центральный вопрос. Я не прогрессивный человек, я думаю, что очень многие ответы на наши вопросы находятся позади нас. Очень важно найти те решения проблем, которые мы уже находили в прошлом. Я должен признать, что я не был бы счастлив, если бы половина жителей Норвегии стали экспертами и получили право решать судьбу другой половины населения. Я стараюсь последовательно настаивать на том, что медиация принадлежит людям, простым людям, а не экспертам. Не давайте профессионализировать основополагающие вещи.

Хедда, моя жена, хочет что-то сказать, имеющее отношение к этому вопросу. Она тоже профессор криминологии.

Хедда Гиерцен: Я хочу только подчеркнуть один из пунктов, который выразил Нильс, касающийся того, какие особенные характеристики имеет медиация, сравнивая ее с тем, что происходит в суде. Это может нас связать с вопросом, что такое порядок. В медиации результат не является главным достижением, одним из результатов является сам процесс медиации. Но результат медиации может быть тем же, что и в суде, если в суде, к примеру, вынесено решение о компенсации как реагировании на совершенное преступление. В Норвегии часто в судах принимают решение о компенсации: это могут быть деньги, это может быть работа. Но еще существует третья возможность прийти к какому-то результату в этом процессе – примирение. Это может показаться маленьким событием: люди, принимавшие участие в конфликте, пожали друг другу руки. Но для самих участников это может быть очень большим событием. И во многих известных мне случаях это принесло значительное облегчение сторонам конфликта. Это, конечно, вектор в будущее: после такого события люди могут спокойно ходить по улице, они могут встречаться и не бояться друг друга, уже нет такого противостояния – и тогда мы можем говорить о создании совершенно нового, иного порядка в обществе.

Нильс Кристи: Спасибо. Мне кажется, что это очень важно, я иногда забываю об этом сказать, пропускаю. Мы же хотим встречаться и создавать такие сообщества, в которых мы можем идти навстречу друг другу, не испытывая тревоги или боязни. Это возможно тогда, когда мы видим в другом целостное существо, не заменяя человека только одной его стороной, которую можно легко назвать монстром.

Еще один момент, которого я недостаточно коснулся. Многие спрашивают: ну а в результате этого процесса (медиации) люди действительно меняются? Это действительно происходит так, как вы описываете? Важное открытие из Австралии: если встречаются стороны, это действует тем лучше, чем более серьезный случай. Это не то, что кто-то что-то украл в магазине. В медиации могут быть разрешены немаленькие вещи. Если люди, вовлеченные в очень серьезный конфликт, получают шанс посмотреть друг другу в глаза, для их жизни это имеет неизмеримое значение.

У нас все большее развитие получает то, что мы называем медиацией в школах. Вместо того чтобы каждый раз бежать к директору, сами дети учреждают для себя Совет медиации. И с педагогической точки зрения, это великолепный инструмент: дети в своей среде разрешают неприятные ситуации, осваивая при этом навыки, которые важны для жизни.

Еще вопросы?

Вопрос: Г-н Кристи, я рад встрече с Вами, действительно, Ваша работа эволюционировала за последние десятилетия. Я вспоминаю 1991 г., Рязань, Вы были достаточно критично настроены по отношению к психологии. Не прошло 20 лет – и Вы заговорили на нашем языке и, говоря юридическим языком, продвинулись от юридической универсальности к человеческой уникальности на уровне отдельного человека, малых групп. Следует ли нам понимать, что более глубокое знакомство с миром за это время дало Вам возможность прийти от справедливости к разумности? Это вопрос к криминологу от психолога – переход от юридической справедливости к человеческой разумности.

Нильс Кристи: Я думаю, что я достаточно постоянен и, по сути, не менялся. Я думаю, что в мире есть место для уголовного правосудия. Но хотелось бы, чтобы его было как можно меньше. Существуют определенные деяния, поступки, и то, что их совершают, – это не изменится. Если бы я совершил что-то

ужасное, о чем не имеет смысла говорить, я бы тогда выбрал, наверное, суд, а не медиацию. Я, между прочим, очень боюсь полностью уничтожить систему уголовного правосудия. Это заставит медиаторов брать те случаи, которые они не хотят по существу на себя принимать. Мы нуждаемся в уголовном правосудии, но как можно более человеческом, а не монструозном, как в РФ или США. Надо осторожно причинять боль. Будущее – за медиацией, но все равно будут случаи, когда понадобятся уголовные процессы. И я убежден, и Хедда тоже, что самое главное – это процесс узнавания человека как целостного существа. Мы можем и дальше это обсуждать, но я надеюсь, что хотя бы частично ответил на ваш вопрос.

Вопрос: Сегодня международный день борьбы со СПИДом. Многие заключенные в России – ВИЧ-инфицированные, осужденные за преступления, связанные с наркотиками. В тюрьмах они не могут получить должного медицинского и социального обслуживания. Мой вопрос: какие возможности может открыть восстановительный подход к преступлениям, связанным с наркотиками? Может ли он снизить число осужденных в том числе?

Нильс Кристи: Я думаю, что наркополитика – это просто катастрофа. Наркотики принадлежат к тому же семейству, что и алкоголь. Попробуйте запретить употребление алкоголя в России – и вы создадите отчаянно опасное сообщество. Мы в Норвегии уже пробовали идти по пути запрета, например, по американскому пути: мы поставили этот эксперимент – запретили наркотики – и потерпели неудачу. Надо пробовать регулировать это, как-то препятствовать. На семинаре здесь никто не покуривает? Нет? Это небывалый успех! Когда мы начинали, у нас в аудиториях голубая дымка висела. Мы запрещали алкоголь. К чему это привело? Развилась мощная мафия, незаконное производство и распространение, убийства – в общем, развязалась война. Теперь мы стараемся контролировать потребление. У нас монополия на вино; водку и бренди в киосках уже не продают, после 6 часов вечера я и пива не смогу купить в моей бакалейной лавке. Это нормально.

И мы особенно много сражались, чтобы изменить законодательство. Огромные конференции проводились в университете, на которых мы бились с этим сумасшествием. Мы должны стараться очень жестко регулировать потребление, и мы также должны помогать

тем, кто уже захвачен наркотиком, а тех, кого не можем остановить, мы должны обеспечить чистыми иглами и в тюрьмах тоже. Заключенные должны иметь достаточное количество чистого оборудования, если их поведение уже не изменить, чтобы они могли продолжать это хотя бы здоровым образом. Они обмениваются одной иглой – и что происходит? Мы получаем СИПД и другие инфекции.

Гораздо важнее спасать людей, чем принципы. Я думаю, что нам поможет опыт США: у них очень плохая ситуация – и они собираются сделать доступ к конопле легальным. Запрет полностью не оправдался. И, кстати, это главная причина их высоких показателей по числу людей в тюрьмах.

В ваших Советах медиации, если такие случаи будут вам поступать, постарайтесь искать человеческие решения. Даже Римский папа должен был признать противозачаточные средства. Наркотики – это очень опасные вещества. Но алкоголь также опасен. В Норвегии от алкоголя погибает гораздо больше людей, чем от всех вместе взятых остальных наркотиков. Если мы в процессе медиации сможем это произнести, это очень хорошо. Мы всегда будем жить с этой проблемой. Но смотрите: я могу легко дышать в этой комнате. А я не думал, что это когда-либо будет возможно. Я даже написал статью о том, что такое время никогда не наступит.

Вопрос: Меня очень заинтересовало то, что Вы противопоставляете медиацию как профессиональную работу и как процесс взаимодействия обычных людей. Меня, как психолога, очень тревожит, что не только в профессиях, связанных с уголовным правосудием, но и в других профессиях, связанных с общением с людьми, все больше и больше регламентов, инструкций, и эти инструкции требуют от меня не быть в моей работе человеком. Видите ли Вы возможность восстановления человеческих оснований в профессиональной деятельности? Могут ли сосуществовать эти вещи?

Нильс Кристи: Конечно, они могут сосуществовать. Кажется, я был слишком авторитарен. Я думаю, что самая большая опасность в психологии – это настаивание на том, что вы должны быть экспертом. Поэтому я так ратую за то, чтобы те люди, которые называют себя экспертами, включались в местное сообщество в его повседневной жизни. Если вы так долго учились, может быть, вы созреете. Но мы должны аккуратно защищать

себя от экспертов и профессионалов, иначе они все забирают в свои руки, отбирают у людей. Я думаю, что я неплохо справляюсь с тем, чтобы беседовать со своими соседями, с продавцами в лавках, и я думаю, что вы тоже с этим справитесь. Но не стоит сидеть в офисе, чтобы секретарь отделял вас от людей. Я бы лучше с вами в баре встретился.

Мы (те, кто получил профессиональное образование) знаем много, но мы должны быть под контролем. В моей стране есть такой лозунг: мы построили высокие небоскребы социальных работников, которые заботятся о благосостоянии нации. И вот клиенты пробиваются к этим социальным работникам на 150 этаж. Я бы хотел сломать эти небоскребы. У вас такого не происходит? Поменьше бы были дома, почеловечней. Чтобы был маленький офис. Может быть, в подвале, там газетки, кофе. Один или два местных соцработника, может быть, психолог. И тогда все жители окрестностей будут знать, чего стоят эти соцработники и стоит ли к ним обращаться. Добры ли они, найдется ли у них хороший совет? Или они на своем языке говорят, который ни к кому не имеет отношения? Это так важно – поставить нас под контроль.

Вопрос: Я бы хотел переспросить по поводу улучшения отношений между людьми. С соседями понятно, а как улучшить отношения между людьми, которые не соседи, не знают друг друга? Я видел такие данные где-то, что в тех странах, где разрешают свободное ношение пистолетов, через полгода все становятся очень вежливыми. По-моему, в Норвегии ужесточили это правило?

Нильс Кристи: Небольшая статистика, но очень интересная (*Н. Кристи достает газету*). Это вопрос доверия к другим людям. Впервые, эта газета немного консервативная: она пишет, что норвежцы – самые наивные люди на этом глобусе. Это они меня не знали. Я еще хуже. Но мы – не наивные. Это вопрос доверия к другим людям. Это так важно и для психологов, и для всех нас – доверять другим. И я опять говорю, что скандинавы гораздо больше верят друг другу. Это и размер страны, и история. Мы уверены в том, что большинство наших выбранных начальников разного уровня – это честные люди. И я должен с сожалением констатировать, что ваша страна известна с другой стороны. Еще Польша и Болгария. Русские только на 25–26 % доверяют друг другу, это не очень льстит русским, но это не самое главное. Конечно, ваша ком-

мунистическая история вас совсем к другому подвигала – и теперь это очень трудно преодолеть. Надо думать, как жить друг с другом и как друг другу доверять. Мы тут были в гостях в русской семье, в многоэтажном здании, там есть какой-то совет по обслуживанию дома, и я стал говорить: «А почему бы вам самим не следить за работой лифтов, за обслуживанием дома?» Ответ: нет! «Почему?» – спросил я. Мне ответили: «Да это же безнадежно. Главная структура, которая всем руководит, этого не позволит». Но я такой наивный, что я этому не верю. Вполне возможно, чтобы 10 соседей смогли скооперироваться друг с другом. Надо просто начать это делать. И если вы не боитесь, если за политические взгляды вы не попадете в тюрьму, вполне возможны дискуссии и обсуждения. Если бы у меня была еще одна жизнь, я бы в Россию приехал и агитировал бы здесь за построение сообществ. Медиация – это колонна в этом здании. Она не должна применяться в слишком больших районах, попробуйте, чтобы это доверие выстраивалось в маленьких районах.

Вопрос: Я верю, что Вы являетесь наивным человеком, но я также верю, что Вы являетесь экспертом в криминологии и социологии. И поэтому не совсем понятно, почему вы возражаете против экспертов. Подскажите, пожалуйста.

Нильс Кристи: Я думаю, что я все-таки достаточно наивен. То, о чем мы сегодня говорили – это так просто. Я думаю, что в основном вам легко было понять то, что я говорю, – никакой тайны нет в том, что я говорю. И я всегда говорю своим студентам, когда преподаю, что вы должны писать так, чтобы ваша любимая тетушка все прекрасно поняла. И знаете, что отвечают студенты? «Я чувствую себя голым, если не могу пользоваться своими техническими терминами, профессиональным языком». Я говорю: вот и отлично. Вы и должны быть голыми, эксперт и должен быть полностью обнаженным, так же, как и психолог. Социальные работники тоже должны быть выставлены на обозрение, как обычные люди. Я, конечно, глубоко профессионализирован, я должен признать, что я много знаю, но я люблю ходить вокруг и пытаться прочесть то сообщество, которое меня окружает. Моему сердцу очень близка эта книжка о словах. И я не думаю, что эксперт должен быть высоко оплачен. Эксперты должны быть как можно ближе к обычным людям. Быть мудрым и быть экспертом – это разные вещи.

Людмила Карнозова

О СЕМИНАРЕ «ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ ПРИМИРЕНИЯ»

В данном разделе представлены статьи докладчиков, выступивших на всероссийском научно-практическом семинаре по теме «Традиционные практики примирения», который был проведен Институтом государства и права РАН (Москва) совместно с центром «Судебно-правовая реформа» 24–25 февраля 2011 г.¹

На семинаре обсуждались традиции примирения в обычаях народов Северного Кавказа и Средней Азии, шариатское правосудие, примирение в истории законодательства до революционной России, покаяние в православной традиции.

С докладами на семинаре выступили Макка Султан-Гиреевна Албогачиева, научный сотрудник отдела Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Ирина Леонидовна Бабич, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН; Залпа Хож-Ахмедовна Берсанова, доцент кафедры культурологии Чеченского государственного университета и заведующая сектором этнографии Академии наук Чеченской республики; Ольга Ильинична Брусина, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; Надежда Николаевна Ефремова, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН; Максим Александрович Кудрявцев, научный сотрудник Инсти-

тута государства и права РАН; Мурат Абдыкасымович Супатаев, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН; протоиерей Олег Михайлович Сучков; Леонид Рудольфович Сюкияйнен, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики; Галина Тихоновна Трофимова, соискатель отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. На семинаре также присутствовали сотрудники общественного центра «Судебно-правовая реформа», члены Московской и Всероссийской ассоциаций восстановительной медиации (из Москвы, Перми, Урая, Волгограда, Новосибирска, Казани, Чебоксар).

В докладах Н.Н. Ефремовой и М.А. Кудрявцева было показано, что традиции примирения в России имеют давнюю историю как в обычаях, так и в законодательстве. В XVIII в. в России появилось множество иностранных слов, в том числе «медиатор» (по отношению к людям, помогающим купцам решать коммерческие споры), но слово «посредник» появилось много раньше. По мере огосударствления уголовного правосудия, придания ему публичного характера в законодательстве оставалось все меньше места для возможности примирения.

Но процедуры примирения оставались и до сих пор продолжают жить в обычаях. Довольно подробно эта тема рассматривалась на примере Чечни, Ингушетии, Карачаево-Черкесии и ряда других народов Северного Кавказа, а также народов Средней Азии. Обычай играет в этих регионах более существенную роль, чем государственное право: люди предпочитают обращаться не в государственные инстанции, а следовать традиционным проце-

¹ Семинар был проведен в рамках проекта «Развитие арсенала восстановительной ювенальной юстиции в России», в котором использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 8 мая 2010 года №300-рп.

дурам. У народов Северного Кавказа сохраняются обычаи кровной мести.

Кровная месть жестко регламентирована, она осуществляется тогда, когда не удастся достичь примирения. Так что роль примирения чрезвычайно велика. Ядро примирения – заглаживание вреда, которое имеет разные формы в зависимости от местных обычаев. Кроме того, примирение предполагает совершение определенных обрядов извинения, прощения, а также ритуалов, отражающих связь общины с предыдущими и будущими поколениями, с Аллахом. Обряды и ритуалы погружают событие примирения и прощения в связь времен, вводят трансцендентное начало.

Сейчас примирение инициируется и поощряется властями республик, на местах активно действуют примирительные комиссии для разрешения конфликтов между кровниками.

В нормах шариата примирение поощряется, а по некоторым делам попытка примирения обязательна, например, при решении семейных конфликтов.

На материале прошедших обсуждений отчетливо выявилось концептуальное различие двух типов культур по отношению к понятиям вины и ответственности.

Современная западная урбанистическая культура является продуктом разобщенного социума. Это культура не межличностных, а безличных функциональных связей, культура, центрированная на атомизированном индивиду и индивидуальной ответственности, а в уголовном праве – на индивидуальной вине и наказании. Основной же социальной единицей в жизни народов Северного Кавказа и Средней Азии является община (семья, тейп, род). Фундамент такого социума образуют тесные связи внутри общины, коллективность, близость. Отсюда коллективная ответственность, коллективная вина. Любое преступление – это причинение вреда общине. И ответственность за преступление несет община, к которой принадлежит виновный. Кровная месть либо прощение при достижении примирения адресовано общине, в ритуалах при-

мирения виновник даже не всегда участвует, он отвечает перед своей семьей, тейпом, родом. Община, в свою очередь, берет ответственность за его исправление. Посрамление перед общиной в случае нарушения установленного порядка вещей является основным и довольно мощным инструментом воздействия на виновного, а стыд (воссоединяющий, по Дж. Брейтуэйту) – психологическим механизмом «ресоциализации».

Изучение этих практик открывает для нас новые пласты в понимании механизмов ответственности и раскаяния. Похоже, эти процессы невозможны как индивидуальные без мощной опоры и поддержки – в данном случае в виде заботы со стороны общины, в обрядах, которые выражают то, что не может выразить один человек, и пр. Подлинное признание вины, по-видимому, психологически возможно только перед теми, кто тебе дорог и близок. А по отношению к жертве освященные веками обряды символизируют сожаление о совершенном проступке (преступлении) и предлагают определенность форм, в которых должно произойти заглаживание вреда.

О другой традиции и форме, в которой может произойти раскаяние и принятие ответственности, рассказал протоиерей Олег Сучков. Речь идет не об ответственности перед жертвой, а о христианской традиции покаяния, которое предполагает серьезную духовную работу. Но примирение с жертвой тоже поощряется церковью.

Проведенный семинар дал нам богатейший материал для более подробного изучения, размышлений, сопоставления восстановительной медиации с традиционными практиками примирения, для уточнения нашего понятийного аппарата и процедур. Как сказала на заключительном обсуждении Н. И. Новикова (Институт этнологии и антропологии РАН), изучавшая Круги правосудия на севере Канады, возможно, имеет смысл ставить вопрос не столько о воспроизведении традиций, сколько о конструировании новых практик с учетом традиций.

Надежда Ефремова

ТРАДИЦИЯ ПРИМИРЕНИЯ В ИСТОРИИ ОБЫЧНОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ (ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД)

В современных условиях поиска путей совершенствования отечественного правосудия немаловажное значение имеет опыт становления и развития его организации. Одной из проблем в создании ее надлежащей модели является гармонизация соотношения частного и публичного права, индивидуального, общественного и государственного интересов в процессе разрешения конфликтов. В этой связи весьма важным является институт примирения, к которому на протяжении всей истории человечества, вероятно, еще до возникновения государственного суда, обращались люди. Поэтому хотелось бы, в частности, остановиться на анализе института примирения, известного и российской юстиции всех исторических эпох. Учитывая многогранность этой проблемы, выберем один из ее аспектов – исторические этапы его развития и формы примирения с потерпевшим в российском дореволюционном уголовном процессе в контексте признания его носителями государственной власти.

Как известно, в уголовном процессе преобладает публичное начало, что обуславливает включение его в сферу публичного права. Это, однако, не исключает наличия в нем и частного начала, которое в различные эпохи, характеризующиеся особенными социально-экономическими и идеолого-политическими условиями в целом, а также сложившейся пропорцией защищаемых правом частного, общественного и государственного интересов, в частности, получает большее или меньшее значение.

История уголовного процесса в отечественной и зарубежной юстиции начиналась с господства в нем частного начала и нераз-

дельности видов процесса, иначе говоря, совпадения первого с гражданским. Главной целью юридической ответственности, в том числе наказания, было возмещение вреда, морального, физического или материального.

Институт примирения известен уже древнерусскому праву. Так, по Русской Правде (XI–XII вв.) виновный за причинение смерти другому лицу (без отягчающих обстоятельств) привлекался к уплате штрафа (виры) и к головничеству – возмещению ущерба родственникам убитого. Тем самым преступник избавлял себя от кровной мести со стороны последних. По-видимому, члены семьи убитого, принимая плату и отказываясь от мести, фактически прощали убийцу и примирялись с ним. Однако прощение, по мнению В. Ключевского, было формальным, а не моральным, обусловленным раскаянием преступника. Установление компенсации за потерю кормильца (головничество) наряду со штрафом (вирой), как указывал В. Ключевский, означало, что «если Русская Правда и понимала ответственность за преступление и даже не только перед потерпевшим, но и перед обществом в лице князя, то ответственность только внешнюю, материальную, без участия нравственного мотива»¹. Таким образом, для законодателя было важным урегулировать конфликт возмещением причиненного ущерба, наложением денежного взыскания на виновного, не требуя от него осознания вины за содеянное и раскаяния.

¹ Ключевский В. Сочинения: В 8 т. М. 1956. Т. I. Курс русской истории. Ч. 1. С. 241.

Исследователи полагают, что и другие случаи примирения с потерпевшим при наличии воли последнего известны во времена Русской Правды, однако его формы законом не регламентировались.

Законодатель не устанавливал процедуры примирения, скорее всего, потому, что продолжали действовать нормы обычного права, восполнявшие этот пробел. Интересный пример соответствующего обычая из практики восточно-европейских славян привел английский юрист-историк права Г. Мэйн, рассуждая о формах кумовства, или духовного родства, устанавливавшегося в результате примирения. Он писал: «То лицо, жизни которого угрожает опасность вследствие вражды с кем-либо, может предложить своему врагу заключить так называемое “кумовство по невзгоде”... Если же ему будет выражено согласие, то он становится со своим прежним врагом в отношении духовного родства и обыкновенно должен крестить у него следующего же ребенка. Эти оригинальные искусственные отношения родства в славянских странах, в особенности в Черногории, оказываются чрезвычайно полезными в деле прекращения кровной мести. Обычай этот известен под названием “кумовство мира”»².

В Древней Руси кровная месть, как известно, была запрещена Русской Правдой, второй, Пространной ее редакцией. Псковская Судная грамота (по мнению И. Д. Мартысевича – между 1462–1471 г.³) уже прямо говорила о прощении или примирении. Так, Псковская Судная грамота в ст. 80 предусматривала возможность примирения сторон – «решения дела миром» в случае драки. Об этом говорилось так: «промеж себе прощенье возьмут», – вследствие чего преступник освобождался от наказания. Возможность решать дело миром предусматривалась ст. 37 Псковской Судной грамоты и на завершающей стадии процесса: если в ходе судебного поединка – «поля» бойцы «толко прощение возьмут, ино приставом по 3 деньги, а князю продажи нет, оже истец чего не возможет»⁴. Таким образом, в случае мировой сделки пошлины уплачивались в половинном размере,

тогда как полный – это 6 денег в пользу пристава. Штраф в пользу князя в этом случае не уплачивался, т. е. ответственность не наступала, наказание не устанавливалось.

Следует заметить, что судебный процесс по желанию тяжущихся мог быть прекращен на любой его стадии: пред полем, в ходе поля. Вместе с тем Псковская Судная грамота выделяет перечень преступлений, по которым освобождение от ответственности, в том числе и на основании примирения, не допускалось. В ст. 7 было установлено: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигальнику тем живота не дати»⁵. Следовательно, за наиболее тяжкие преступления: кражу из Кремля, конокрадство, измену и поджог – безальтернативно назначалась смертная казнь.

Аналогичная изложенной в ст. 80 Псковской Судной грамоты норма содержалась в Двинской уставной грамоте (1397–1398гг.), причем примирение сторон происходило до обращения в суд. В ее ст. 3 предусматривалось: «А учинится бои в пиру, а возмут прощение, не выида ис пиру, и наместником и дворяном не взяти ничего; а вышед ис пиру возмут прощение, ине наместникам дадут по кунице шерстью»⁶. Во втором случае указанного деяния при обращении к судье по поводу возбуждения уголовного преследования речь идет об освобождении от наказания ввиду примирения до судебного следствия и вынесения решения. По мнению Е. А. Симоновой, это «свидетельствует о материальной природе рассматриваемых норм», поскольку очевидно, что уголовно-процессуальная деятельность правоохранительных субъектов не осуществлялась⁷.

Также и Судебник 1550 г. допускал примирение сторон до начала «поля» – судебного поединка, организация которого облагалась особой пошлиной: «А досудятся до поля, да не став у поля, да помирятся, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку, и подьячому, и неделщику пошлин полевых не имати» (ст. 9)⁸. А в ст. 10, предусматривавшей примирение после начала поединка: «А у поля став помирятся», порядок взимания пошлин хотя и не был регламентирован⁹, однако на

² Мэйн Г. Древний закон и обычай. М., 2010. С. 199–200.

³ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984–1994. Т. I. М., 1984. С. 329. (Далее – Российское законодательство...)

⁴ Там же. С. 339, 335.

⁵ Российское законодательство. Т. I. С. 332.

⁶ Российское законодательство. Т. 2. М., 1985. С. 181.

⁷ См.: Симонова Е. А. Примирение с потерпевшими в российском законодательстве и теории // Под ред. Б. Т. Разгильдяева. Саратов, 2004. С. 49.

⁸ Российское законодательство. Т. 2. С. 98.

⁹ Там же.

практике пошлина взималась с обеих сторон: «Стояв у поля истец с ответчиком да помиряется, и им (недельщикам) с обеих пошлин имати 10 денег»¹⁰.

Как отмечено выше, и предыдущий Великокняжеский Судебник 1497 г. предусматривал примирение сторон как до обращения в суд, так и после начала судебного разбирательства, однако оно считалось действительным только после утверждения его судьей и было также возмездным. Так, в ст. 53 Судебника 1497 г. было установлено: «А кто кого поимает приставом в бою, или в лае, или в займех и на суд ити не восхотят, и они доложат судии, помиряется, а судьи продажи на них нет, опроче езду и хоженного»¹¹. Таким образом, наказание не назначалось, а уплата пошлин, связанных с началом дела, предусматривалась. Например, размер вознаграждения недельщика за проезд от Москвы до других населенных пунктов устанавливался в ст. 30 Судебника 1497 г. и составлял в зависимости от расстояния от 8 рублей (до Двины и Колмогор) до 10 алтын (до Дмитрова).

Вместе с тем в указанных памятниках права устанавливался круг дел, примирение по которым не допускалось, причем исторически перечень их расширялся. Например, в ст. 8 Судебника 1497 г. было установлено: «А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное лихое какое дело, и будет ведомо лихой, и боярину того велети казнити смертною казнию, а ищцево велети доправити из его статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе»¹². Очевидно, что в случае деяний, предусматривавших безальтернативное наказание – смертную казнь, как и по Псковской Судной грамоте, исключалось примирение. При этом перечень деяний, исключавших освобождение от высшей меры наказания, не был исчерпывающим, поскольку под «лихим делом» понималось любое деяние, посягавшее на государством установленный порядок, а «ведомо лихой человек» – это рецидивист, т. е. уже совершивший ранее «лихое дело».

В Царском Судебнике 1550 г. перечень таких деяний и оснований увеличился: «розбой, или душегубство, или ябедничество», или «подписка» (подделка документов), или «иное

какое лихое дело», или «ведомой лихой человек», подсудные суду боярина (ст. 59), или «татьяба» и «иное какое лихое дело, опричь розбоа», подсудное наместнику или волостелю (ст. 60). Виновному назначалось наказание – смертная казнь, а возмещение приказных убытков и расходов (в случае суда боярина) было возможным лишь при наличии истца «статка», но в пользу судей и должностных лиц суда (боярин, дьяк, недельщик) предписывалось «не имати ничего» из имущества казненного. Это положение, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, свидетельствовало о том, «что центральные суды гораздо ранее, чем провинциальные, потеряли все свойства кормлений»¹³. Так, судьям – наместникам и волостелям и их тиунам все еще полагалось вознаграждение в том случае, если после удовлетворения истца что-либо остается у «лихово статка» (ст. 60). При этом, как отмечал Б. А. Романов, закон запрещал судьям искать своих доходов на истце при отсутствии у казненного ответчика имущества¹⁴. А по мнению В.Н. Татищева, хотя разрешение судьям возмещать расходы за счет «статка» осужденного поощряло их должностное рвение, но в то же время на практике наносило «великий вред», поскольку «сребролюбивый судья, забыв закон божий, для своей корысти невинного осудит»¹⁵.

И хотя к XVII в. все еще сохранялись частные начала процесса, однако тенденция к их ограничению проявилась отчетливо. Так, в Боярском приговоре от 23 февраля 1645 г. о прекращении дел о поличном в случае неявки в суд обвинителя в недельный срок было установлено: «Буде кто приветчи с поличным, а о указе бить челом не учнет неделю, и тем отказывать против того же государева указу, хто х кому, приставя и не учнет искать неделю»¹⁶.

Как установил Л. Н. Лянго, уже 9 июня 1645 г. был издан Указ о запрещении заклю-

¹⁰ ААЭ. Т. 1. № 225. С. 278 // Цит. по: Российское законодательство. Т. 2. С. 133.

¹¹ Там же. С. 61.

¹² Там же. С. 55.

¹³ Памятники русского права. Выпуск четвертый. М., 1956. С. 301.

¹⁴ См.: Судебники XV–XVI вв. М.-Л., 1952. С. 250–251.

¹⁵ См.: Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 311.

¹⁶ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. // Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. С. 222 // Цит. по: Лянго Л. Н. Примирение с потерпевшим, его уголовно-правовое и процессуальное значение: исторический анализ. // Проблемы права и социологии. Межвузовский сборник научных статей. Волгоград, 2002. Вып. 2. С. 20.

чать мировые с разбойниками помимо суда, за нарушение которого к истцу (потерпевшему) применялись штрафные санкции: «и... татем и разбойником Указ чинить по прежнему Уложению, хто чего доводится; а исцом за то пеня чинить, смотря по делу»¹⁷.

О примирении говорилось и в Соборном уложении 1649 г. Так, например, в ст. 121 оно предусматривалось до начала процесса – «до совершения судных дел» и в ходе процесса, до его окончания – «до вершенья судного дела». В первом случае истцы и ответчики должны были представить суду «мировые челобитные за своими руками» (т. е. подписью) и уплатить судебные пошлины. Если же они этого не делали, то пошлины следовало взыскать с поручителей. Обязательность пошлин сохранилась со времен Судебников: ст. 4 Великокняжеского и ст. 9 Царского. Кроме того, ст. 154 гл. X Соборного уложения запрещала повторный пересмотр дела, завершеного примирением сторон, предусматривая за повторный иск телесные наказания – «бить батоги, чтобы ему и иным таким, на то смотря, неповадно было так делать»¹⁸. Интересная норма содержалась в ст. 184 Соборного уложения: в случае совершения «обиды» группой лиц потерпевшему примирение последнего с одним из обидчиков не освобождало от суда остальных¹⁹. Следовательно, лица, связанные уголовным законом, единством ответственности, могли выступать в деле самостоятельно. Признание иска одним из соответчиков не предрешало, таким образом, исхода дела в целом. Так же, как и Судебники, Соборное уложение не допускало примирения с «лихими» людьми, совершившими тяжкие уголовные преступления, например, разбой.

В законодательстве Петра I примирение как проявление частного интереса стало исключением, зато правилом стал донос. Основанием для исключения были деяния, осуждение за которые возможно было лишь по частному обвинению. Так, например, ст. 170 Артикула Воинского, утвержденного 26 апреля 1715 г., предусматривала редкий случай примирения, придавая ему значение смягчающего вину обстоятельства и не освобождавшего от наказания. В официальном толковании к статье говорилось: «Ежели невинной супруг за прелюбодеющую супругу просить будет,

и с нею помиритца... то мочно наказание умалить»²⁰. Интересно, что равным указанному смягчающему вину основанию было то, что «прелюбодеющая сторона может доказать, что в супружестве способу не может получить телесную охоту утолить»²¹.

Так же, как и в законодательстве предшествующего, «московского периода», были установлены составы, примирение по которым не допускалось, причем список их возрастал: это и измена, и умышленное убийство, и иные тяжкие преступления.

В законодательстве Екатерины II в духе просветительских гуманистических идей было предусмотрено примирение по особым категориям дел, подсудным Совестному суду, однако это уже относилось преимущественно к гражданским спорам; примирительный порядок был регламентирован и предусматривал возможность участия посредников²².

В Учреждениях для управления губерниями 1775 г. в главе XXVI «О совестном суде и его должности» в ст. 397 говорилось: «совестный суд устанавливается быть преградой частной, или личной безопасности... вверяется одному совестный разбор и осторожное и милосердное окончание дел ему порученных ...»²³.

Процедура примирения была регламентирована ст. 400 указанного закона: «Совестного суда должность есть в гражданских делах примирять тех спорящихся, кои прозвобой прибегают к разбирательству совестного суда: для примирения же совестный суд требует от истца и ответчика или средств в силу узаконений к их примирению, и буде согласятся, то совестный суд укрепит их согласие печатью, и буде же не согласятся, то совестный суд требует от истца и ответчика назначения с каждой стороны по одному, или по два посредника на месте живущих (быть посредником никто из живущих в обществе отказаться не должен) ... тогда ... посредники обще с совестным судом рассматривают дело, и потом изыскивают средство к примирению ... и на чем посредники согласятся, то и предложат совестному суду, который приложит печать к согласию посредников, а истец и ответчик

¹⁷ Там же. С. 215 // Цит. по: Лянго Л. Н. Указ. соч. С. 20.

¹⁸ Российское законодательство. Т. 3. М., 1985. С. 117, 126.

¹⁹ Там же. С. 132.

²⁰ Российское законодательство. Т. 4. М., 1986. С. 360.

²¹ Там же.

²² См.: Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г. Ст. 400 // Российское законодательство. Т. 5. М., 1987. С. 275–276.

²³ Российское законодательство... Т. 5. С. 275.

теряют право возобновлять впредь о том просьбу во всяком судебном месте...»²⁴

При этом мнение совестного суда должно было основываться на следующих началах: «1. доставить обеим сторонам законную, честную и бестяжебную жизнь, 2. злобы, распри и ссоры прекратить, 3. доставить каждому ему принадлежащее, 4. облегчить судебные места примирением спорящихся лиц ...»²⁵ В случае же если посредники не пришли к согласию, совестный суд должен был предложить «примирительные способы» сторонам, а при отказе от примирения последних совестный суд должен был прекратить производство по делу, а стороны были вправе обратиться в суд общей юрисдикции.

Вместе с тем положения уголовного законодательства Алексея Михайловича и Петра I о примирении оставались действующими. Однако в условиях изменения взглядов законодателя на сущность преступления и определением его не только как вреда, причиненного частному или публичному правоохраняемому интересу, но и как посягательства на верховную абсолютную волю неограниченного во власти монарха, выраженную в законе, наказание стало осуществляться в интересах, прежде всего, публичных, а не частных. Вследствие чего сфера примирения стала сужаться. К тому же, как отметил А. Ф. Бернер, примирение стало возможным «тем реже и исключительнее, чем чаще и обильнее сделалась повинность доноса»²⁶, т. е. публичного обвинения.

Аналогично характеризовал ситуацию и классик российской уголовно-правовой доктрины А. Лохвицкий: «Преступление потеряло частный характер; оно признается поэтому нарушением общественного интереса; преследуется общественной властью и помимо жалобы или желания потерпевшего лица. Это одно из важнейших отличий между новой и старой эпохой уголовного права»²⁷.

Исключением из этого правила были деяния, за которые преследования и наказания были возможны по заявлению частного лица: против чести и достоинства, семьи и нравственности и некоторые другие.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. примирение оставалось еще возможным до исполнения приговора. Со временем перечень составов, возбуждение дела по которым зависело от жалобы потерпевшего, менялся, регулирование дел частного обвинения было отнесено к уголовно-процессуальному законодательству. Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ст. 160 предусматривало отмену наказания в случае примирения обиженного с обвиняемым²⁸. Это распространялось на дела, возбуждаемые по жалобе потерпевшего (частному обвинению), такие как: нанесение легких ран, письменная клевета, обольщение незамужней женщины торжественным обещанием на ней жениться, жестокое обращение мужа с женой и, наоборот, прелюбодеяние, упорное неповиновение детей родителям, плагиат²⁹. Однако согласно ст. 162 отмена приговора о наказании по основанию примирения была возможна лишь до исполнения приговора и за исключением ряда преступлений: оскорбление подчиненными начальства, изнасилование и обольщение, самовольное лишение свободы, противозаконное вступление в брак³⁰.

Не прекращались примирением и дела по оскорблениям, нанесенным должностными лицами при исполнении служебных обязанностей, что было предусмотрено ст. 376 Уложения 1845 г.³¹

Таким образом, к середине XIX в. по общему правилу преступления наказывались без учета воли частных лиц – потерпевших, поскольку обиженным признавалось не частное лицо, а общество в целом³². Н. Д. Сергиевский, говоря о более позднем периоде, отмечал, что «всякое нарушение права отдельного лица есть вместе с тем правонарушение общественное, поэтому всякое причинение вреда в наше время мыслится, как преступное деяние против всего общества, хотя бы оно нарушало ближайшим образом только интересы частного лица»³³.

²⁴ Там же. С. 275–276.

²⁵ Там же. С. 276.

²⁶ Бернер А. Ф. Учебник уголовного права (прим., прилож. и доп. Н. Неклюдова). Часть общая. СПб., 1867. Т. 1. С. 907.

²⁷ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. Т. 1. С. 226 // Цит. по: Симонова Е. А. Указ. соч. С. 51.

²⁸ Примирение обиженного с обидчиком рассматривалось как одно из обстоятельств, «погашающих наказание» (п. 2 ст. 16. Уложение 1845 г.).

²⁹ См. об этом: Лянго Л. Н. Указ. соч. С. 21.

³⁰ См.: Российское законодательство. Т. 6. М., 1988. С. 323.

³¹ Там же. С. 376.

³² См.: Учебник уголовного права / Сост. В. Спасович. СПб., 1863. Т. 1. С. 313.

³³ Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. СПб., 1904. С. 52.

С введением волостного суда в результате крестьянской реформы 1861 г. на основании «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» была предусмотрена примирительная процедура при рассмотрении тяжёлых дел. Так, в ст. 7 указанного закона говорилось: «...судьи по выслушивании тяжущихся сторон стараются склонить их к примирению. Если стороны примирились, то должны в то же время объявить, что одна уступает или чем вознаграждает другую и каким образом должно последовать удовлетворение»³⁴. В противном случае суд решал дело на основании имеющихся в волостном правлении заявлений о сделках и обязательствах либо при их отсутствии «на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту»³⁵. В указанном законе предусматривалось также примирительное производство по спорным делам о принадлежности недвижимого имущества крестьян в случаях, когда оно было приобретено ими ранее, в период пребывания в крепостном состоянии, на имя помещика. Инстанциями для рассмотрения такого рода споров выступали мировые посредники и мировые съезды³⁶.

Определённые изменения в отношении процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого произошли в связи с утверждением начал нового, более прогрессивного суда в ходе либерально-демократической судебной реформы 1864–1899 гг. Однако модернизация уголовного процесса не повлекла существенного обновления материального уголовного права, в сущности своей сохранившего архаический карательный характер.

Так, по Уставу 1864 г. о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, примирение допускалось и после вступления приговора в силу (ст. 22). Примирение предусматривалось в случаях, установленных ст. 18, 19 указанного закона за совершение следующих преступлений: кража, мошенничество, присвоение чужого имущества между супругами, а также между родителями и детьми (по жалобе потерпевшего), против чести и прав частных лиц и некоторых других³⁷.

И в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. в качестве одного из оснований прекращения судебного преследования в отноше-

нии обвиняемого было также установлено примирение с обиженным (п. 3 ст. 16)³⁸. Примирение допускалось по делам частного обвинения «при посягательствах на права известного частного лица без особого посягательства на безопасность общества» (ст. 2)³⁹.

Примирение с обиженным рассматривалось как одно из условий, устранявших наказуемость, но процессуальная сторона имела в нем существенное значение. То же было предусмотрено и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Однако и в этом случае для освобождения от наказания виновного (неприменения наказания) требовалось «изъявление воли потерпевшего»⁴⁰.

Вместе с тем в конце XIX – начале XX в. в России наряду с законодательством сохраняли свое действие правовые обычаи, применявшиеся в органах местной юстиции, причем достаточно широко, в большинстве так называемых «национальных окраин». В условиях имперского устройства Российского государства организация правосудия не была единой, у многих народов продолжали действовать традиционные институты власти и юридические нормы, в том числе имеющие отношение к примирению как способу разрешения конфликтов. Так, например, у таджиков в период вхождения их в Российскую империю сохранялся «суд мазалим»⁴¹, или диван справедливости, который для скорейшего разрешения дела мог принуждать к примирению. В имперский период у абхазов действовал обычай воспитания ребенка потерпевшей стороны – аталычество в качестве способа примирения «кровников», мщение которых в противном случае могло длиться десятилетиями. Аталычество означало, что вскоре после рождения ребенок переходит на время на воспитание в

³⁸ Там же. С. 121.

³⁹ Там же. С. 253.

⁴⁰ См. подробнее: *Симонова Е. А.* Примирение с потерпевшим в российском законодательстве и теории // Под ред. Б. Т. Разгильдяева. Саратов, 2004. С. 46–54; Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. // Под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984–1994. Т. I, II, III, IV, VI – указанные памятники права; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1904. С. 165.

⁴¹ См.: *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. Изд. 2-е // Перевод с немецкого, предисловие, библиография и указатель Д. Е. Бертельса. Отв. ред. В. И. Беляев. М.: Наука, 1973. С. 196–197. Мазалим – от слова зулм – насиле, используется в значении судьи или судебного органа. По мнению А. Меца, это «суд справедливости».

³⁴ Там же. Т. 7. М. 1989. С. 59.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 83.

³⁷ См.: Российское законодательство. Т. 6. М., 1991. С. 397.

другой род (в частности, и кровных врагов), а потом возвращается в свою семью⁴².

Способом разрешения конфликта выступало у абхазов и «искусственное родство», устанавливаемое как мирным путем, так и путем насилия. Мирным путем устанавливалось «молочное родство» (вскармливание младенца пострадавшей стороны молоком женщины со стороны виновных). После совершеннолетия ребенка возвращали в его семью торжественно и с дарами. Силовым способом на основании обычаев абхазов осуществляли усыновление: виновный похищал ребенка враждующей стороны, а его жена вскармливала младенца. Этим обычаем враждующие стороны примирялись даже при сопротивлении пострадавшей стороны. Также было возможным, проникнув в дом под видом гостя, женщине от виновной стороны, переодетой в мужскую одежду, улучшить момент и вскормить младенца потерпевшей стороны своим грудным молоком (или сымитировать это)⁴³. После свершившегося факта признавалось примирение.

При отсутствии младенцев в семье потерпевших можно было совершить обряд прикосновения к груди женщины из семьи виноватых другим представителем потерпевших (девушка или юноша, или мужчина), что тоже означало примирение⁴⁴. Этот обряд примирения назывался «ввод в дом»: поцеловавший в грудь прилюдно женщину в ее доме становился усыновленным ею и ее мужем, устроившим по этому случаю праздник. Помимо того, примирившиеся таким образом обменивались ценными подарками. Однако подарки усыновителей превышали стоимостью подарки стороны усыновленного. Известны и другие обряды, проводившиеся с целью примирения кровных врагов. Если после установления искусственного родства вражда не прекращалась, виновные изгонялись из родного селения. Установление искусственного родства могло инициироваться как сторонами, так и общественностью.

Обычай примирения кровных врагов был широко известен и применялся у других народов Кавказа. Например, по адатам кумыков

умышленно убивший другого должен был скрываться от родственников жертвы в дальней местности неограниченно долгий срок во избежание кровной мести. Там он ожидал прощения родственников убитого, которые и определяли срок изгнания, поскольку признавались «хозяевами крови». По прошествии, как правило, 3–10 лет или более, если последние соглашались на примирение, они в установленный день встречались с убийцей и его родней. С. В. Юшков описал следовавший далее обряд: убийца «стоял лицом к родственникам убитого, пока каждый читал молитву. Затем прощенный приглашал к себе на угощение всех родственников убитого и у дверей своего дома падал с обнаженной головой на землю, оставаясь так до тех пор, пока ближайший родственник убитого не говорил ему: «встань, мы простили тебя». После того как присутствовавшие его поднимали, участвовавшие в процедуре пили с прощеным из одной чаши. Также родственники убитого получали в дар оседланную лошадь, оружие и шелковую ткань на одежду женщинам⁴⁵.

В имперский период обычное право применялось на исконных территориях империи в крестьянской, волостной юстиции как дополнение к законодательству, а также на национально-окраинных территориях, в местностях компактного проживания мусульман либо народов, сохранявших традиционное родоплеменное устройство и институты власти.

В конце имперского периода примирение потерпевшего с обидчиком как основание, погашающее наказание, стало носить характер редкого исключения, в законодательстве оно допускалось лишь по так называемым «исковым» или «неофициальным» преступлениям. Уголовное преследование здесь ставилось в зависимость от воли пострадавшего, поскольку в них «элемент частный до того преобладает над общественным, что за вычетом из них частного элемента, в остатке получится столь маловажная вина в отношении к обществу, что и карать ее не стоит», полагал В. Спасович⁴⁶.

Подводя итог, следует сказать, что институт примирения в российском дореволюционном уголовном процессе характеризуется следующими чертами: 1) примирение выступало

⁴² См.: Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956. С. 14.

⁴³ Авидзба В. В. Традиционный суд и судопроизводство абхазов в конце XVIII в. – первой половине XIX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сухуми, 2008. С. 22–23.

⁴⁴ Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария. Сухуми, 2006. С. 150.

⁴⁵ См.: Юшков С. В. История государства и права СССР. М., 1947. С. 503.

⁴⁶ См.: Симонова Е. А. Указ. соч. С. 53; Учебник уголовного права / Сост. В. Спасович. 1863. Т. 1. С. 314.

как основание освобождения от наказания либо для смягчения его; 2) примирение призвано было удовлетворять частный интерес, но вместе с тем обеспечивало и общественный интерес, защита которого возлагалась на публичные судебные органы, освобождаемые от соответствующей обязанности волей частных лиц; 3) в целом примирение с потерпевшим – это исторически сложившееся частное начало в публичном праве, известное не только российской правовой системе.

Таким образом, при некоторых различиях в основаниях, последствиях, процедуре примирения общими оставались, прежде всего, наличие и выражение воли на то со стороны потерпевшего (за редким исключением в обычном праве), и эффект института – умиротворение участников конфликта. И в современной юриспруденции большое число специалистов рассматривают примирение преступника с потерпевшим как наиболее приемле-

мую альтернативу уголовному наказанию. Сторонники такой точки зрения обосновывают ее следующим образом: «...государство не должно без особой на то надобности вмешиваться в личные отношения граждан. У каждого гражданина должно остаться право самому решать вопрос о необходимости обращения в суд за защитой своих прав либо о прекращении судопроизводства на любой стадии процесса, когда конфликты между людьми могут быть решены и без вмешательства государственных органов»⁴⁷.

Примирение с потерпевшим так же, как и приговор суда, разрешает конфликт, однако другим способом, а следовательно, способствует правосудию, являясь при этом частной альтернативной его формой, что вполне соответствует актуальной задаче гуманизации уголовного права и процесса, в рамках которой так называемое «уголовное правосудие» заменяется или дополняется «восстановительным».

⁴⁷ Лянго Л. Н. Примирение с потерпевшим, его уголовно-правовое и процессуальное значение: исторический анализ // Проблемы права и социологии. Межвузовский сборник научных статей. Волгоград, 2002. С. 22.

Максим Кудрявцев

ВОПРОСЫ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 ГОДА

Соборное Уложение 1649 года (или Уложение царя Алексея Михайловича) представляет собой не только важный памятник истории отечественного права, но и вершину эволюционного развития законодательства допетровской Руси. Этот документ, справедливо именуемый историками «кодексом феодального права»¹, охватывает все стороны жизни Московского царства XVII века от царского дворца и храма до корчмы. Названный правовой акт стал краеугольным камнем российской правовой системы, долгие годы оставаясь ее фундаментом и субсидиарным источником. Значение его столь велико, что именно этот документ открывает первый том Полного собрания Законов Российской Империи (Собрание первое, 1649–1825 гг.), изданного в 1830 году. Соборное Уложение продолжало действовать почти два века и составляло основу правовой системы России до тех пор, пока его не заменил Свод законов Российской Империи, вступивший в силу с 1835 года. Необходимо упомянуть и о том, что Соборное Уложение 1649 года стало первым отечественным правовым актом, опубликованным типографским способом тиражом 2 тыс. экземпляров. Этот документ содержит в том числе и ряд статей, посвященных примирительным процедурам, призванным заменить судебную тяжбу обоюдным «полюбовным» разрешением спора без участия государственной администрации.

Соборное Уложение 1649 года предусматривает три вида примирительных процедур.

¹ См.: Маньков А. Г. Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. Л., 1980; Тарановский Ф. В. История русского права. М., 2004. С. 111–176.

К их числу относятся: 1) *примирительная отсрочка*, 2) *мировое соглашение*, 3) *третейский суд*.

1. Примирительная отсрочка. Институт отсрочки судебного разбирательства по инициативе сторон был известен и более раннему отечественному законодательству (Судебникам). Для этого любой из тяжущихся мог направить в суд так называемую «отсрочную челобитную». За каждой из сторон спора признавалось право ходатайствовать об отсрочке рассмотрения дела с тем, чтобы представить дополнительные доказательства, особенно те из них, которые находятся в «дальних имениях» и «в других городах», а также по иным уважительным причинам. Однако статья 108 главы X («О суде») Соборного Уложения 1649 года наполняет институт отсрочки судебного разбирательства новым смыслом, предусматривая особую его разновидность – примирительную отсрочку. В соответствии с этой нормой стороны спора получили право, договорившись друг с другом, до начала судебного разбирательства их дела по существу направить в суд совместную «отсрочную челобитную» для того, чтобы им до суда «меж себя сыскиватися», то есть попытаться решить дело миром, по обоюдному согласию, без участия судебной власти.

Применить данную форму примирительной процедуры тяжущиеся могли по своему добровольному волеизъявлению. При этом судья не обязывался побуждать участников спора к досудебному примирению, а соответствующие процедуры не были обязательны хотя бы потому, что в этом случае дело не рассматривалось в суде по существу, а достигнутое соглашение не утверждалось судом. По этой при-

чине соответствующая судебная инстанция и государственная казна теряли исковые пошлины, а чиновники – причитающиеся им «кормы» и «проести». Само же дело, по которому предоставлялась примирительная отсрочка, даже не «записывалось» в бумаги соответствующего приказа, так как примирение сторон исключило бы необходимость судебного разбирательства, им следовало лишь уведомить соответствующую инстанцию о достигнутом соглашении до окончания примирительной отсрочки.

Если же стороны не примирились в течение предоставленной им отсрочки судебного разбирательства, они обязаны были в установленный срок предстать перед судом, который рассматривал их дело по существу. При этом неудача примирительной процедуры сама по себе не влекла негативных последствий для участников спора, за исключением разве что потери потраченного на нее времени и вызванного этим затягивания судебного разбирательства. В целях обеспечения своевременной явки истца и ответчика на суд по истечении предоставленной им для примирения отсрочки в приказе составлялись так называемые «срочные отписные» бумаги, а на руки тяжущимся выдавались *срочные памяти* – документы с указанием срока вызова в суд.

В случае же когда предоставленная отсрочка истекла, а одна из сторон неудавшейся примирительной процедуры не явилась в суд в установленный срок по причине, не относящейся к уважительной, и не послала вместо себя доверенное лицо, она считалась проигравшей дело. По истечении недели другой стороне как выигравшей дело выдавалась *бессудная грамота* (заочное судебное решение без рассмотрения дела по существу)². Примирительная отсрочка рассмотрения дела не применялась лишь в отношении «крепостных дел», то есть споров по сделкам, оформляемым письменными документами, удостоверяемыми в установленном государством порядке с уплатой «печатных» пошлин³.

² В обычных случаях к проигрышу дела приводила трехкратная неявка на суд, а по делам, отсроченным по иным основаниям, кроме примирительных процедур – двукратная.

³ Однако и в этом случае у сторон оставалась возможность либо воспользоваться другими видами примирительных процедур, либо совершить новацию обязательства и заключить новую крепостную сделку по тому же вопросу на согласованных измененных условиях.

2. Мировое соглашение. Вторым видом примирительных процедур, предусмотренных Соборным Уложением 1649 года, было *мировое соглашение*. В соответствии со ст. 121 главы X «О суде» этого документа, стороны могли «помириться» друг с другом в любой момент до завершения судебного разбирательства по их делу. Для того чтобы узаконить достигнутое мировое соглашение, тяжущиеся должны были принести в суд подписанные ими *мировые челобитные*, заплатить пошлины с полученного по мировому соглашению, а также оплатить прочие судебные расходы. Стороны обязывались информировать суд о достигнутом между ними мировом соглашении с тем, чтобы суд не рассматривал повторно уже решенное сторонами полюбовно дело, а также в целях соблюдения фискальных интересов государства и чиновников, «кормящихся от дел».

При этом пошлины с мирового соглашения брались в полном объеме. Необходимо отметить, что в ст. 38 действовавшего ранее Судебника Ивана III 1497 года предусматривалась возможность брать с заключенных истцом и ответчиком мировых соглашений пошлины в половинном размере по сравнению с исковыми пошлинами (причем с обеих сторон в сумме, а не с каждой из них). Это правило хотя и вступало в некоторое противоречие с фискальными интересами государства и уменьшало «кормление» его чиновников, тем не менее стимулировало истцов и ответчиков к заключению мировых соглашений. К сожалению, эта интересная практика не была воспринята Соборным Уложением 1649 года.

3. Третейский суд. Необходимо отметить, что в главу XV «О вершенных делах» Соборного Уложения 1649 года была включена отдельная ст. 5, посвященная третейскому суду, выделенная в этой главе как самостоятельный раздел с особым названием. Следует подчеркнуть, что именно Соборное Уложение 1649 года впервые в отечественной истории закрепляет процедуру третейского суда в качестве альтернативного внесудебного способа разрешения споров. Структура названной главы данного документа дает основание думать, что появление норм о третейском суде в тексте этого законодательного памятника явилось результатом учета предложений «выборных людей», которые были внесены в подготовленный правительством текст, зачитывавшийся на Земском Соборе.

Введение Соборным Уложением 1649 года института третейского суда стало важным ша-

гом в развитии отечественного законодательства о примирительных процедурах. Статья 5 главы XV названного документа, регулирующая вопросы третейского производства, предоставила истцу и ответчику возможность заключить между собой «полнобловное» соглашение о передаче своего спора на рассмотрение третейского суда, о том, что они «пойдут на суд перед третьих» и будут «их третейского приговору слушати», оформив его в виде *третейской записи*. При этом каждый из тяжущихся избирал своего третейского судью («третя»). Эти двое третейских судей и решали дело по существу. Таким образом, рассматриваемая процедура существенно отличалась от современной третейской процедуры, предусмотренной Федеральным законом «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ⁴, где судей обязательно должно быть нечетное число⁵, а спор может разбираться и единолично. Эти двое третейских судей и решали дело по существу, оформляя принятое ими решение *третейским приговором*.

Заключение третейского соглашения в соответствии с нормами Соборного Уложения 1649 года по общему правилу лишало стороны возможности оспаривания вынесенного третейскими судьями «приговора» по делу. Отказавшийся от исполнения третейского решения подлежал наказанию, а кроме того, отвечал перед третейскими судьями за «бесчестье». Этим создавались повышенные гарантии для репутации арбитров, по сути такие же, как и для государственных судей.

Соборное Уложение 1649 года позволяло обжаловать третейские решения в государственные судебные учреждения – приказы лишь в одном случае – при несогласии избранных сторонами третейских судей, дающих по делу противоположные «приговоры». Для этого в третейскую запись должна была включаться специальная оговорка «с государевой пеней». Если избранные сторонами третейские судьи «порознят своим приговором»: один обвинит истца, а другой ответчика и оправдает («оправит») соответственно противоположную сторону, тогда по челобитью истца или ответчика третейское дело, приговоры по нему и третейская запись брались у третейских судей в приказ, решавший дело по существу. После

этого третейский судья, вынесший «неправый приговор», написанный «не делом» – решение, не совпадающее с итоговым судебным решением по делу, принятому в приказ, подвергался наказанию и сверх «государевой пени» обязывался выплатить пострадавшей от его «приговора» стороне спора за причиненные ей «простести и волокиты» штраф по установленной ставке за каждый день просрочки. Дело же в итоге вершилось по судебному решению и согласному с ним третейскому приговору.

Если же в третейской записи по делу, где арбитры «порознили», не содержалось оговорки о возможности судебного обжалования третейского решения «под государевой пеней», то дело не принималось в приказ и должно было разрешиться заново обычным порядком без учета проведенной третейской процедуры. В случае же когда «приговоры» третейских судей совпадали, проигравшая сторона лишалась возможности обратиться за разрешением спорного дела в обычном судебном порядке, поскольку, совершая третейскую запись, сама принимала на себя риск проигрыша дела в рамках процедуры третейского разбирательства. Таким образом, согласующиеся между собой «приговоры» третейских судей по делу, переданному сторонами на их рассмотрение, приравнивались законом к делам, «вершенным» обычным судебным порядком.

Как видно из приведенного описания примирительных процедур, зафиксированных в Соборном Уложении 1649 года, в условиях неразделенности гражданского и уголовного судопроизводства они могли быть применены практически к любому делу, где допускался состязательный процесс, то есть к подавляющему большинству гражданских и уголовных дел, рассматриваемых в судебном порядке, за исключением разве что государственных и религиозных преступлений, а также разбойных, душегубных и татевных дел, то есть тех видов процесса, в которых господствовало инквизиционное начало⁶. В то же время законодатель не вдается в подробности примирительных процедур (разве что немного касается третейской процедуры), а сосредоточивает свое внимание на их результатах в той мере, в какой они имеют значение для хода судебного

⁴ Российская газета, 27 июля 2002 г.

⁵ Необходимость нечетного числа медиаторов для решения спорного дела большинством голосов арбитров была признана только Уставом о банкротстве 1740 г.

⁶ В частности, ст. 31 главы XXI «О разбойных и татинных делех» Соборного Уложения 1649 года под угрозой наказания запрещала примирение потерпевших («истцов») с лицами, избличенными или подозреваемыми в разбое, устанавливая принцип «не мирися с разбойники».

разбирательства в официальном суде. Во многом это объяснялось альтернативным внесудебным характером таких процедур.

Первоначально проведение примирительных процедур, предусмотренных Соборным Уложением 1649 года, отдавалось на усмотрение сторон спора, действовавших в соответствии с устоявшимися обычаями. Они могли достичь желанного компромисса либо путем непосредственных переговоров или в ходе переговоров через посредников, либо прибегнув к помощи каких-либо авторитетных фигур – выборных представителей земщины или уважаемых в обществе людей. Однако со временем публичная власть пришла к мысли о необходимости учреждения специальных официальных медиативных институтов. Ими стали *купеческие словесные суды* (1726 г.)⁷, *совестные суды* на губернском или наместническом уровне (1775 г.) и *общегражданские словесные суды* в частях (районах) городов (1781 г.).

Каждый из названных видов судов заслуживает отдельного обстоятельного разговора. Здесь же отметим, что они представляли собой альтернативные примирительные инстанции, стоявшие вне рамок общей системы судебных установлений. Деятельность словесных и совестных судов сводилась к решению следующих основных задач: 1) обеспечить сторонам законную, спокойную, бестяжебную жизнь; 2) прекратить злобы, ссоры и распри; 3) доставить каждому ему причитающееся; 4) облегчить судебные места примирением спорящих. В купеческих словесных и в совестных судах примирительную процедуру проводили выборные судьи и сословные представители с участием посредников-медиаторов, а в общегражданских словесных судах – единоличный выборный судья. Примирительная процедура во всех этих судах начиналась по обращению одной из сторон, и в ходе рассмотрения дела суд вырабатывал проект решения спора, предлагаемый сторонам. Если же предложенный третейским судом проект решения не удовлетворял стороны, примирительная процедура завершалась, и тяжущиеся направлялись в обычный суд «по принадлежности». Деятельность словесных и совестных судов постепенно сосредоточилась на сфере гражданских дел. В известной мере, купеческие словесные суды можно рассматривать как предшественников государственных коммерческих и коммерческих третей-

ских судов, а общегражданские словесные суды стали прообразом будущих мировых судов.

Со временем в развитии института примирительных процедур в России наметились три направления: 1) существование *неформальных и частично формализованных примирительных процедур* – мирские сельские сходы, дворянские съезды для решения земельных споров в период Генерального межевания 1766 года и Крестьянской реформы 1861 года, а также различные традиционные суды национальных окраин (малороссийские словесные суды, суд для татар, армян и магометан в Казани) и т. п.; 2) создаваемые государством формы специального альтернативного судопроизводства и примирительных процедур – совестные и общегражданские словесные суды, мировые посредники и т. п.; 3) специальные примирительные и арбитражные процедуры в коммерческой сфере – купеческие словесные суды, третейские суды при торговых и торгово-промышленных палатах и т. п. Эти направления регламентации примирительных процедур существовали в дореволюционной России, сохранились в советский период и остаются актуальными в наши дни.

Проведенный анализ норм Соборного Уложения 1649 года, посвященных примирительным процедурам, показывает, что уже в допетровской России развитие законодательства Русского централизованного государства в XV–XVII вв. привело к формированию стройной системы примирительных процедур, санкционированных законодателем. К ним относились примирительная отсрочка судебного разбирательства, мировое соглашение и третейский суд. Создание этой системы примирительных процедур ознаменовало собой первый этап развития законодательно закрепленных правовых средств медиации, а также заложило основу для развития соответствующих институтов на протяжении дальнейшей отечественной истории. Именно в Соборном Уложении 1649 года и более раннем законодательстве допетровского периода отечественной истории следует искать истоки российского подхода к правовому регулированию проблем медиации, которым российский законодатель и российское гражданское общество придадут столь важное значение и в настоящее время. Думается, что исторический опыт и традиции развития институтов медиации в России не стоит предавать забвению, а некоторые из его положительных черт, возможно, будут востребованы и в современных условиях не меньше, чем зарубежный опыт в данной сфере.

⁷ Эти суды первоначально учреждались при торговых таможнях внутри страны, а с упразднением последних в 1754 году приписаны к магистратам и ратушам.

Ирина Бабич

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАТОРСТВА В ГОРСКИХ СООБЩЕСТВАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОВЕТСКИЕ И ПОСТСОВЕТСКИЕ ГОДЫ (1950–2000)

Обычное право народов Северного Кавказа, которое принято называть «горский адат», имеет длительную историю, корни которой уходят в далекое средневековье. Российская империя, присоединив регион в ходе Русско-Кавказской войны, столкнулась с необходимостью «считаться» с ним как с одним из механизмов регулирования конфликтов в горской жизни. Советская власть, в целом негативно оценивая его роль в советском обществе, тем не менее использовала отдельные институты адата. Особенно судебная политика советской власти по отношению к горскому адату изменилась в конце 1950-х годов, когда сначала в годы хрущевской оттепели, затем в застойные годы советская печать и органы Министерства юстиции республики заговорили о наличии у горцев до революции «полезных адатов». Задачей советских судебных органов в период завершения социалистической перестройки ставилось выделение сохранившихся «полезных» норм адата (почитание стариков, медиаторство, охрана общественного порядка и собственности), их развитие и по-прежнему решительная борьба с вредными адатами (бесправие и забитость женщины, кровная месть). По мысли идеологов советских реформ, нужно было поставить полезные адаты на службу советской власти.

В 1960 г. в новом Уголовном кодексе РСФСР была сохранена ст. 231, устанавливающая уголовную ответственность «за уклонение родственников убитого от отказа применения кровной мести в отношении убийцы и его родственников, осуществляемой в порядке, установленном положением о примирительном производстве по делам о кровной мести». В УК других союзных республик, на-

пример, Грузинской ССР, такая норма отсутствовала. Грузинские юристы, считая эту статью действенной мерой, предлагали ввести ее в УК ГрССР. Данная норма, безусловно, способствовала сохранению на Северном Кавказе традиции медиаторства.

С одной стороны, принятый в 1960 г. новый Уголовный кодекс РСФСР значительно ужесточил меры борьбы с преступлениями, совершаемыми на почве кровной мести и другими пережитками местных обычаев, а с другой, появилось разграничение между полезными и вредными обычаями (или адатами). К полезным, или положительным стали относить почитание старших, уважение к женщине, взаимопомощь, гостеприимство. По мысли идеологов советских реформ, нужно было поставить положительные обычаи на службу советской власти. Так, в 1960-е годы советская администрация на Северном Кавказе попыталась вновь возродить *примирительные комиссии*¹. Такие комиссии были созданы в Чечне, Ингушетии, Аджарии, Дагестане.

В новом УК РСФСР в категорию «преступлений, составлявших пережитки местных обычаев» (гл. XI), были включены три группы обычаев*: *преступления, посягающие на равноправие женщин с мужчиной*, – уплата и принятие выкупа за невесту (калым), принуж-

¹ Бородин С. В. Рассмотрение судом уголовных дел по убийствам. М., 1964. С. 181–182.

* Глава содержит пять содержательных статей и одну общую статью, в которой определяется, в каких регионах РСФСР действуют нормы данной главы (ст. 236: «нормы распространяются на те автономные республики, автономные области и другие регионы РСФСР, где общественно опасные деяния, перечисленные в настоящей главе, являются пережитками местных обычаев»).

дение женщины к вступлению к брак, принуждение женщины к продолжению брачного сожителства, воспрепятствование женщины вступлению в брак, похищение женщины для вступления с нею в брак, двоеженство и многоженство; *преступления, объектом которого является физическое и нравственное развитие несовершеннолетних (мужчин и женщин)* – заключение брака с лицом, не достигшим брачного возраста, вступление в фактическое брачное сожителство с лицом, не достигшим брачного возраста; *уклонение от примирения, убийство из кровной мести, убийство женщины «на почве пережитков прошлого отношения к женщине»*².

Однако если в предыдущих уголовных кодексах РСФСР убийство на почве кровной мести относилось к преступлениям, составлявшим пережитки родового быта, то в УК 1960 г. оно уже не имело специального состава – убийства, совершенного на почве кровной мести. Этот вид убийства отнесли к общему составу об умышленном преступлении. По УК РСФСР 1960 г. различались убийства двух видов: убийства, совершенные на почве кровной мести, и убийства из мести, отнесенные к разным статьям УК РСФСР. Убийства на почве кровной мести рассматривались как умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах по ст. 102 УК РСФСР п. «к». К ним применялись две меры наказания: тюремное заключение от 8 до 15 лет и смертная казнь. Убийство из мести рассматривалось по ст. 103 УК РСФСР. К нему относились преступления, совершенные без отягчающих обстоятельств. Такое различие было зафиксировано в УК еще трех союзных республик: Грузинской ССР, Туркменской ССР, Казахской ССР.

Итак, вновь в горской жизни стал возрождаться *институт медиаторства*. Что это такое? Медиаторство как форма горского посредничества при регулировании практически всех конфликтных ситуаций в обществе могло использоваться для ослабления агрессивности среди народов Северного Кавказа.

Для начала советская власть 1950-х годов создала при сельсоветах *советы старейшин*. Они включали в себя от 3 до 15 мужчин пенсионного возраста. Перед ними стояла задача помогать народным судам и сельсоветам в поддержании общественного порядка в кол-

хозе (совхозе), урегулировать столкновения между его членами, по возможности предупреждать случаи кровной мести, следить за поддержанием в порядке дорог, оросительных каналов, сельских клубов и не допускать расхищения колхозной собственности. Этот процесс затронул многие регионы Северного Кавказа, например, Северную Осетию. В 1960–1980-е годы такие советы действовали в нескольких десятках селений на равнине и в предгорьях³. В отличие от дореволюционных органов сельского самоуправления, которые они внешне копировали, советы старейшин в советских республиках Северного Кавказа играли чисто консультативную роль при местных народных судах и исполкомах сельсоветов.

Гораздо большую власть в это время приобрели *сельские сходы* и особенно *старики-примирители*, сохранившие знание адатных норм. Наиболее авторитетных мужчин села, чье мнение может быть принято, стали привлекать в качестве посредников-медиаторов. Власти смотрели на их полулегальное существование сквозь пальцы. Медиаторский суд как правовой институт отсутствовал в 1950–1980-е годы и отсутствует в настоящее время. В современных адыгских обществах до некоторой степени сохраняется традиционное правовое сознание и в основе адыгской жизни продолжает лежать *принцип примирения*, который способствует созданию спокойной атмосферы и общественного мнения, направленного на сохранение миролюбивых отношений. В соответствии с современным адыгским правосознанием медиаторы считаются общественными в современном понимании этого слова посредниками, которые принимают участие в примирении конфликтующих сторон.

У горцев Северного Кавказа сохраняются понятия о коллективной (родственной) ответственности за вину и коллективном праве представлять интересы своих потерпевших родственников. Как и в пореформенное время, медиаторы начинают заниматься конкретной спорной ситуацией только по заявлению потерпевшего или его близких родственников. Ответчиком может быть как сам обвиняемый, так и его близкие родственники.

Как и ранее, в современном горском обществе количество выбираемых для рассмотрения дела медиаторов зависит от серьезности причиненного ущерба. Если в исходном

² Советское уголовное право. Часть особенная // Ред. В. Д. Меньшагин, Н. Д. Дурманов, Г. А. Кригер. М., 1964. С. 393–394.

³ Архив Министерства Внутренних дел Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 6. СО. Д. 6.

конflikте был нанесен незначительный ущерб, то группа медиаторов может состоять из двух человек⁴. Если ущерб был значителен, возникала необходимость выбрать пять-шесть медиаторов. Численность медиаторов у северокавказских народов может варьироваться. Так, у осетин выбирают по четыре примирителя с обеих сторон.

Как в 1950–1980-е годы, так и в 1990-е годы медиаторы, или, как их чаще в настоящее время называют, *посредники* продолжают оставаться ключевыми фигурами в общеправовой практике народов Северного Кавказа.

В целом в современном обществе критерии выбора на роль медиаторов сохраняются прежними, но появились и некоторые изменения. В группу медиаторов, как показывают адыгские этнографические данные, входят, во-первых, авторитетные пожилые мужчины, проживающие с виновным в одном квартале, во-вторых, «старшие» рода виновного, в-третьих, близкие родственники виновного (старшие по возрасту члены семьи, отец или мать виновного, родственники матери, старшие братья виновного, если он молод). Если в группе медиаторов нет пожилого авторитетного односельчанина, то могут пригласить и духовное лицо. Медиаторы должны обладать рядом определенных качеств (мягкостью, религиозностью, авторитетом) для успешного урегулирования конфликтных ситуаций. Большое значение имеют и дружеские связи как между участниками конфликта, так и между посредниками. Обычно виновный выбирает таких медиаторов, которые дружны с семьей потерпевшего⁵.

В течение 1950–1980-х годов политика властей некоторых республик Северного Кавказа, например, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, состояла в невмешательстве в сельскую судебную практику. Поэтому, по нашему мнению, у горцев было достаточно свободы в выборе формы урегулирования конфликтов.

В тот период сложилась следующая судебная практика: советские народные суды рассматривали все происходившие в селениях уголовные преступления, главным образом, убийства, разбирали дела, связанные с причинением материального ущерба, а также

иски о разводах⁶. Сразу же после происшествия органы милиции составляли рапорт, который отсылался в следственные отделы, а затем в советский народный суд. В основном это правило соблюдалось в отношении умышленных убийств. Если же произошла драка, в результате которой было нанесено незначительное ранение, органы милиции не всегда строго выполняли свои обязанности, предоставляя потерпевшему и виновному урегулировать свой конфликт с помощью медиаторов. Иногда бывало и так. Сразу же после происшествия потерпевший или его родственники подавали заявление в суд или милицию, но позже конфликт урегулировали с помощью медиаторов и забирали свое заявление, обращаясь с просьбой о прекращении рассмотрения конфликта. Судебные и милицмейские органы, как правило, соглашались с этим⁷.

Судьи из местных советских судов, хорошо знающие горские правовые традиции, не препятствовали конфликтующим сторонам рассматривать свой спор в медиаторском суде. Тем не менее, как показывают этнографические данные, если в исходном конфликте произошло убийство, в советские годы нельзя было избежать рассмотрения дела в советском суде. Виновному определяли меру наказания в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР. В то же время медиаторы занимались примирением родственников виновного и потерпевшего. При успешном его завершении оно позволяло, во-первых, ослабить или исключить установление кровных или враждебных отношений между сторонами, во-вторых, смягчить наказание, которое определялось советским судом⁸.

В 1990-е годы ситуация в Кабарде и Адыгее изменилась. Политика невмешательства, проводимая местными советскими судами, трансформировалась в политику поддержки применения традиционных адыгских правовых норм. Поэтому в настоящее время местные судебные и административные органы не только не препятствуют горцам самим выбирать ту правовую систему, к которой они хотят прибегнуть при урегулировании конфликтов, но и в ряде случаев поощряют традиционное медиаторство. Ныне большинство уго-

⁴ Архив автора, Институт этнологии и антропологии РАН. Тетр. 4. Оп. 3. Д. 3; Оп. 4. Д. 2; Оп. 1. Д. 2; Оп. 4. Д. 1–2; Оп. 9. Д. 3; Оп. 7. Д. 1; Оп. 8. Д. 4.; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17, Оп. 8. Д. 18; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5–6; Оп. 2. Д. 7 (далее АИЭА).

⁵ Полевые материалы автора. Тетр. 2. Оп. 8. Д. 18.

⁶ АИЭА. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 3–6; Оп. 4. Д. 12; Оп. 5. Д. 15; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17.

⁷ Там же. Тетр. 1. Оп. 2. Д. 9; Оп. 1. Д. 1; Тетр. 4. Оп. 7. Д. 1; Оп. 8. Д. 4; Оп. 5. Д. 1.

⁸ Там же. Тетр. 4. Оп. 7. Д. 2; Оп. 8. Д. 4; Оп. 6. Д. 1.

ловных преступлений не поступают на рассмотрение в российские судебные органы. Негласно медиаторские суды получили возможность, как и прежде, разбирать все дела, связанные с причинением имущественного и физического ущерба.

В настоящее время медиаторы рассматривают такие уголовно наказуемые в российском суде преступления, как ранение или убийство, как причинение физического ущерба, которое требует удовлетворения, а не наказания. Медиаторы разбирают дела о кражах частного имущества⁹. Основой современного медиаторского судопроизводства продолжают оставаться нормы адата.

Ныне горцы не проводят специального заседания медиаторов. Поэтому нет и определенного места для встречи медиаторов и участников конфликта. Как правило, для ведения переговоров медиаторы идут в дом потерпевшего. Это же отмечает и П. Гарб на абхазском материале. Она указывает, что хотя исторически местом для судебного медиаторского разбирательства является большая поляна около священных мест, но в 1950–1990-е годы в основном используют другие места, например, дом потерпевшего или официальное учреждение¹⁰.

Как и прежде, в горском судебном процессе не применяется правило о наказуемости предварительной преступной деятельности, т. е. обнаружения умысла покушения. Медиаторы рассматривают только уже причиненный физический или материальный ущерб. Как и в XIX в., например, у адыгов существует своего рода институт апелляции. Если выбранным медиаторам не удалось примирить стороны, то виновный и его родственники могут выбрать новых медиаторов, которые вновь через некоторое время идут к родственникам потерпевшего. Однако третий раз идти не принято.

У народов Кавказа продолжает сохраняться институт присяги. А. И. Барамия писал, что в 1960-е годы у сванов кровники должны были «по обычаю сванской национальности явиться в церковь и дать клятву о прекращении вражды». Между тем, по нашему мнению, в советском медиаторском процессе доказательство вины как одна из форм про-

цедур судебного процесса перестало иметь решающее значение. Мы видим две причины ослабления этой части медиаторского процесса в современных кавказских обществах. Во-первых, сфера применения медиаторского суда за последние 70 лет сузилась. Медиаторы, как правило, рассматривают дела, в которых вина является очевидной, и не требующие доказательства. Во-вторых, произошло смещение акцентов внутри самого процесса примирения. По точному наблюдению П. Гарб, в обычно-правовой практике выяснение действительной вины подозреваемого не является целью современного медиаторского примирения, основная задача которого состоит в желании окружающих помочь участникам конфликта примириться без ущемления их достоинства¹¹.

В отличие от пореформенного времени и периода легального существования медиаторских судов в советское время, начиная с 1925 г. вплоть до 1990-х годов, решения медиаторов письменно не фиксируются.

При рассмотрении дел, связанных с *кражами*, судьи применяют постановление о возвращении краденого. При ведении переговоров с виновным важное значение имеет то, какую по счету кражу он совершил. Если человек ранее уже был замечен в воровстве, то вряд ли потерпевший ограничится возвращением краденого. Так, известен случай, когда группа адыгейцев, украв однажды 15 коров, вновь совершили кражу скота. Потерпевшие подали на них жалобу в российский народный суд¹².

При рассмотрении дел *о причинении физического ущерба* медиаторы руководствуются, как и прежде, адыгским адатом, и применяют следующие нормы: устройство «примирительного угощения»; подарки потерпевшей стороне; выплата компенсации; выселение семьи виновного на временное или постоянное жительство в другое место. Эти же нормы применяются и у других народов Кавказа, например, у абхазов¹³. Наряду с этим еще в 1920-е годы абхазы продолжали обращаться к институту аталычества для урегулирования кровных отношений. Так, в одном абхазском селении произошло убийство мужчины. Виновный пытался примириться с родственниками потерпевшего. Однако последние уклонились от этого, решив отомстить

⁹ АИЭА. Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Тетр. 4. Оп. 2. Д. 2.

¹⁰ Garb P. The Institutions and Practices of Indigenous Law in Abkhazia // Материалы научного отчета для института «Открытое общество» (1998).

¹¹ Garb P. Op. cit.

¹² АИЭА. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 5–6; Оп. 4. Д. 11; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 6. Д. 16.

¹³ Garb P. Op. cit.

убийце. Тогда тот похитил сына брата потерпевшего – школьника. В 1950–1980-е годы абхазы вновь обращаются к институту аталычества как форме примирения. П. Гарб отмечает, что известны случаи, когда родственники потерпевшего отказывались давать своих детей на воспитание в семью виновного, тем не менее кровник совершал похищение ребенка¹⁴.

Если во время исходного конфликта произошло *ранение*, медиаторы вместе с виновным приходят с извинениями к семье потерпевшего, навещают его самого, приносят ему подарки. По выздоровлении потерпевший устраивает вечер, называемый по-кабардински *тхьэлэлэлу*, на который виновный приносит угощение. Иногда виновный сам устраивает традиционное «примирительное угощение» и приглашает семью потерпевшего, которая чаще всего не отказывается от такой встречи¹⁵. Если физический ущерб значителен, медиаторы предлагают семье потерпевшего денежную компенсацию. Например, если пострадавшему выбили зуб, виновная сторона оплачивает стоматологические услуги и т. п.¹⁶

При *неумышленных убийствах или причинении неумышленного физических увечий*, совершенных главным образом во время автомобильных аварий, виновный, как правило, всегда обращается к медиаторам за помощью в примирении с семьей потерпевшего. В таких случаях адыги охотно откликаются на просьбу, однако семья потерпевшего не всегда соглашается на переговоры с медиаторами. Можно сказать, что до сих пор в адыгском правосознании нет четкого разделения между совершением умышленного или неумышленного преступления. Известны случаи, когда при неумышленном убийстве старика его дочь отказалась мириться, а при аналогичном убийстве мальчиком мальчика из винтовки также поступили родители потерпевшего. В среднем в 8 из 10 случаев автомобильных аварий со смертельным исходом семья потерпевшего вовсе не обращается в официальные судебные органы, если ранее подала жалобу, то отсылает в российский народный суд заявление об отсутствии претензий к виновному¹⁷. Медиаторы при рассмотрении

случаев, связанных с гибелью человека, в 1950–1980-е годы назначали компенсацию в размере от 1 до 5 тыс. руб.* В 1990-е годы в связи с постоянной инфляцией размеры компенсаций часто меняются.

Как показывают этнографические данные, чем ближе территориально находятся конфликтующие стороны, тем сложнее медиаторам добиться примирения¹⁸. Поэтому если им не удалось восстановить дружеские отношения между семьями виновного и потерпевшего, то иногда, как уже отмечалось, семья виновного принимает решение о *добровольной смене места жительства*¹⁹.

В настоящее время, как нам представляется, применяемая в прошлом мера о принудительном выселении виновного и его семьи на временное или постоянное местожительство трансформировалась в добровольную смену жительства. В тех случаях когда медиаторы все же склонны применить меру о принудительном выселении виновного и его семьи, они обращаются к сельскому сходу для получения на это разрешения. Как показывают наши данные, обычно сход принимает решения о выселении злостных воров или агрессивно настроенных участников драки, но такие случаи бывают редко²⁰.

Добровольное и принудительное выселение семьи виновного, а иногда и семьи потерпевшего используется и в других регионах Кавказа, например в Аджарии и Абхазии. П. Гарб отмечала, что в Абхазии один сельчанин убил тетю во время раздела имущества. Он был осужден советским судом. В то время как он отбывал наказание, община приняла решение о выселении его семьи в другую часть Абхазии. Даже после того как он вышел из тюрьмы, община не разрешила ему и его семье вернуться в родное селение. Решение о выселении может принять и совет старейшин²¹.

Подобные примеры применения адата о выселении можно привести и по осетинскому материалу. Например, в селении Сурх-Дигора в середине 1960-х годов некто Гоб. (50 лет)

¹⁴ Garb P. Op. cit.

¹⁵ АИЭА. Тетр. 4. Оп. 1. Д. 2; Оп. 3. Д. 3; Оп. 4. Д. 2; Оп. 9. Д. 3; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5–6.

¹⁶ Там же. Тетр. 4. Оп. 8. Д. 4; Оп. 5. Д. 1; Оп. 7. Д. 2.

¹⁷ Там же. Тетр. 4. Оп. 5. Д. 1; Оп. 2. Д. 2; Оп. 7. Д. 1–2; Оп. 1. Д. 2; Оп. 3. Д. 3; Оп. 4. Д. 2; Оп. 7. Д. 2; Оп. 6. Д. 1; Оп. 8. Д. 4; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4; Оп. 4. Д. 11; Оп. 2. Д. 9.

* В это время автомобиль стоил 4–6 тыс. руб.

¹⁸ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 3; Оп. 4. Д. 12; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 6. Д. 16; Оп. 7. Д. 17.

¹⁹ Там же. Тетр. 4. Оп. 2. Д. 2; Оп. 5. Д. 1; Тетр. 2. Оп. 10. Д. 20.

²⁰ Там же. Тетр. 1. Оп. 3. Д. 10; Оп. 1. Д. 3–4.

²¹ Garb P. Op. cit.

поссорился с молодым человеком из того же селения Гег. (20 лет) и убил его в драке. Убийцу судили в местном народном суде и приговорили к расстрелу. Вскоре после вынесения судебного решения состоялся сход членов местного колхоза. Он постановил для прекращения кровной вражды выселить из селения весь клан виновника инцидента, состоящий из семей братьев и сестер убийцы. Гобеевы, не пытаясь опротестовать решение схода в народном суде или сельсовете, продали дома и переехали в г. Моздок. До сих пор их бывшие односельчане, оказавшись в городе, отказываются от всяких контактов с родственниками убийцы²². Или другой случай. Молодой колхозник из Южного поселка в 1970 г. умышленно зарубил топором своего отца, с которым он состоял в длительной ссоре. Убийца подвергся двойному осуждению. Народный суд присудил ему 7 лет тюрьмы. По выходе на свободу убийца подвергся своего рода «остракизму» со стороны родственников и всей сельской общины. Все отношения с ним были прерваны и он был вынужден поселиться на окраине селения²³. Подобный случай произошел в 1986 г. в селении Зильги, где некто Гулунов зарезал ножом брата своей жены. Народный суд осудил убийцу на 10 лет принудительных работ. Ввиду тяжести этого умышленного преступления родные Гулунова не посмели прислать медиаторов к кровникам. Жена убийцы вернулась к своим родным, а вся семья Гулуновых после суда навсегда покинула селение²⁴.

Традиционное посредничество практически не используется при совершении *изнасилования*, поскольку такие ситуации регулируются чаще всего с помощью брака²⁵.

Тем не менее при похищении девушек, которое в настоящее время происходит по договоренности молодых пар, сельчане оказывают значительную помощь в разрешении возникающих конфликтов. К похищению невесты адыги прибегают в тех случаях, когда родители девушки не дают согласия на брак. Сельчане-посредники уговаривают родителей дать положительный ответ на брак. Но бывает и так: девушка сначала согласилась на тра-

диционное похищение, а потом передумала выходить замуж. Родственники похитителя прибегают к посредничеству, чтобы семья девушки не подала в суд и не установила враждебных отношений с их семьей. В этом случае посредники бывают старшие жители села, но иногда и молодые, авторитетные члены семьи виновного. Группа посредников, не превышающая трех-четыре человек, сразу после похищения идет в дом девушки и ведет переговоры с ее родителями. Если девушка согласна выйти замуж, а они – против, посредники уговаривают их дать согласие на брак. Но если она отказывается выйти замуж за похитившего ее парня, посредники просят ее родню не предъявлять ему претензий. Если парень привез украденную девушку до рассвета, он извиняется перед ее родителями, и посредникам удается урегулировать ситуацию. Но если он вернул ее в родительский дом на третий-четвертый день, возможен серьезный конфликт между семьями. Тогда посредники приходят в дом похищенной девушки и пытаются уговорить ее выйти замуж. Если сразу им не удалось сделать это, через некоторое время они уже в новом составе (родственники и друзья виновного, а также авторитетные для семьи девушки люди) приходят вновь. Чаще всего подобные ситуации заканчиваются мирно²⁶.

Опишем этапы современного примирительного процесса. Как справедливо заметила П. Гарб, перед самым ритуалом применения есть подготовительный этап, являющийся наиболее важной частью судебного процесса, во время которого сельчане убеждают участников конфликта и их родственников мирно урегулировать свой конфликт²⁷. У адыгов, как только случившееся получает известность, медиаторы (в головных уборах, в одежде с длинными рукавами) идут в дом потерпевшего. Каждый из них поочередно подходит вначале к старшим по возрасту членам семьи потерпевшего, затем к его отцу и матери. После этого во двор выходит один из старших по возрасту семьи потерпевшего и медиаторы предлагают этой семье оказать материальную помощь. Вызванный возвращается в дом и советуется с остальными членами семьи, которые уговаривают отца потерпевшего принять помощь. Медиаторы не имеют пра-

²² ПМ Л. К. Гостиной из: *Бабич И. Л., Бобровников В. О.* Указ. раб.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ АИЭА. Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1; Оп. 7. Д. 2.; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2, 5–6; Оп. 4. Д. 12; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17.

²⁶ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2; Д. 5–6; Оп. 2. Д. 7–9; Оп. 4. Д. 12; Оп. 8. Д. 18; Оп. 10. Д. 20; Оп. 6. Д. 16.

²⁷ *Garb P.* Op. cit.

ва предлагать материальную поддержку непосредственно родителям умершего. Подобные переговоры – процесс длительный, и иногда медиаторам не удается сразу примирить стороны. Тогда через некоторое время, уже в новом составе, включая самых авторитетных стариков селения, группа медиаторов идет в дом потерпевшего для переговоров. Бывает, что семья потерпевшего отказывает в примирении до 2–3 раз²⁸.

Если удастся начать процесс примирения, группа медиаторов посещает дом потерпевшего каждый день, принося продукты и деньги. Когда наступают похороны и поминки, семье виновного и медиаторам разрешается присутствовать на них и принять участие в их организации. Затем медиаторы вновь приходят в дом потерпевшего и предлагают дополнительное материальное возмещение. Его сумма не определена строго, виновная сторона дает столько денег, сколько может. Если родители умершего принимают эту сумму, медиаторы начинают просить, чтобы семья потерпевшего не подавала заявление в суд или забрала его оттуда (если уже подала), что она и делает. После этого отношения между виновным и семьей умершего продолжают оставаться натянутыми в течение одного-двух лет: если семья виновного пригласит родственников потерпевшего на свадьбу, то может получить отказ. Дружеские отношения между семьями чаще всего восстанавливаются после годовых поминок²⁹.

П. Гарб так описывает ритуал примирения, который она наблюдала в Абхазии в 1990-е годы. Родственники виновного и медиаторы приходят в дом потерпевшего и говорят, что они пришли по требованию общества, спрашивают у родственников потерпевшего: «Есть ли у вас что-либо против нас?». Затем медиаторы спрашивают у участников конфликтов: «Вы абхазец? Если так, то вы должны пойти на примирение, поддержать медиаторов»³⁰. П. Гарб считает, что можно говорить о кавказской дипломатии медиаторов, в которой используются и красноречие, и юмор, а также специфические жесты, выражения

лица, определенные слова. Тем не менее сам процесс примирения, по ее мнению, невозможно описать детально, поскольку он во многом является спонтанным действием³¹.

Современное горское общество и горское правосознание направлено на посредничество как на основную форму урегулирования спорных ситуаций.

Как показывают полевые этнографические материалы, например, адыг, который отказывается от услуг медиаторов, односельчанами осуждается, а иногда даже презирается ими³². Вокруг такого человека создается атмосфера отчуждения, которая вынуждает его в конце концов обратиться к медиаторам. По сообщению наших информаторов, часто односельчане просят конфликтующие стороны примириться «во имя Аллаха». Те, кто отказывается это сделать, ведут себя «не помусульмански». Как отмечает П. Гарб, у современных абхазов общественное мнение также направлено на то, чтобы семьи виновного и потерпевшего обратились за помощью к медиаторам для урегулирования своего конфликта³³.

Известно, что до сих пор в Северной Осетии продолжает бытовать бойкот-хъод, который являлся действенной мерой борьбы с разгулом преступности в сельской местности. Он постоянно применялся в случаях совершения умышленного убийства, изнасилования или похищения. Примером применения бойкота является решение схода селения Гизель. Сход наложил хъод на семью У., требуя прекращения хулиганских выходок со стороны молодых людей этой фамилии, постоянно нарушавших общественный порядок. После этого У-вы вынуждены были навсегда покинуть селение. Хъод был применен и в случае умышленного убийства в г. Алагир, происшедшем в 1996 г. Примирительный совет запретил виновной стороне участие в свадьбах, похоронах и других общественных мероприятиях алагирцев, предложил ей покинуть Алагир, а также присудил ее уступить детям погибшего дом убийцы. Решение ныхаса было беспрекословно выполнено³⁴.

Тем не менее, известно, что в 1950–1980-е годы имели место случаи, когда, во-первых, конфликтующие стороны несмотря на все уго-

²⁸ АИЭА. Тетр. 4. Оп. 4. ДД. 1–2; Оп. 5. Д. 1; Оп. 8. Д. 4; Оп. 2. Д. 2; Оп. 7. Д. 2.

²⁹ Там же. Тетр. 5. Оп. 1. Д. 1; Тетр. 1. Оп. 2. Д. 7; Оп. 1. Д. 1; Оп. 4. Д. 11; Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Оп. 2. Д. 2; Оп. 3. Д. 3; Оп. 8. Д. 18; Тетр. 4. Оп. 7. Д. 1; Оп. 6. Д. 1; Тетр. 2. Оп. 4. Д. 2; Оп. 7. Д. 17.

³⁰ Garb P. Op. cit.

³¹ Там же.

³² ПА. Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4; Оп. 4. Д. 12.

³³ Garb P. Op. cit.

³⁴ Там же.

воры окружающих и медиаторов, а также ст. 231 УК РСФСР, уклонялись от традиционного примирения, во-вторых, после состоявшегося примирения с помощью медиаторов и выплаты компенсации мести все равно совершалась. Такие ситуации наблюдаются и в современном адыгском обществе.

На ход современного примирительного процесса влияют многие факторы. Во-первых, как мы уже указывали, чем ближе территориально находятся конфликтующие стороны, тем сложнее посредникам добиться примирения³⁵. Во-вторых, если в исходном конфликте было совершено *убийство*, то общинники в первую очередь выясняют, были ли какие-либо отягчающие обстоятельства, свидетельствующие о дополнительной вине убийцы. Например, в 1990 г. в адыгейском селении несколько односельчан выпивали и, повздорив, сбросили одного молодого человека из своей компании в колодец. Никто в селении не захотел быть посредником в деле об убийстве, поскольку виновные не пришли к матери погибшего и не рассказали ей о случившемся. Наоборот, они попытались скрыть смерть товарища. В результате мать убитого не разрешила им даже присутствовать на похоронах сына³⁶. Если в исходном конфликте было совершено умышленное убийство, особенно при отягчающих обстоятельствах, то медиаторам и односельчанам нелегко уговорить родственников потерпевшего на примирение. По сообщению наших информаторов, в таких случаях адыги предпочитают не возмещать ущерб, а мстить. Наконец, затруднено использование традиционного посредничества и в тех случаях, когда убит родственник: чем ближе родственники, тем сложнее примирение³⁷.

Как показывают этнографические материалы автора, традиция посредничества, хоть и в ограниченной степени, но используется при урегулировании конфликтных ситуаций не только между адыгами, но и между адыгами, с одной стороны, и проживающими в соседних хуторах русскими, с другой. Например, при причинении неумышленных физических увечий во время автомобильных аварий, если виновный – русский, то его семья через медиаторов предлагает семье потерпевшего адыга материальную помощь, которую послед-

няя, как правило, принимает. Если же виновный – адыг, то семья потерпевшего русского чаще подает жалобу в российский народный суд или требует более значительного материального вознаграждения, чем то, которое обычно назначается медиаторами в таких случаях³⁸. С помощью медиаторов адыги улаживают с русскими ситуации, связанные с изнасилованием русских девушек. В этих случаях родственники виновного адыга вместе с медиаторами идут в дом потерпевшей и предлагают ее родственникам денежное вознаграждение, которое чаще всего принимается³⁹.

В 1950–1980-е годы, как правило, ни потерпевший, ни его родственники не возбуждали уголовного дела в советском народном суде по случившемуся. А. И. Барамия приводит интересные данные по Грузии. В 1960-х годах из 70 рассмотренных им случаев совершения кровной мести 79 % были возбуждены по сообщению местных органов власти (председателей или членов сельсоветов) и правлений колхозов. В 13 % случаев виновные в преступлении сами явились с повинной, 4 % преступлений были возбуждены по заявлению посторонних лиц или непосредственно были обнаружены органами дознания, и лишь 4 % – по заявлениям потерпевших или их родственников. Во многих случаях органы милиции и прокуратуры Кавказа не возбуждали уголовных дел, например, по изнасилованиям, ссылаясь на отсутствие жалоб потерпевших.

По нашему мнению, советская правовая система не оказала существенного влияния на уровень сельской конфликтности, поскольку осуждение виновного в совершении любого уголовного преступления советским судом ни к какой мере не освобождало его и его семью от угрозы совершения кровной мести со стороны родственников потерпевшего. Известны случаи, когда советский суд осуждал виновного, а его семье не удавалось примириться с семьей потерпевшего, то обязательно следовала мечь в какой-либо форме. Освобождение от мести могло быть осуществлено только после медиаторского примирения.

Более того, как отмечали правоведа и прокуроры, даже при осуждении виновного советским судом к смертной казни родственники убитого все равно совершали кровную

³⁵ АИЭА. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 3; Оп. 4. Д. 12; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 6. Д. 16; Оп. 7. Д. 17.

³⁶ Там же. Тетр. 1. Оп. 5. Д. 13.

³⁷ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4.

³⁸ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2, 5–6; Оп. 2. Д. 7, Оп. 3. Д. 10; Оп. 4. Д. 12; Оп. 5. Д. 14; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 10. Д. 20; Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1; Оп. 7. Д. 2.

³⁹ Там же. Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Оп. 7. Д. 17; Оп. 8. Д. 18.

месть по отношению к кому-либо из членов семьи виновного. Так было в Грузии, Северной Осетии и других республиках Кавказа. Поэтому часто адыги, родственники потерпевшего, во время судебного заседания выражали просьбы об определении более мягкого приговора виновному.

Опишем случай, имевший место в Аджарии в 1967 г. Произошло убийство мужчины. Через пять лет 17-летний сын убитого убил отца виновного в исходном убийстве, 60 летнего старика. Мальчика судили в советском суде. Тем не менее жена убитого старика просила о снисхождении малолетнему убийце. Она сказала, что если он во время заключения умрет или его расстреляют, «то между нашими фамилиями кровомщение будет продолжаться и впредь, как этого требует старый хевсурский обычай». Она заявила, что ни она, ни ее родственники не имеют претензий к 17-летнему убийце. В то же время иногда потерпевший или его родственники просили суд назначить виновному смертную казнь, утверждая, что в противном случае они совершат над ними кровную месть.

Местные советские правоохранительные органы проводили политику невмешательства во внутрисельские конфликты. Во-первых, известно, что преступления на почве кровной мести, как правило, готовились открыто, как указывал А.И. Барамия, «иногда даже при одобрительном отношении к этому со стороны ближайших родственников мстителя, и о подготовке убийства на почве кровной мести знают многие из окружающих, тем не менее никто и никогда не сообщает об этом органам власти». В тех случаях, когда правоохранительные органы знали о готовящемся убийстве, они не предпринимали никаких мер по его предупреждению и не возбуждали, согласно ст. 190, уголовных дел за недоносительство.

Во-вторых, сельчане, знавшие детали уже совершившегося преступления на почве кровной мести, отказывались предоставлять информацию в правоохранительные органы, что, безусловно, было связано с боязнью совершения над ними мести. Местные жители не называли имена преступников, а если и называли в редких случаях, то отказывались помогать в их розыске и задержании.

А. И. Барамия указывал, что обычно на судебные заседания не являлись более половины ранее указанных в деле свидетелей. П. Гарб, опираясь на сведения, почерпнутые

из бесед с юристами, работавшими в советских судах, отмечает, что в 1950–1980-е годы абхазы старались давать ложные свидетельства для того, чтобы виновного в преступлении не осудили в советском суде⁴⁰. Были случаи и прямого укрывательства преступников. В-третьих, в Грузии, Армении, Чечне и других регионах Кавказа в ряде случаев правоохранительные органы не занимались розыском преступников, совершивших преступление на почве кровной мести⁴¹. И наконец, часто потерпевший, виновный и их родственники скрывали от органов милиции и суда, что убийство совершено на почве кровной мести, выдавая его за убийство при необходимой обороне, в драке, на почве бытовых неприязненных взаимоотношениях и т. п.

Народы Северного Кавказа обращались и обращаются в российский народный суд в исключительных случаях, когда ни медиаторы, ни применяемые против виновного санкции не являются действенными. Такие случаи имеют место в Северной Осетии. Так, в 1992 г. в селении Чикола колхозник изнасиловал в состоянии опьянения свою пожилую соседку. Его семья отказалась выполнить требование сельского схода о выселении ее за пределы селения и, несмотря на примененный к ней бойкот, продолжала жить в своем доме. Тогда медиаторы обратились в народный суд. Насильник был арестован и осужден на длительный срок тюремного заключения.

Согласно принятой 1 сентября 1997 г. новой Конституции КБР, в республике официально сохраняется единая моноюридическая судебная система, основанная на российском законодательстве. Органами судебной власти являются *мировые* и *районные суды*. В своей работе они руководствуются исключительно новым Уголовным кодексом РФ, введенным в действие с января 1997 г. Надзор за деятельностью народных судов осуществляет *Верховный Суд КБР*.

Согласно новому УК, как и прежде, разделяются убийства, совершенные «по мотиву кровной мести» и убийства «по мотивам мести». В целом критерии их деления не изменились. Первый вид убийства рассматривается как квалифицированное убийство при отягчающих обстоятельствах (п. «л» ч. 2 ст. 105), а второй – как простое убийство без отягча-

⁴⁰ Garb P. Op. cit.

⁴¹ Гольст Г. Борьба с преступлениями против личности // Социалистическая законность. 1961. № 1. С. 24.

ющих обстоятельств (п. «л» ч. 1 ст. 105). Убийство, совершенное по мотиву кровной мести, «обусловлено стремлением отомстить обидчику либо членам его семьи или рода за подлинную или мнимую обиду, нанесенную убийцей либо членам его семьи или рода». Как правило, кровная месть возникает в связи с убийством родственника. Субъектом такого преступления может быть только лицо, принадлежащее к той национальности или группе населения, где еще встречается обычай кровной мести. В РФ таким регионом является Северный Кавказ (Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия). При этом само убийство может быть совершено жителем этих республик за пределами своей республики⁴².

В 1990-е годы изменились и российская правовая политика, и адыгское правосознание. После распада СССР и развала в 1993–1995 гг. советской административно-судебной машины на Северном Кавказе в Кабардино-Балкарии и Адыгее сложилась опасная криминогенная обстановка. Недавно созданные российские органы судебной и исполнительной власти в ряде случаев оказываются неспособными противостоять разгулу преступности. В последние годы нарсуды перестали играть заметную роль в урегулировании местных уголовных и поземельных конфликтов в Кабардино-Балкарии и Адыгее. Выход из сложившегося положения большинство общественных движений постсоветской Кабардино-Балкарии видит в возвращении к традициям полиюридизма и возможно более широком использовании правоохранительных институтов местного адата.

В Кабардино-Балкарии и Адыгее адатные институты пока так и не узаконены. Так, согласно п. 1. ст. 17 новой Конституции, в Кабардино-Балкарии запрещается использование неписаного права*. То же самое отмечает П. Гарб. Генеральный прокурор Абхазии, считая в целом обычно-правовую практику полезной превентивной мерой, тем не менее подчеркивает, что ее существование объясняется исключительно слабостью государственных судебных институтов. По его мнению, не

следует поддерживать и расширять медиаторскую практику, а нужно укреплять официальную судебную власть⁴³. Однако в ряде республик Северного Кавказа есть первые попытки легализации медиаторских судов. Так, в Ингушской Республике принят закон о воссоздании третейских судов, призванных «руководствоваться нормами адата и шариата»⁴⁴. Не получив государственного признания *de jure*, нормы и институты постсоветского адата *de facto* добились такой независимости от государства, какой они не пользовались ранее ни в советское, ни в дореволюционное время.

В 1950–1990-е годы, по сравнению с предыдущими десятилетиями, значительно изменилась типология конфликтов. С одной стороны, сократилось количество краж, ограблений и причинение умышленного тяжелого физического ущерба, с другой, значительно возросло количество случаев причинения неумышленного физического ущерба, что связано с появлением частных автомобилей и отсутствием строгого контроля за безопасностью движения на дорогах Кабардино-Балкарии и Адыгеи, в силу чего происходит много аварий с человеческими жертвами. Данное преступление, с точки зрения российского законодательства подлежащее судебному разбору, до сих пор не рассматривается адыгами как преступление. Как и ранее, горцы используют адатное понятие «ущерб» и относятся к виновному в аварии как человеку, причинившему физический ущерб всей семье потерпевшего. В 1990-е годы появились новые конфликты – земельные, возникшие при разделении колхозных земель.

Несмотря на стремление советской администрации ограничить сферу применения института мести, он, претерпев существенные изменения, в некоторой степени сохраняет свои позиции в адыгской общине. Во-первых, месть может совершаться за любой причиненный физический или материальный ущерб, во-вторых, до сих пор не существует жесткой зависимости между характером и обстоятельствами исходного конфликта и последующим совершением мести как ответа на этот конфликт, в-третьих, отсутствует четкое деление преступлений на умышленные и неумышленные, в-четвертых, отсутствуют определенные

⁴² Словарь по уголовному праву. М., 1997. С. 591–592.

* Законы Кабардино-Балкарии подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативно-правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не были опубликованы официально для всеобщего сведения.

⁴³ *Garb P. Op. cit.*

⁴⁴ Закон Ингушской Республики «О третейских судах», 1997.

правила совершения мести в пространстве и во времени, и, наконец, сохраняется зависимость обращения к мести от желания потерпевшего и его родственников.

Тем не менее, можно говорить и о существенной трансформации, происшедшей с институтом мести за годы советской власти. В адыгских правоотношениях советского периода усилилось различие между кровниками и врагами и изменилось соотношение между ними в обществе. Если во второй половине XIX – начале XX века у горцев преобладали кровные отношения, то в 1950–1980-е годы – враждебные отношения. Поэтому можно говорить о сокращении в адыгском обществе в тот период случаев кровной мести. При враждебных отношениях горцы предпочитают использовать бескровные формы мести. Изменился и круг лиц, попадавших в группу объектов и субъектов мести. Во-первых, женщины все больше участвуют как в совершении мести, так и становятся объектом мести мужчин. Во-вторых, появилась новая категория лиц, готовых совершать убийства на почве кровной мести, а именно наемных убийц. В 1990-е годы на Северном Кавказе меняется и социально-экономическая, политическая и этническая ситуация, что отразилось и на бытовании института мести. В настоящее время северокавказские народы стали чаще к ней обращаться.

Период 1950–1980-х годов характеризовался упрочением системы «двойного» урегулирования конфликтов и возникновением тенденции рассмотрения многих из них только с помощью медиаторов при завуалированной поддержке местных судебных институтов. В большей степени эта тенденция проявилась в 1970–1980-е годы – период застоя в СССР, когда был значительно ослаблен центральный и республиканский контроль над правовыми органами северокавказского региона. Результатом этого этапа правовых преобразований в Кабардино-Балкарии и Адыгее стало возрождение и укрепление некоторых норм адата и шариата и формирование полуполюгального положения адатно-шариатного судопроизводства.

Что же представляют собой современное постсоветское обычное право, суд и правосознание в Кабардино-Балкарии и Адыгее? Обратимы ли перемены, происшедшие с ними при советской власти? После крушения советского режима в начале 1990-х годов примирение кровников по нормам адыгского адата стало

проходить совершенно открыто. Во взаимоотношениях государственного и адатного права и в организации адатного процесса наметились изменения. В первой половине 1990-х годов произошла постепенная десоветизация всей судебной-правовой системы Кабардино-Балкарии и Адыгеи. Политические деятели пытаются легализовать некоторые нормы адатно-шариатного судопроизводства. Они акцентируют внимание на том, что в настоящее время значение религиозно-адатных норм для адыгской общины возросло. Такая позиция привела к тому, что вопросы, в какой степени некоторые нормы адата и шариата могут функционировать в адыгском обществе, в какой форме они могут войти в новое судебное законодательство республик, стали очень важными.

Созданные в Кабардино-Балкарии и Адыгее в 1990-е годы общественные движения и органы общинного управления во многом стремятся применять нормы адата. Так, в 1990-е годы были ликвидированы созданные еще в конце 1920-х годов товарищеские суды. Вместо них была значительно расширена и активизирована деятельность сельских *советов старейшин*. Советы старейшин численностью 8–10 чел. занимаются рассмотрением случаев мелкого хулиганства⁴⁵. В Адыгее вместо сельских советов во многих селениях созданы *хасэ*. В некоторых селениях хасэ объединены с советом старейшин. По нашему мнению, хасэ являются во многом искусственным органом, не выполняющим реальную роль в адыгской общине⁴⁶. В Кошехабльском районе Адыгеи на базе сельских хасэ была сформирована новая общественная организация под названием «*Кошехабльский форум*». Основная идея ее создания заключалась в необходимости иметь постоянный внесудебный орган, который бы имел официальное право в качестве медиаторов разбирать конфликты, происходящие как между адыгами, так и между ними, с одной стороны, и соседними народами, с другой, апеллируя к нормам адата⁴⁷.

На республиканском уровне такой общественной организацией стала созданная в 1991 г. в Адыгее «Лига мира». В нее вошли представители большинства общественных объединений, зарегистрированных в республике, а именно объединение «Союз славян»,

⁴⁵ ПА. Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 5. Д. 14, 13; Оп. 3. Д. 10.

⁴⁶ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4; Оп. 5. Д. 13; Оп. 2. Д. 7.

⁴⁷ Там же. Тетр. 2. Оп. 8. Д. 18.

«Адыгэ хасэ», казачье движение. В качестве одной из главных целей «Лиги мира», определенных в ее программе, является открытие в республике *Института народной дипломатии*⁴⁸. Не менее активной является и кабардинская «Адыгэ хасэ», которая в качестве посредника принимала участие в урегулирова-

нии кабардино-балкарских земельных конфликтов, возникших в 1990-е годы в связи с попыткой ряда лидеров Балкарского национального конгресса пересмотреть территориальные границы кабардинских и балкарских селений, апеллируя к историческим корням заселения этого региона⁴⁹.

⁴⁸ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 3–4; Оп. 3. Д. 10; Оп. 5. ДД 13, 15; Тетр. 2; Оп. 8. Д. 18; Оп. 4. Д. 11–12.

⁴⁹ Подробнее об этом см.: *Бабич И. Л.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. Т. 1, 2. М., 1994.

Макка Албогачиева

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ КОМИССИИ В ИНГУШЕТИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В настоящее время во всем мире формируется новая концепция, предполагающая применение внесудебных, альтернативных практик разрешения различного рода конфликтов, которая в международной практике получила название «Восстановительное правосудие». Под этим термином понимаются разные практические модели реагирования на преступления, которые объединены общей целью и идеологией: направленностью на психологическое и душевное исцеление жертв, ресоциализацию правонарушителей и восстановление отношений между ними, обществом и государством. Краеугольным камнем здесь является не наказание, а примирение сторон и всестороннее возмещение ущерба¹. Восстановительное правосудие призвано изменить подход к преступлению и наказанию. Оно не отменяет официальную форму правосудия, а дополняет ее, вовлекая в этот процесс сами стороны и общественность для решения последствий преступления, способствуя социальной реинтеграции преступника и уменьшая количество уголовных наказаний.

В ряде стран нормы о посредничестве в уголовных делах вошли в законодательство. Это можно пронаблюдать в тех государствах, в которых мультикультурализм положен в основу правовой политики (Канада, Австралия, Индия, Израиль, Великобритания, отчасти США). В этих государствах признается возможной юрисдикция этнических сообществ в вопросах семейного и отчасти гражданского

права. Более того, практика уголовного преследования в США признает возможным принимать во внимание культурные нормы лиц, проходящих по уголовному делу. По одному уголовному делу американка японского происхождения утопила двоих малолетних детей и сама пыталась (неудачно) покончить жизнь самоубийством из-за измены мужа. Суд признал эти действия соответствующими древнему японскому обычаю и практически оправдал ее, назначив один год тюремного наказания, который она провела, находясь под следствием. По другому уголовному делу суд оправдал американца китайского происхождения за убийство жены вследствие ее неверности, сочтя эти действия согласующимися с китайским обычаем смывать позор. Тем самым признается право на культурное различие, но нарушается принцип формального равенства².

В нашей стране специалистами центра «Судебно-правовая реформа» с 1997 г. вполне успешно ведется работа по разработке концепции восстановительной медиации³. «Сегодня в разных регионах России проводятся пилотные проекты в этой области. Движение растет, его активными участниками становятся и юристы, теоретики и практики. Проведенный в январе 2003 г. в Институте государства и права РАН семинар, организованный этим Институтом совместно с центром «Судебно-правовая реформа», явился событием

¹ *Каирбаева Л.* Восстановительное правосудие и ресоциализация осужденных. Автореф. дисс. ... докт. философ. наук. Астана, 2010.

² *Честнов И. Л.* Социально-антропологическое измерение прав человека в глобализирующемся мире // История государства и права. 2009. № 13. С. 34–35.

³ *Максудов Р.* Восстановительная медиация: на пути к разработке концепции // Вестник восстановительной юстиции. 2010. № 7. С. 7.

знаменательным – фактически он стал знаком официального признания российской правовой наукой этого вектора развития правосудия. Имеющиеся в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве нормы о прекращении дел определенных категорий в связи с примирением сторон, а также норма об учете возмещения ущерба как смягчающего обстоятельства при назначении наказания являются некоторой законодательной первоосновой для складывания восстановительного сегмента в уголовном судопроизводстве»⁴.

Идеи восстановительной юстиции требуют более широкой реализации, что особенно актуально для традиционных обществ, где сильны общинные формы социального контроля и многие конфликты, включая те, которые в современном обществе квалифицируются как преступление, решаются при посредничестве старейшин⁵. Такая практика характерна для республик Северного Кавказа: Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечни, где еще сохраняется обычай кровной мести. Вместе с тем убийства, совершаемые по мотиву кровной мести, встречаются не только в регионах Российской Федерации, но и во многих странах мира, например, в Греции, Албании, Сербии, Италии, на Корсике, в Японии, в странах Ближнего Востока. Этот древний обычай общинно-родового строя также бытует на территории Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Грузии, Абхазии, Азербайджана.

Бытует мнение, что месть характерна только для определенных наций и народностей. Однако нельзя не согласиться с известным специалистом по юридической антропологии Н. Руланом, который считает, что «месть не является диким импульсом, ее осуществление проистекает из целого комплекса четко отработанных механизмов – системы возмездия. С другой стороны, мера наказания не является завершением процесса развития, начинающегося с мести: наказание и месть сосуществуют в любом обществе, будь то общество традиционное или современное»⁶.

⁴ Карнозова Л. На пути к новой парадигме уголовной юстиции // Индекс/Досье на цензуру 18/2003 / <http://www.index.org.ru/journal/printed.html>.

⁵ Зюков А. М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. Владимир: ИП Журавлева, 2009. С. 90.

⁶ Рулан Н. Юридическая антропология. / Пер. с франц.; Отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1999. С. 34, 172.

Убийство, даже совершенное по неосторожности, непременно порождает другое, так как родственники убитого мстят за его смерть убийце. Эта месть за смерть и называется *кровной мстью* или *кровной враждой* (инг. *дов*), а люди, которые враждуют друг с другом из-за убийства, – *кровниками* или *состоящими в кровной вражде* (инг. *довхой*), мститель (*пхья лехар*), убийца (*пхья боаллар*).

Кровную месть способна вызвать не любая обида, а только та, которая, по народным обычаям, карается исключительно кровомщением. Естественно, что нормы обычного права у каждого народа свои, а следовательно, и причины возникновения кровной мести разные.

Так, у ингушей помимо убийства кровной мстью преследовались и другие действия: насилие, увечье, похищение женщины, изнасилование, прелюбодеяние с замужней женщиной, соблазнение незамужней. А в некоторых случаях и кража девушки. Как известно, на Кавказе крали как по согласию, так и силой⁷. Ф. Леонтович писал, что «дела эти возбуждают у туземцев самые сильные страсти, отуманивают их горячие головы и побуждают туземцев на самые отчаянные и кровавые преступления»⁸. Шотландские миссионеры, занимавшиеся проповеднической деятельностью в Ингушетии в 1822 г., в своих отчетах писали, что «между ними нет почти ни одного пришедшего в полный возраст человека, который не был бы виновен в пролитии крови или не искал отмщения в том за родственника своего или приятеля»⁹. Этот обычай был распространен повсеместно как в горной части Ингушетии, так и на равнине.

В современной Ингушетии кровная месть еще отчасти сохранилась, и поводом к ней служат все те же причины, что и в прежние времена. Общественное отношение к этому обычаю в общем негативное, но его бытование столь продолжительное время связывают с тем, что закон кровной мести людям необходим: он показывает, что жизнь и судьба человека бесценны и любое посягательство на них не может остаться без последствий. Иными словами, смысл кровной мести понимается не в самом физическом уничтожении про-

⁷ Александров А. А. Месь. Рассказ из нравов и обычаев ингушей // Терские ведомости. 1905. № 272, 273, 274.

⁸ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 148.

⁹ РГИА 797: 19–19 об.

тивника, а в том, чтобы заставить его ценить и уважать жизнь любого человека. Месть имеет императивный характер, потому что она является ответным актом за содеянное преступление. Это своего рода «двусторонний обмен, вытекающий из возврата оскорбления и перемены ролей оскорбителя и оскорбленного. Обида вызывает контробида, и начальное отношение переворачивается: теперь оскорбленный становится оскорбителем, и наоборот. Таким образом, месть перестает быть желанием, которое подавляет и обуздывает закон, а становится нормой, которую закрепило общество»¹⁰.

Мстить можно только в том случае, если известен преступник, но если есть даже малейшее сомнение в виновности подозреваемого, ингуш должен принести очистительную присягу на Коране¹¹ – это снимает с него обвинение.

Независимо от того понес убийца уголовное наказание, установленное государством, или нет, он обязательно должен пройти официальную процедуру примирения в присутствии представителей духовенства и членов примирительной комиссии. Только пройдя обряд примирения, человек обретает «свободу». Важная деталь обычая: попытки к примирению кровники предпринимают, как только узнают о трагедии, и так продолжается до тех пор, пока не будет получен положительный результат, – месяцы, годы и даже десятилетия. Впрочем, нельзя не отметить, что есть категория людей, которые никогда не простят кровь, хотя и не будут мстить: их цель заключается в том, чтобы объект мести жил в вечном страхе. Это тоже своего рода возмездие, так как до официального примирения люди считаются кровниками. Каждое примирение приносит облегчение многим участникам конфликта, так как одним не надо больше скрываться, а другим бесконечно искать кровников.

Попытаемся разобраться, почему местное население бывает не удовлетворено наказанием, предусмотренным уголовным кодексом РФ, и находит удовлетворение в примирении по местным адатам. Как известно, кровная месть в 2 % случаев заканчивается смертельным исходом и в 60 % – примирением без внесения кровной платы, «ради Аллаха». При

этом люди руководствуются не желанием пролить чужую кровь или нажать на собственной трагедии, а желанием наказать группу, к которой принадлежит убийца. В суде преступник несет индивидуальную ответственность за содеянное, а его семья, род, религиозное братство, в котором он состоит, не подвергаются никакому наказанию. Тогда как по местному адату наказываются родственные и духовные общины – здесь все еще сохраняется групповая ответственность за члена социума. Таким образом, каждый ингуш знает, что за убийство должен будет ответить не только он сам, но и его близкие. «Обида, направленная против одного индивида, касается в целом и его группы, ставя его в положение некоего обмена с обидчиком и его группой: эти последние уже приняли на себя долг в отношении оскорбленного и его группы, неизбежным следствием которого является обязательство тяжко отомстить оскорбителю и его группе»¹².

В Ингушетии на 2011 г. в состоянии кровной вражды находится 73 семьи. Казалось бы, количество небольшое, но ингуши – малочисленный народ, имеющий разветвленную сеть родственных отношений, это тейповая и сложная вирдовая структура. Вражда между 73 погибшими распространяется на родственников по материнской линии, по отцовской, по линии дедов и бабушек и т. д. Это сотни людей, не знакомых ни с погибшим, ни с тем, кто его убил, но вовлеченных в этот магический круг. О вступлении враждующих семей в отношении родства через брак не может быть и речи даже после примирения. Крайне редко, но бывают случаи разводов после объявления кровной мести, несмотря на то, что в Ингушетии к разводам отношение негативное. Если трагедия произошла между близкими родственниками, то коллективная ответственность меньше: представитель жертвы по крови не может мстить своему близкому родственнику по мужской линии, виновного в убийстве другого родственника по мужской линии (отец, сын, брат). Хотя женщина как активная мстительница не фигурирует, она может выступать и как «подстрекатель», и как «миротворец».

Необходимо отметить и еще одну очень значимую деталь: кровомщение распространяется только на те народы, у которых она

¹⁰ Verdier R. Le systeme vindicatoire // La Vengeance: Etudes d'ethnologie, d'histoire et de philosophie. Paris: Editions Cujas, 1980. Vol. 1. P. 1–174.

¹¹ Ахриев Ч. Присяга у ингушей // Терские ведомости. 1868. № 47.

¹² Рулан Н. Юридическая антропология: Учебник / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М.: Норма, 2000. С. 174.

бытует. После экспедиционных поездок в Ингушетию в 1919–1921 гг. Н. Ф. Яковлев посвятил кровной мести две большие главы в своем основательном труде «Ингуши». Он отмечает, что «в ингуша глубоко внедрился взгляд, что другой, такой же, как и он, ингуш не может насильственно навязывать ему ничего, что стеснило бы его свободу, или тем более причинило ему ущерб. В противном случае насильник должен понести кровную ответственность перед обиженным <...> кровная месть у ингушей на русских не распространялась. Наоборот, со своими старыми соседями-горцами: осетинами, чеченцами и даже кабардинцами – ингуши считались родством, водили дружбу (куначество), а при случае расплачивались кровной мезтью»¹³. Кровная месть имеет свои правила, и с годами они не сильно изменились, в частности, кровомщение распространяется на свой социум, членам которого этот обычай известен с рождения.

Кровная месть как противоправный, антиобщественный обычай вызывал тревогу у местного населения. Активную борьбу с этим злом стали вести с самого начала XX в. Сходом представителей ингушского народа в 1907 г. был принят приговор по искоренению существующего в обществе обычая кровной мести. Собравшиеся отмечали, что «кровная вражда, причиняя неисчислимые бедствия населению, влечет к самоуничтожению как физическому, так и нравственному». Общество постановило прекратить навсегда обычай кровной мести как противоречащий учению Корана, и всем без исключения кровникам из среды ингушей совершить между собой примирение до 1 июля 1907 года, а по могущим впредь возникнуть столкновениям – примириться в месячный срок. Для примирения был избран медиаторский суд, состоявший из 4–6 медиаторов из числа выборных под председательством муллы того селения, к которому принадлежит убитый или раненый. Если возникнут жалобы, то дело примирения должно быть пересмотрено советом медиаторов от всего округа при участии не более 3 медиаторов от каждого участка по приглашению сторон под предводительством народного кадия и при участии муллы или мулл селений, к которым принадлежат примиренные стороны. Совет медиаторов являлся высшей инстанцией для обжалования, и решение его было без-

апелляционно. Жалобы на неправильное решение медиаторского суда должны были передаваться на рассмотрение народному кадию в недельный срок со дня постановления. Лица, не подчинившиеся всенародному решению, должны были высылаться из пределов округа и области в отдаленные губернии навсегда с семьями и исключаться из списков своего села¹⁴. Приговоры ингушского общества имели существенные результаты, были достигнуты перемирия между многими кровниками. Однако в это смутное время трудно было достигнуть поставленной обществом цели – обычай кровной мести оказался очень живучим, и в местной среде оставались семьи, состоявшие в непримиримой кровной вражде.

После установления советской власти в 1920 г. ингуши снова создали «комиссию по примирению». В задачи комиссии входило объехать все аулы Ингушетии и в каждом населенном пункте произвести примирение всех кровников. Комиссия привлекла к своей работе наиболее уважаемых местных жителей, духовенство и представителей влиятельных в народе религиозных братств. Была проделана огромная работа, все случаи кровной мести подробно изучались и записывались. Согласно обстоятельствам дела и обычаям, комиссия устанавливала величину выкупа, который должна была уплатить сторона ответчиков. Цена крови была определена в 500 тыс. рублей советскими денежными знаками. «После расследования всех обстоятельств дела и установления размеров “выплаты за кровь” комиссия организовывала сам обряд примирения, строго придерживаясь всех обычаев старины. Только строгое соблюдение адата должно было связать мстителей и обеспечить ответчиков от новой вспышки вражды. В противном случае мстители всегда могли бы сослаться на недействительность примирения и снова начать преследование убийцы»¹⁵.

Между тем, обычай кровной мести как наиболее архаичный и опасный вид преступления продолжал бытовать. Советское государство наряду с культурно-воспитательной работой вело борьбу с пережитками прошлого мерами уголовно-правового характера. «В 1928 году в уголовный кодекс РСФСР была введена глава X «О преступлениях, со-

¹³ Яковлев Н. Ф. Ингуши: Попул. очерк. М.; Л.: Гос. изд., 1925. С. 116.

¹⁴ Ингушские народные приговоры // Терские ведомости. 1907. № 97. С. 3.

¹⁵ Яковлев Н. Ф. Ингуши: Попул. очерк. М.; Л.: Гос. изд., 1925. С. 122.

ставляющих пережитки родового быта». Ее действие ограничивалось в основном районами Северного Кавказа, где до этого существовали шариатские суды. Статьи 203–204 главы X приравнивали отправление шариатского правосудия к тяжелым уголовным правонарушениям, за которые полагалось заключение в лагере сроком на один год. Подобные наказания были сохранены в российском Уголовном кодексе, принятом в 1961 году»¹⁶. Продолжая борьбу с духовенством 5 ноября 1928 г. ВЦИК РСФСР принял постановление «О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести». Постановление дополняло Уголовный кодекс Российской Федерации новой главой «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта»: «В целях ликвидации случаев кровной мести, возникающих на почве убийств и нанесения телесных повреждений, при окружных или районных и волостных исполнительных комитетах организуются примирительные комиссии в составе: представителя соответствующего исполнительного комитета (председатель), народного судьи, двух представителей общественных организаций и представителя местной женской организации. Примирительные комиссии собирают сведения о лицах, враждующих между собой на почве кровной мести»¹⁷. Распространялось постановление ВЦИКа «на автономные области, краевые (областные) объединения и губернии, в которых существовал обычай кровной мести»¹⁸. Однако работа указанной комиссии не принесла ощутимых результатов, так как местное население не рассматривало ее как компетентную инстанцию, способную разбирать вопросы мести с учетом местного адата и шариата. Такая ситуация сохранилась вплоть до выселения ингушей и чеченцев в Казахстан и Киргизию в 1944 г. Во время депортации кровники ходили вдоль эшелонов, искали своих «обидчиков» и прощали их. Но многие так и остались непрощенными, поэтому сразу после возвращения на родину чеченцев и ингушей, с 1957 г. в каждом районе Чечено-Ингушетии начали действовать примирительные комиссии. Это было не только государственным решением, но и волеизъявлением народа,

так как после страшных испытаний, выпавших на долю народа в период ссылки, казалось, что лучше простить кровников и жить в мире, нежели враждовать, тем более что после возвращения многим кровникам приходилось жить рядом. Из полевых материалов следует, что в период депортации народ был поставлен на грань выживания, и кровная месть впадала в состояние амнезии. После возвращения органы власти попытались сделать все, чтобы не реанимировать институт кровной мести, но, как видно, не очень успешно.

Наглядно иллюстрируют работу комиссии по примирению кровников «Материалы примирительной комиссии по селению Сурхахи Назрановского района Чечено-Ингушской АССР», хранящиеся в фондах Ингушского государственного музея краеведения им. Т. Х. Мальсагова. Из видеоряда следует, какое большое значение придавалось этой работе. В примирении кровников принимали участие министр внутренних дел и охраны общественного порядка Чечено-Ингушской АССР, генерал внутренней службы III ранга М. П. Дроздов; председатель Республиканской примирительной комиссии Абдул-Вагап Тепсаевич Тепсаев; председатель Президиума Верховного Совета ЧИАССР по вопросу порядка проведения перемирия Ильяс Абдулаевич Алмазов¹⁹. Сколь основательна и масштабна была эта работа, можно судить и по уровню ее всесторонней подготовки. Так, специально для партработников, ответственных за решение этой проблемы в Чечено-Ингушской АССР, по партийной линии издавалась «Памятка по примирению кровников»²⁰.

В эти комиссии входили авторитетные люди: старейшины, прокурор, начальник милиции, мулла. «Я был членом одной из таких комиссий, – вспоминает Муса Хадисов. – Мы вызывали кровников и с ними беседовали. Бывало, что они отказывались от кровной мести. За это их поощряли: давали машины вне очереди, выделяли земельные участки, могли продвинуть по службе»²¹.

¹⁶ Бобровников В. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5 (13). С. 5.

¹⁷ Собрание Узаконений. 1928. № 141.

¹⁸ Лебедева А. Кровная месть // Южный репортер. 2005, 31 октября // <<http://reporter-ufo.ru/681-krovnojaja-mest.html>>.

¹⁹ ПМА. 2010.

²⁰ Леонтьева Л. Хрустальный мир Северного Кавказа // Открытая газета [Ставропольский край]. 2010, 27 января – 3 февраля. № 3 (393) <<http://www.opengaz.ru/issues/03-393/peace.html>>.

²¹ Светова З. Кто, почему и как мстит сегодня в России? // Сайт радио «Абсолют». 03.10.2008 <<http://www.radioabsolut.ru/news-view-1780.html>>.

Советское государство умело использовало не только административный ресурс, но и гибко применяло Уголовный кодекс. «Была статья 231 в УК РСФСР 1960 года – “Уклонение от примирения”. Вплоть до 1997 года это считалось преступлением, влекло до двух лет заключения. Применялась она в тех “автономных республиках, автономных областях и других местностях РСФСР”, где сохранялись “пережитки местных обычаев” (аналогичные положения содержались в кодексах некоторых бывших союзных республик). Наказывалось, по этой статье, “уклонение родственников убитого от отказа применения кровной мести в отношении убийцы и его родственников, осуществляемого в порядке, установленном положением о примирительном производстве по делам о кровной мести”. Иными словами, традиционное примирение формально признавалось правовым институтом даже в эпоху всепроникающего советского официоза»²². Это был сильный рычаг давления на тех, кто не хотел примириться.

Весь комплекс описанных мероприятий по примирению кровников превратил республику в очень спокойный регион: по числу тяжких преступлений она была самой благополучной в Российской Федерации²³.

После распада СССР прежняя система административного и уголовного наказания была ликвидирована. Согласно ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса,отягчающим обстоятельством является совершение убийства по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести. По сравнению с прежней формулировкой ст. 102 УК 1960 г. («убийство, совершенное на почве национальной или расовой вражды или розни») в новый УК, как видно, внесены уточнения; кроме того, в этот пункт включено и убийство на почве кровной мести. В УК РСФСР это был самостоятельный пункт «к» ст. 102 [УКРФ].

В остальных положениях Уголовного кодекса Российской Федерации его составители обошли этот вопрос как несуществующий. Однако на местном уровне вопрос, как и преж-

де, очень актуален, ему уделяется огромное внимание и местными органами власти, и духовенством, и обществом в целом. В традиционном ингушском социуме всегда были сильны общинные формы социального контроля, где многие конфликты, включая те, что в современном обществе квалифицируются как преступление, решались на сходах или советах старейшин и примирительными комиссиями. Как справедливо отмечает профессор Я. И. Гишинский, «в традиционных обществах, где сильны общинные формы социального контроля, многие конфликты, включая те, что в современном обществе квалифицируются как преступление, решаются на сходах или старейшинами (при посредничестве старейшин) и, видимо, поэтому показатели многих видов преступности на Северном Кавказе среди национальных субъектов Российской Федерации самые низкие. Так, в 2004 г. уровень зарегистрированных убийств в Дагестане был 7,5; в Ингушетии – 9,3; в Кабардино-Балкарии – 10,5; в Адыгее – 11,9 при среднероссийском – 21,9. Уровень причинения тяжкого вреда здоровью – в том же году в Ингушетии – 5,3; Дагестане – 6,4; Кабардино-Балкарии – 13,2; Карачаево-Черкесии – 20,6 при среднем по России – 39,8. Уровень разбоев составлял в Ингушетии – 10,1; в Дагестане – 7,4; в Кабардино-Балкарии – 15,4 при среднероссийском – 38,5»²⁴.

Статистика говорит за себя: на Кавказе еще очень силен социальный контроль антиобщественного поведения. Любой человек, совершивший аморальный поступок, будет подвергнут остракизму. Если семья будет поддерживать его, то и ее постигнет та же участь. В чем она выражается? С этими людьми не будут общаться, и даже когда они умрут, в последний путь их будут провожать только близкие родственники, без соответствующей похоронной обрядности с участием мюридов, родственников и друзей.

Живучесть обычая кровной мести вынуждает местные власти создавать на государственном уровне примирительные комиссии, которые будут выполнять функции регулятора. Так, с 6 сентября 1995 г. распоряжением Р. С. Аушева были приняты меры по предупреждению преступлений, совершаемых на по-

²² Левинсон Л. А. Потерпевшим быть обязан // Индекс [журнал]. 2003. № 18 <<http://www.index.org.ru/journal/18/18-levinson.html>>.

²³ Леонтьева Л. Хрустальный мир Северного Кавказа // Открытая газета [Ставропольский край]. 2010, 27 января – 3 февраля. № 3 (393) <<http://www.opengaz.ru/issues/03-393/peace.html>>.

²⁴ Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. Р. Асланова; Юридический центр Пресс, 2007. С.100.

чве кровной мести, 15 сентября того же года утверждено «Положение о примирительных комиссиях по делам кровной мести»²⁵. Эту работу продолжил М. М. Зязиков, а затем и нынешний президент Республики Ингушетия Юнус-бек Евкуров. Для достижения положительного результата в вопросах кровной мести в республике созданы примирительные комиссии, которые ведут учет всех кровных дел и силами общества решают эти сложные вопросы. При администрации Президента Республики Ингушетия функционирует отдел по связям с общественностью, который наряду со своей работой занимается и сбором сведений о кровниках. Начальник этого отдела Абдул-Азит Гудантов отметил, «что работа его отдела по примирению ведется совместно с Муфтиятом РИ, известными в республике алимами и уважаемыми старейшинами. А также в нужных местах подключаем родственников, которым трудно отказать в прощении крови, чиновников, которые способны своим служебным положением или авторитетом повлиять на прощение крови и, если необходимо, к переговорному процессу подключается президент Ю. Б. Евкуров»²⁶.

Вместе с тем основная работа в этом направлении приходится на долю Духовного управления мусульман республики, где ведут тщательный учет примиренчества, вся статистика по кровникам – неофициальная и не подлежит огласке. С материалами этой комиссии работает лично Муфтиятий Иса Хамхоев. В официальном списке кровников, составленном по различным населенным пунктам Ингушетии на 1 января 2009 г., числилось 180 человек, среди которых не достигнуто примирение. За текущий год в республике примирились около 104 кровников²⁷. Значит, еще много работы предстоит сделать членам примирительной комиссии. Нужно отметить, что эта работа ведется на общественных началах и никак не оплачивается.

В состав комиссии входят представители всех населенных пунктов республики – примерно по семь человек от каждого. Это старейшины родов, духовные лидеры и почитаемые в народе люди независимо от их возраста. Члены примирительной комиссии ве-

дут свою трудную и кропотливую работу годами, пока не добьются положительного результата. Значительная часть этих людей имеет многолетний опыт, и поэтому их привлекают к такой работе, когда хотят получить положительный результат. Каждая семья имеет право выбора людей, которым она доверяет решать вопросы, связанные с примирением семей. В каждом населенном пункте есть люди, занимающиеся этими вопросами всю жизнь. Главная роль примирительных комиссий – разъяснительно-предупредительная.

Ранее сумма откупа за убийство составляла 100 000 руб., но 5 июня 2010 г. конференция мусульман Ингушетии приняла решение увеличить эту сумму до 1 000 000 руб. Почему ингушское общество решило, что увеличение суммы может дать положительный результат? Заместитель председателя примирительной комиссии Ингушетии, председатель примирительной комиссии по Малгобекскому району и городу Малгобек Алихан Ахметович Муцольгов в интервью прокомментировал это решение так: «Можно снизить убийства, которые совершаются водителями транспортных средств по халатности <...> Сумма откупа же станет не только бременем для виновного, но и подспорьем для семьи, которая потеряла кормильца. [И далее вопрос интервьюера:] Бытует мнение, что закон кровной мести – сдерживающий фактор, что он жизненно необходим для Ингушетии. Ваше мнение созвучно с этим мнением? – Любое мнение имеет право существовать, в том числе и озвученное Вами, которое действительно бытует. Сугубо мое мнение, как индивидуума, что это пережиток прошлого, когда кровь проливается, и это никак не может считаться необходимостью»²⁸.

Примирение – богоугодное деяние, и поэтому члены примирительной комиссии и днем и ночью ищут слабые стороны каждого рода, чтобы потом использовать их для примирения кровников. Это необходимо для того, чтобы получить положительный результат. Ораторское мастерство, такт, знание местных адатов и шариата позволяют им решать многие кровные дела. Однако нужно отметить, что примирение происходит часто из-за того, что старшие рода и семьи решились на примире-

²⁵ Патиев Я. Хроника истории ингушского народа с древнейших времен до наших дней. Махачкала: Лотос, 2007. С. 307.

²⁶ ПМА. 2011.

²⁷ ПМА. 2010.

²⁸ Цечоев Б. Повышение «тарифа» за убийство, как сдерживающий фактор (интервью Алихан-хаджи Муцольгова) // Живой журнал пользователя beslan_cechoev. 24.11.2010 <<http://beslan-cechoev.livejournal.com/>>.

ние во избежание кровопролития, даже если некоторые члены семьи не согласны. Это не обсуждается и не оглашается, так как еще сильны устои патриархального уклада ингушской семьи, где решение старшего – закон для младших. Для достижения положительного результата к переговорному процессу подключают авторитетных родственников по отцовской и по материнской линиям, которые смогут напрямую уговаривать и приводить различные доводы в пользу примирения.

«Магомед-хаджи Аушев долгое время был главой примирительной комиссии села Сурхахи. На его счету более 20 удачных “миротворческих операций”. Он рассказывает, что все случаи кровной мести делятся на сложные и простые. Простые – это когда человек погиб в ДТП, или в драке кто-то ударил его сильнее, чем хотел, словом все ситуации, где не было умысла убить. В таких случаях мира почти всегда можно достичь, но даже тут сразу почти никогда не прощают, “нужно время, чтобы у человека отболело сердце, мы приходим к нему и просим смилостивиться пять раз, десять, двадцать – капля камень точит,” – говорит Магомед-хаджи, – “если человек упрямится, его будут попрекать, что отказал почтенным людям: чем авторитетней примиритель, тем сложнее отказать”. Другое дело, когда убийство было намеренным, а тем более жестоким, если убил пьяный, это, как и в российском суде, отягчающее обстоятельство. В таких случаях прощают редко»²⁹. Перед медиаторами стоит сложная задача – важна объективная оценка происходящего. В тех случаях когда необходимо получить нужные сведения о ДТП, они обращаются в соответствующие структуры для правильной оценки случившегося.

«Примирительная комиссия – орган по своему бюрократический. Все акты примирения протоколируются. В них записывается и количество жертв кровной вражды. Жители села, где происходило примирение, ставят свои подписи как свидетели. Вот цитаты: “Жители села Сагопши Малгобекского района благодарят председателя примирительной комиссии Латырова Сосарко за труд в деле примирения кровников Мержоевых – Холухоевых, Мержоевых – Белхороевых (погибли 8 человек, ранены 2 человека)”;

²⁹ Джемаль О. Неделя мира в Ингушетии // Живой журнал пользователя orkhan. 2009-03-02 <<http://orkhan.livejournal.com/>>.

даре выражают признательность Латырову Сосарко за примирение кровников пяти тейпов (погибли 7 человек). Сосарко провел огромную работу по примирению. Да поможет ему Аллах!”; “Семья Батажевых (станция Троицкая) выражает свою глубокую признательность Латырову Сосарко за устранение кровной вражды 50-летней давности и примирение нас с кровниками Алиевыми из поселка Дачное”»³⁰.

Процедура примирения

Примирение в разные исторические периоды имело свои особенности. Так, «убийца, желающий примириться с родственниками убиенного для избежания мщения, приходит к беголу*, просит его о примирении, доколе же собрание не решит его дело, находится безотлучно в доме бегола, коего жилище мстителям неприступно. То же самое, ежели убийца был в побеге за пределами отечества, прибежит в дом к беголу, может в оном быть от всех поисков безопасен до народного решения»³¹.

Другим средством примирения служило молочное родство: «Убийца тайком пробирается к матери убитого и, с ее согласия или при помощи насилия, прикладывает губами к ее груди. После этого он становится молочным братом убитого, т. е. роднится с ним и таким образом избавляется от мести как член того же рода»³². Избежать кровной мести можно было еще одним способом: «любой убийца, забежав в чужой дом, мог схватиться за очажную цепь. После этого он становился родственником хозяина дома, и хозяин должен был разделить с ним участь убийцы. Такая семья принимала на себя бремя кровной мести, и с тех пор уже обе семьи преследовали кровники»³³.

Эти средства примирения кровников были весьма редки, так как ингуши воспринимали их как унижающими честь и достоинство мужчины.

Кроме вышеописанных способов насильственного примирения, существовало официальное примирение. Для этого «убийца, отра-

³⁰ Халип И. «Ингушский синдром» // Белорусская деловая газета 2004. 04. 06.

* Бегол – глава общенародного правления (XIX в.).

³¹ Бутков П. Г. Из описания ингушей // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 13.; ЦГВИА Кол. 482. Д. 192. ЛЛ. 150–153.

³² Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 157.

³³ Там же.

стив волосы на голове и бороде, без оружия, в изорванном платье, с бледным и исхудалым лицом и вообще с внешним видом, соответствующим предстоящему трагическому моменту, отправляется на могилу убитого и дает знать родственникам последнего, что он кровник с повинной головою в полном отчаянии с разбитым сердцем и слезами на глазах, лежит на дорогой им могиле, вымаливая у Бога прощения. До прихода родственников убитого, которые умышленно тянут дело, подстрекаемые женщинами, кровник со своими родственниками ложится ничком на могилу, нанося себе побои кулаками, и горько плачет. Стыдно отказать такой смиренной и униженной просьбе. На помощь кающемуся являются старики и убеждают родственников убитого простить убийцу его проступок. Если удалось привести родственников убитого к могиле, то с этого момента вражда прекращалась, убийца устраивал пир, и дело кончалось принятием его в род убитого посредством установления духовного родства между ними»³⁴.

В разные исторические этапы обряд примирения менялся. Об этом можно судить из материалов опубликованных источников. Так, например, описывает процедуру примирения К. Б. Шетихин: «На кладбище на высоком месте закреплялся флаг, а вокруг кладбища ходили родственники убийцы с разноцветными флагами (белыми, красными, синими, желтыми и зелеными), совершая духовную процессию. В это время убийца лежит на могиле и громко кается в совершенном преступлении и просит у покойного прощения, а родственники убийцы ходят вокруг кладбища и поют молитву; ходатайствуют перед родственниками убитого о прощении и примирении кровников посредники из сторонних фамилий, такая церемония может продолжаться до трех дней»³⁵.

Формы примирения с принятием ислама претерпели некоторого рода изменения.

Современное примирение происходит в окрестностях соборной мечети, но в молитвенном доме и во дворе мечети допускается только молебен, а прощение крови должно происходить за его пределами. Поэтому процедуру примирения назначают после дневной пятничной молитвы, так как на нее собирается

огромное число прихожан. По ингушским обычаям, женщина не посещает мечеть, следовательно, нет и традиционного деления на женскую и мужскую половину. На примирении кровников женщины не присутствуют ни в качестве свидетелей, ни в качестве участниц церемонии – здесь собираются только мужчины. Глава пострадавшего рода или ближайший родственник погибшего объявляет, что с этого момента претензий ко всем ответчикам по мести и убийце нет, он прощает «кровников»³⁶. Клятвенно заверив, что если когда-либо и где-либо кто-то из родственников убитого нарушит сегодняшнюю договоренность, то род убитого за этого нарушителя ответственности не несет. Это отклонение от нормы, и случается крайне редко. От таких людей общество отрекается, они становятся изгоями как клятвопреступники.

После объявления о прощении по знаку посредников появляются представители «виновной» семьи во главе со старейшинами рода и членами примирительной комиссии. Они направляются в сторону пострадавшего рода медленно, молча, с опущенными головами. Подойдя, мужчины становятся в шеренгу; кровники пострадавшей семьи подходят к каждому из них, пожимают руку, обнимают и говорят: «Я прощаю тебя ради Аллаха (*аз пха битар хиона Даъла духъ*)»; затем прощенные благодарят, те и другие обнимают друг друга и расходятся с миром³⁷. Нужно отметить, что в примирении кровников участие непосредственного виновника не обязательно. Поэтому, в большинстве случаев, на процедуре примирения самого обвиняемого не бывает. Тогда как в соседней Чечне это является одним из обязательных ритуалов обряда примирения кровников.

Прощение кровника, по шариату, – богоугодное деяние, и поэтому самую значительную, трудоемкую и ответственную часть работы берет на себя ингушское духовенство. Значительная часть нравственного воспитания и духовно-просветительской работы с населением проводится во время ритуала примирения кровников. Большое морально-психологическое воздействие на население оказывает местное телевидение, которое транслирует на канале «Вести» процедуры примирения

³⁴ Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004. С. 104.

³⁵ Шетихин К. Б. Примирение кровников // ТВ. 1898. № 152.

³⁶ Об этом более подробно в статье «Кровная месть в современной Ингушетии» // Этнографическое обозрение. (в соавтор. с И. Л. Бабич) 2010. № 6. С. 67–78.

³⁷ ПМА. 2010.

ния. Этот видеоматериал позволяет донести до населения важность и значимость прощения. Основной упор делается на то, что на тех, кто простил кровь близких ради Аллаха, лежит особая благодать. Трактуются это так: «в ссудный день Аллах попросит встать рядом с ним тех, кто отказался от мести ради него. И скажут остальные, чем они заслужили такую награду. Он ответит – это те, кто заслужили рай, так как простили кровь близких ради меня»³⁸. Подобных высказываний из Корана на примирении бывает много. Исследователи шариата, опираясь на Коран, считают, что Священное писание не поощряет кровную месть³⁹ и у родственников убитого есть выбор: месть – и затем период постоянного страха в ожидании ответного шага или примирение ради Аллаха.

Примирительная комиссия ставит своей целью разрешить конфликт через восстановительную медиацию. Члены комиссии не занимаются воспитанием или перевоспитанием кровников, но при этом они проводят огромную воспитательно-разъяснительную работу на местах о недопустимости кровной мести. Очевидно, что на данный момент обычай кровной мести находится в стадии трансформации; при этом многие жители Ингушетии считают его негативным явлением и хотели бы, чтобы он прекратил свое существование. Вместе с тем, система социального регулирования в республике явно нуждается в дополнительных

механизмах контроля, помимо УК Российской Федерации.

Существование примирительной комиссии на территории Республики Ингушетия свидетельствует о потребности гражданского общества в примирении и согласии. Права человека могут быть закреплены в законодательстве той или иной страны, но для их реализации необходимо их соблюдение, исполнение и использование. Простое закрепление в уголовном законодательстве квалифицирующего признака, предусматривающего повышенную ответственность за убийство по мотиву «кровной мести», не останавливает мстителей. Следовательно, в современной России и регионах Северного Кавказа назрела необходимость противодействия преступности путем постепенного введения новых институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда. Тем более, что восстановительное правосудие имеет корни в традиционных процедурах примирения ингушского народа, и нет необходимости в значительной профессиональной подготовке для ведения примирительных процедур. Но для официального признания этих институтов предстоит преодолеть монополию правоохранительных органов и судов на конфликты и криминальные ситуации и восстановить доверие к обществу, которое было в истории ингушского народа.

³⁸ ПМА. 2010.

³⁹ Сюкияйнен Л. Р. Шариат, обычай, закон: координаты правового бытия российского мусульманина // Человек и право: Книга о Летней школе по юридической антропологии (г. Звенигород, 22–29 мая 1999 г.) Отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. С. 82–92.

Залпа Берсанова

ОБЫЧАЙ КРОВНОЙ МЕСТИ И ПРАКТИКА ПРИМИРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕЧНЕ

Чеченское общество высоко ценило жизнь каждого человека независимо от его пола, возраста и социального статуса. В борьбе за жизнь, достойную человека высокой духовной культуры, «чеченцы создали законы, обычаи и уклад жизни, ... которые развили у них сильное чувство национальной индивидуальности... Сила и стабильность, явившиеся вследствие этих особенностей национального характера, помогли чеченцам пронести все эти законы и обычаи сквозь века»¹. И в частности, свидетельство тому традиция талиона – неотвратимость наказания за обиду, оскорбление, убийство. «Унижение, а также весь комплекс нравственных предписаний, где прослеживается глубокое уважение личности, то есть коллективизм общественных отношений чеченцев, ни в коей мере не противоречил представлениям о ценности каждого члена общества – его достоинства и чести, и, в конце концов – ценности самой жизни. Чеченец был поставлен в такие общественные и нравственные условия, когда не мог никого оскорбить, и его никто не имел права оскорбить или унижить – наказание было неотвратимым»².

Среди всех мер предотвращения зла наиболее жестким был обычай кровной мести. Так, дореволюционный автор Ф. И. Леонтович писал, что «кровомщение есть единственная узда, которая в некоторой степени обуздывает ... страсти удальца...»³.

В политических установках чеченцев обычай кровной мести – это проявление неотвратимости наказания за своевольное применение силы, несправедливость и унижение. В нем отразилась коллективная ответственность, дух равенства, характерные для менталитета чеченцев представления народа о справедливости. «Кровная месть преследовала в чеченском обществе цель – блокировать опасность и обезопасить себя и близких. В условиях отсутствия органов, защищающих право человека на жизнь, применение силы, реализуемое институтом кровной мести, становилось неизбежным и даже желательным, так как этим достигалось взаимное сдерживание, прекращалась открытая агрессия на индивидуальном уровне, обеспечивалась безопасность всех членов общества»⁴.

Действительно, в этих условиях данный обычай являлся фактором, спасавшим общество от анархии, произвола и хаоса, сохранявшим в нем, в известной степени, общественный порядок, социальную справедливость и равенство.

«... Возникновение закона возмездия исторически связано с развитием у людей чувства равенства и справедливости, который первоначально проявлялся в примитивной формуле: «удар за удар», «око за око», «зуб за зуб», «смерть за смерть»⁵.

Несомненно, источник кровной мести – это инстинкт мщения. Но все же сводить кровную месть к животному инстинкту мести нельзя. «Кровная месть – это явление не только психологическое, но и социальное – ведь

¹ Арсалиев Ш. Этнопедагогика чеченцев. М.: Гелиос-АРВ, 2007. С. 210.

² Нанаева Б. Б. Политические традиции в социокультурном наследии чеченцев. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦН ВШ ЮФУ, 2009. С. 134.

³ Цит. по: Указ. соч. С. 134.

⁴ Нанаева Б. Б. Указ. соч. С. 262.

⁵ Там же.

только отомстив обидчику, человек мог рассчитывать на равное положение в обществе. Да, это пережиток, но пережиток, приобретший социальную форму и способность наряду с законом современных обществ выступать сдерживающим началом в проявлении природных инстинктов. Совершая месть, человек сдерживал проявление необузданного животного начала по отношению к себе.

К тому же мораль в чеченском обществе не только одобряла, но и строго регулировала талион: для каждого конкретного случая, например, оскорбления словом, прелюбодеяния, убийства – преднамеренного или нет, были возможны лишь определенные пределы мести, выход за пределы которых был невозможным. Но, в любом случае, суть обычая оставалась одна – виновный сдавался на милость рода убитого, и от них уже зависела его дальнейшая судьба»⁶.

При убийстве кого-либо из членов тайповой общины тут же собирался совет старейшин тайпа погибшего. «Здесь принимались во внимание многие обстоятельства, в том числе ситуация совершения преступления, степень умышленности покушения на жизнь и т. д. Если же убитой оказывалась женщина, то добиться прощения было почти невозможно, что объяснялось нанесением роду двух обид одновременно – убийство и позор»⁷.

Установив подробные обстоятельства и причины убийства, совет старейшин принимал решение об отмщении за убитого или о прощении. Первые действия по примирению сводились к тому, чтобы добиться прощения для родственников убийцы, не принимавших участия в убийстве и даже не способствовавших его совершению. Затем уже речь идет о полном примирении.

Тайп преступника также собирал свой совет старейшин, который искал способы для достижения примирения с тайпом убитого. Прежде всего, уважаемые старейшины обращались к родственникам убитого с просьбой допустить дальних родственников убийцы на *тезет* (похороны) для выражения соболезнования.

Далее уважаемые люди из тайпа убийцы или из его села обращались с настоятельной просьбой о прощении, и при большом скоплении народа происходило «освобождение от крови» близких родственников виновного.

После этого происходит и ритуал прощения самого кровника. Делегированные стороной убийцы все взрослые мужчины села (и даже всех окрестных сел), снимая шапки и падая на колени, приближаются к дому потерпевшего. Процессию возглавляли уважаемые старики, а со словами утешения и просьбой о прощении обращались лица, известные своим красноречием («*масла атан дай*»)⁸.

Процессия несет на погребальных носилках кровника, завернутого в саван. Такой образ – образ «живого трупа», говорит о том, что кровник глубоко раскаивается, что он отшел от всех земных радостей. Сопровождающие кровника люди тоже выглядят так, будто они пришли на похороны. У них опущены бороды, на лицах – скорбь.

При «прощении крови» один из близких родственников убитого совершал ритуал бритья головы и бороды кровника. Это означало не только окончательное прощение, гарантию безопасности и доверительного отношения друг к другу (сесть под нож кровника без доверия просто невозможно), но и начало дружбы между враждующими фамилиями»⁹.

Современный обряд прощения несколько упрощен. Кровник одет в плащ с капюшоном, и близкий родственник убитого открывает его лицо, откинув капюшон.

Затем происходит обряд прощения. Представители противоположных сторон заключают друг друга в объятия. В старину обряд примирения выглядел несколько иначе. По свидетельству нашего информатора, каждый представитель стороны потерпевшего проходил вдоль представителей кающейся стороны, поочередно пожимая руку каждому из них¹⁰.

Вероятно, отсюда и произошло название данного ритуала – «*куйге дахар*» (букв. сойтись руками). С принятием мусульманства рукопожатие стало приветственным жестом. И в обычае прощения кровника рукопожатие стали заменять объятием. Но и в приветственном жесте рукопожатия остался оттенок его прошлого назначения – у чеченцев не принято здороваться за руку с теми, с кем потенциально не может быть кровной вражды: женщинами, родными братьями, с родственниками по матери, зятем и его родственниками и т. д.

⁶ Нанаева Б. Б. Указ. соч. С. 134–135.

⁷ Ахмадов М. М. Чеченская традиционная культура и этика. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2006. С. 74.

⁸ Там же.

⁹ Ахмадов М. М. Указ. соч. С. 75.

¹⁰ Полевые материалы автора. Информатор Али Магомадов 1929 г. р. с. Памятой Шатойского района. 2010 г.

После того как произошел обряд примирения, никто из родственников не имеет права мстить за убитого. С этого момента прощенный и его близкие обязаны с большим уважением и вниманием относиться к простившим им кровь людям. Такие отношения не заканчивались жизнью одного поколения, а переходили к детям и внукам. Проявление неуважения со стороны прощенного или его родственников могло стать поводом для отмены прощения, и тогда вновь вступали в действие законы кровной мести.

Человек, не отомстивший за убитого родственника, считался в обществе ущербным. Наш информатор поведал нам такой случай. На глазах у десятилетнего мальчика были убиты отец, дядя и родной брат. Тяжесть утраты для мальчика усугублялась тем, что приходилось терпеть оскорбительные выпады односельчан: «Посмотрите на этого придурка, который не отомстил за своих родственников».

Мальчик, действительно, вскоре стал помешанным. Но прошли годы, и в один прекрасный день он подстерег своих кровников и меткими выстрелами убил их одного за другим. Оказывается, по совету одного из своих соседей подросток только притворялся умалишенным. А сам каждый день уходил далеко в лес и тренировался в стрельбе¹¹.

В случае отказа примириться потерпевшая сторона выбирала, кого она намерена убить. Обычно выбирался сам убийца (*куьз бехкиверг* – у кого виновная рука). Это, кстати, совпадает с требованием шариата, который допускает месть только в отношении убийцы.

Не давалось право на кровомщение между собой родственниками по отцовской линии.

Потенциальной мишенью для кровной мести становился любой член тайпа убийцы. Со временем – любой из родственников убийцы. Если убитый был очень достойным человеком, то кровники объявляли, что в ответ будет убит лучший представитель тайпа убийцы. М. М. Ковалевский свидетельствует о том, что царские судьи поражались действиям горцев, особенно по делам о кровной мести. Например, суд приговаривал горца, виновного в убийстве, к каторжным работам. Однако родственники убитого считали это наказание слишком мягким и недостаточным.

Кровники отправлялись вслед за осужденным и убивали его в местах лишения свободы»¹².

Случалось так, что кровная месть совершалась не сразу, она могла передаваться из поколения в поколение. Во всех случаях возмездие осуществлялось в рамках строгих правил, принятых в чеченском обществе. Так, кровника нельзя было убивать в его доме, во время совершения им молитвы или если кровник болен.

После «взятия крови» мститель должен был повернуть убитого лицом на юг (в сторону Мекки), прочитать отходную молитву, попросить себе прощения у Всевышнего и немедленно сообщить родственникам убитого о том, где находится тело, чтобы те могли до захода солнца захоронить его.

Категорически запрещалось надругательство над трупом (отрезание разных частей тела, в том числе головы, волочение по земле и т. д.). За осквернение трупа обычай требовал «две крови».

Конечно, старейшины по возможности пытаются примирить кровников. Бывали случаи, когда, несмотря на то что кровная месть объявлена, люди сами прощали убийцу. «Единственным средством избавиться от мести является приобщение убийцы к культуре семьи убитого, – пишет Б. Далгат. – Убийца тайком пробирается к матери убитого и, с ее согласия или при помощи насилия, прикладывает губами к ее груди (сосет молоко). После этого он становится молочным братом убитого, т. е. роднится с ним и таким образом избавляется от мести как член того же рода. Такой же точно результат получается, если убийце удастся подержаться рукой за цепь над очагом в доме убитого. Всякий убийца, вбежавший в чей-либо дом и схватившийся за такую цепь, становился под защиту и покровительство священного очага и хозяина дома, который не мог выдать его, так как с этого времени он (убийца) становился родственником хозяина; хозяин, в свою очередь, подвергался преследованиям кровников...

Есть еще другой способ избежать мести кровников, который также отражает на себе влияние семейного культа. Убийца, отрастив волосы на голове и бороде, без оружия, в изорванном платье, с бледным и исхудалым лицом и вообще с внешним видом, соответствующим предстоящему трагическому моменту, от-

¹¹ Полевые материалы автора. Информатор С.-М. Хасиев 1942 г. р. г. Грозный, 2010 г.

¹² Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. С. 281.

правляется на могилу убитого и дает знать родственникам последнего, что он, кровник, с повинной головою, в полном отчаянии, с разбитым сердцем и слезами на глазах, лежит на дорогой им могиле, вымаливая у Бога прощение. До прихода родственников убитого, которые умышленно тянут дело, подстрекаемые женщинами, кровник со своими родственниками ложится ничком на могилу, нанося себе побои кулаками, и горько плачет. Стыдно отказать такой смиренной и униженной просьбе. На помощь кающемуся являются старики и убеждают родственников убитого простить убийце его проступок. Если удалось привести родственников убитого к могиле, с этого момента вражда прекращалась, убийца устраивал пир, и дело кончалось принятием его в род убитого посредством установления духовного родства между ними¹³.

После принятия мусульманства, которое не очень одобрительно относилось к кровомщению, появились присяги – «обвинительные» и «очистительные». Для определения ответственности за преступление стала использоваться клятва, когда человек мог поклясться на Коране и быть недостижимым для равноценного физического наказания.

Конечно, современному человеку не понять, как можно освободить себя от вины, сказав, что не виновен. Но в традиционном обществе, где господствовала совесть, регулятором выступала всепроникающая мораль, а также глубокая вера в предписания ислама и убеждение, что за ложь они будут наказаны на том свете: принеся присягу, человек сам накладывал на себя тяжкое пожизненное наказание.

Иногда, особенно после долгих кровопролитных войн, как, например, Кавказская война, кровную месть на некоторое время отменяли.

Обычай кровной мести почти без изменений дошел до наших дней. Он вершил свое правосудие, независимо от законов шариата и от советских законов.

Несмотря на то что обычай кровной мести был законодательно запрещен в 1920 г., он продолжал выступать реальным сдерживающим началом во взаимоотношениях чеченцев и в годы советской власти.

В 1927 году ЦИК Чечни счел целесообразным создать специальную примирительную комиссию. Члены комиссии ездили по селениям Чечни, беседовали с людьми, являвшимися кровниками, и добивались того, чтобы прекратить нескончаемую череду мести. В ряде случаев им удавалось добиться успеха, и кровники при стечении всего народа и семьи потерпевшего братски пожимали друг другу руки. Так, за один только год комиссия рассмотрела 80 дел кровников из селений Шалинского и Урус-Мартановского округов¹⁴.

В 2010 году в Чеченской Республике насчитывалось примерно 500 семей, находящихся в состоянии кровной вражды. Осенью 2010 года была создана примирительная комиссия, которую возглавил Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров. За время работы комиссии более 200 конфликтующих семей пришли к миру.

В ходе примирительных процессов были выявлены случаи, когда кровная месть длилась 80, а то и более лет.

Есть случаи, когда объектом кровной мести выступают не этнические чеченцы, а представители других народов, например, осетины. Интересен тот факт, что в таких случаях обряд примирения также совершается в соответствии с чеченскими традициями.

¹³ Далгат Б. К. Указ. соч. С. 103–105.

¹⁴ Ладъженский А. М. Адагы горцев Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 96.

Рустем Максудов

СЛУЖБЫ ПРИМИРЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ И УПРАВЛЕНЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

В течение 14 лет общественный центр «Судебно-правовая реформа» организует в России деятельность по распространению идеи и практики восстановительного правосудия. Концепция восстановительного правосудия и, шире, восстановительного подхода разрабатывается сегодня в мире как система теоретических представлений и набор способов, процедур и приемов работы, используемых в ситуации преступления, конфликта, в обстоятельствах эскалации взаимонепонимания, отчуждения и напряженности в отношениях между людьми и всплеска насилия. Использование восстановительного подхода необходимо тогда, когда межчеловеческие отношения насыщаются ненавистью и мстительностью, что обрывает возможность протекания нормальной человеческой жизни.

Пермский край явился первым регионом в России, где восстановительный подход внедряется в массовом масштабе в деятельность КДНиЗП, судов, социальных и образовательных учреждений. В течение последних 6 лет в крае распространяются восстановительные технологии, в каждом районе края создаются службы примирения. Специалистами Пермского края восстановительные технологии рассматриваются как основа пермской модели ювенальной юстиции. В этом регионе вокруг деятельности органов субъектов профилактики правонарушений, безнадзорности несовершеннолетних, а также органов уголовной юстиции возникает новый аналитический, проектный и финансово-организационный ре-

курс, объединяющий представителей различных ведомств и организаций, которые начинают действовать в новой философии реагирования на преступления и отклоняющееся поведение несовершеннолетних.

Массовое распространение восстановительных технологий, которое происходит в Пермском крае с 2006 г., показывает, в каком-то смысле, будущее не только восстановительных технологий, но и всей ювенальной юстиции в России. Поэтому очень важно понять ситуацию в Пермском крае и извлечь уроки из того, что там происходит. В 2009 г. специалисты центра «Судебно-правовая реформа» провели исследование практики распространения восстановительных технологий в Пермском крае². В данном исследовании ставилась задача выявить достижения и проблемы массового распространения практики восстановительных технологий в Пермском крае на основе голосов непосредственных участников данной практики. Результаты были представлены чиновникам Министерства социального развития Пермского края, сотрудникам краевого суда, краевого методического центра, уполномоченному по правам человека, членам ассоциации медиаторов Пермского края.

Реакция последовала незамедлительно. Со стороны чиновников краевого методического центра посыпались обвинения специалистов центра «Судебно-правовая реформа»

¹ Автор благодарит Людмилу Карнозову, Наталью Путинцеву и Нодари Хананашвили за ценные замечания, высказанные в ходе подготовки данной статьи к печати.

² Исследование «Анализ практики распространения восстановительных технологий в Пермском крае» проведено в 2009 г. за счет средств, выделенных в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 14 апреля 2008 г., 192-рп.

в очернительстве власти. На мой взгляд, отношение к исследованию было чисто политическое – оно «правильное», если помогает конкретным чиновникам в Министерстве социального развития Пермского края среднего звена хорошо отчитаться перед вышестоящим руководством. Если же исследование ставит проблемы, то оно очерняет власть, является «субъективным», неполным и т. д., и т. п. Проблемы, выявленные в ходе исследования, так и не были содержательно проинтерпретированы ни специалистами краевого методического центра Пермского края, ни чиновниками.

И дело не в том, что проблемы, выделенные исследователями, правильные или неправильные по содержанию, то есть охватывают те или иные области или не охватывают, полно или неполно отражаются в нем мнения специалистов и т. д. В крае, на мой взгляд, сегодня не ведется содержательного обсуждения проблем распространения восстановительных технологий. Подчеркну, не проблем реализации властных решений и установок. Эти проблемы, как правило, объясняются низкой исполнительской дисциплиной и виной смежников.

Чиновники Министерства социального развития в Пермском крае не заинтересованы в реальных исследованиях, показывающих картину не в хвалебном тоне, отличающихся от «видения» данных чиновников и ставящих под сомнение те или иные управленческие решения. И дело здесь не в отдельных чиновниках, а в самой системе, поскольку произошло то, что я бы назвал сменой контекста, переходом от управленческого к административному контексту восстановительных технологий. Фиксация проблемы смены контекстов восстановительных технологий, действительно, в политическом смысле невыгодно представляет стратегию пермских чиновников по отношению к восстановительным технологиям.

Что же произошло в 2006 г. и чем именно характеризуются управленческий и административный контекст? Первоначально, когда пилотные проекты выстраивались на отдельных территориях, существовало управление данным процессом. Оно выражалось в том, что была создана команда, включающая специалистов центра «Судебно-правовая реформа», чиновников Правительства Пермской области и специалистов пилотных площадок. Со стороны Правительства Пермской области важную роль в этой работе играла Т. И. Марголина. Постоянно велось обсуждение проектов

создания и развития деятельности на данных площадках, поощрялись критика и дискуссии, что стало основой выдвижения нового поколения лидеров данных проектов, усвоивших на уровне личных ценностей не только принципы восстановительного правосудия, но и новый управленческий формат деятельности (одним из лидеров зарождающегося движения в области была Л. И. Рябова).

Управленческий формат означает, что запуск пилотных площадок связан с самодвижением людей, организаций и сообществ, которые начинают иметь собственную траекторию деятельности, что в управленческой идеологии является основой поддержки³.

При этом неявно предполагалось, что данные пилотные площадки будут играть роль методической поддержки для новых районов. В ходе развития пилотных проектов формировался замысел создания краевого методического центра на базе психологического центра Индустриального района и предполагалось разработать проект распространения восстановительных технологий в Пермском крае с учетом мнения специалистов и экспертов.

На этапе массового внедрения восстановительных технологий произошел распад команды, которая способствовала выстраиванию и ценностному удержанию новой практики. Работой по распространению восстановительных технологий стал руководить один чиновник Министерства социального развития Пермского края. В то время по моей инициативе была организована встреча специалистов, стоявших у истоков восстановительных технологий с данным чиновником. Но попытка выстроить коммуникацию в ходе этой встречи не принесла успеха. Предложения специалистов были проигнорированы. Была выстроена новая вертикаль власти на базе другого центра, специалисты которого не участвовали в работе на этапе пилотных проектов. Произошла смена людей, которые начали формировать новые кадры и осуществлять методическую поддержку. Руковод-

³ «Объект, которым предстоит управлять, должен иметь самодвижение. Причем это самодвижение может быть задано руководителем, он может «толкнуть», а может – и это идеальный случай – существовать само и развиваться в силу целей, которые люди ставят перед собой и затем преследуют» // (Щедровицкий Г. П. Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы. Т. 5. ОРУ (2). 2003. С. 170).

ство распространением «восстановительных технологий» в крае получили чиновники, которые не согласуют свои действия с сообществом медиаторов, не вникают в ценности и принципы восстановительных технологий. Данным чиновникам, набранным по принципу личной преданности, было поручено (с соответствующим финансированием) осуществление обучения медиаторов, проведение мониторинга-оценки этим процессом.

Новые кадры формируются уже в другой управленческой идеологии⁴. Данная система вытолкнула командную систему управления пилотными проектами, ориентированную на удержание принципов, поддержку качества деятельности, выявление и решение проблем в реальной работе, возникающих в кооперированной деятельности по проведению программ восстановительного правосудия. Приходят люди, для которых восстановительные технологии являются, прежде всего, средством удержания и приобретения власти, а для этого необходимо выполнение приказов сверху, которые чаще всего содержат необходимость достижения плановых показателей⁵. Поэтому остается вопрос: кто из таких «назначенцев» сегодня несет в Пермском крае ценности восстановительного правосудия?

Для удержания своих позиций в руководстве среднего звена, системе повышения квалификации специалисты теперь должны соответствовать новой системе руководства⁶

⁴ «Респондент: «Одно неудачно брошенное слово в крае при начальстве – последствия сразу будут ощущаться». См.: Исследование «Анализ практики распространения восстановительных технологий в Пермском крае». Архив центра «Судебно-правовая реформа».

⁵ Респондент: «А властям без разницы, как ты будешь добиваться результата – цифру сказали. Я во вторник буду краснеть, на меня, возможно, будут орать с пеной у рта, потому что мы не достигли показателя – 140 неблагополучных детей должно было остаться у нас в 2008-м году. Остальных-то куда, перестрелять что ли надо было? Если их было 331, а должно стать на 57 % меньше. Это при том, если бы мы не поставили вообще никого, но мы же еще поставили на учет кучу детей. И эти 140, естественно, мы не достигли, у нас сейчас детей намного больше. И вот буду объяснять, почему так. Но это все не принимается во внимание, есть цифра – ее нужно добиться. Когда ставят какую-то цифру, мне это сразу не нравится, начинают скрывать». См.: Исследование «Анализ практики распространения восстановительных технологий в Пермском крае». Архив центра «Судебно-правовая реформа».

⁶ «Руководство – самый простой тип управленческой деятельности... Руководство очень похоже на то, что происходит в армии. Суть руководства состоит в том, чтобы передавать от начальника к подчиненному цели,

(точнее, привычной советской системе, ориентированной на выполнение плановых показателей).

Чтобы не быть голословным, процитирую материалы, размещенные на официальном сайте Министерства социального развития Пермского края (<http://human.permkrai.ru/fcbrhp/msr/?sid=20>):

Цель проекта – максимальное и своевременное выявление семей и детей, находящихся в СОП (социально опасное положение).

Задачи:

1. Увеличить численность выявленных детей в возрасте до 7 лет на 10 %.

То, что произошло по инициативе одного из блоггеров, когда им были обнаружены вывешенные в интернете приглашения студентов на работу по выявлению семей, находящихся в социально опасном положении, закончилось типично советским решением. Был найден «стрелочник» без всякого анализа самой управленческой технологии, которая фактически провоцирует такие ситуации (прил. 2).

Не менее любопытен другой документ (прил. 1). Здесь уже планируется:

№ п/п	Наименование целевого показателя, ед. изм.	Значение целевого показателя		
		план.	факт.	отклонение
	Количество семей, находящихся в социально опасном положении, % по отношению к показателям 2005 года (2005 г. – 10 740 чел.)	80 %	69,7 %	-10,3 %

Мы видим, что количество семей должно снижаться. То есть одна часть плановых показателей должна показывать выявление детей в социально опасном положении, другая – снижение семей в социально опасном положении.

В другом разделе планируется снижение числа несовершеннолетних, ранее совершивших преступления (см. прил. 1):

формулируя их как задачи (хотя это не всегда так: иногда дают только цели, а задачи не передаются), и дальше – контролировать выполнение поставленных целей или задач. При этом предполагается, что у исполнителя, или подчиненного, не может быть собственных целей» (*Щедровицкий Г. П. Указ. соч. С. 169*).

№ п/п	Наименование целевого показателя, ед. изм.	Значение целевого показателя			Кассовые расходы, тыс. руб.	Наименование программных мероприятий
		план.	факт.	отклонение		
1	2	3	4	5	6	7
9.	Снижение количества несовершеннолетних, ранее совершивших преступления (2004 г. – 952 чел.)	794	590	-204	1516,9	Проект «Внедрение восстановительных (ювенальных) технологий в деятельность субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних»

Здесь уже можно планировать количество совершенных преступлений, детскую смертность и тем самым рождаемость и т. д., причем одни плановые показатели противоречат другим. Но позвольте, скажете вы, не напоминает ли это советское плановое хозяйство, от которого мы ушли в начале 90-х годов XX века?

Восстановительные технологии в Пермском крае в 2006 г. были встроены во властную вертикаль, которой присущи следующие характеристики.

1. Запрещена критика властных решений и дискуссии по ним, властные решения должны беспрекословно выполняться. Существует система доноительства на тех, кто подвергает сомнению установки начальства.
2. Принятие решений непрозрачно. Фактически мы имеем отождествление функции чиновника и эксперта. Все чиновники являются одновременно высшими экспертами. Например, если бы не было такого отождествления, никто бы не согласился с планированием уменьшения преступности, игнорирующим выводы криминологии и социологии, которые насчитывают более чем 100-летнюю историю. Решения, реализуемые в таком подходе, имеют тенденцию осуществляться поспешно, без необходимого аналитического и проектного обеспечения (прил. 3).
3. Методическая работа встроена в вертикальную систему администрирования. Специалисты краевого методического центра и те, кто осуществля-

ет деятельность по повышению квалификации в области восстановительных технологий по заказам Министерства, фактически являются чиновниками, а не лидерами сообществ, не могут иметь позиции и мнения, не совпадающего с мнением начальства. Это также происходит и от того, что специалисты финансово зависят от различных проектов и заказов Министерства.

4. Происходит слияние мониторинга и оценки, хотя во всем мире эти деятельности различаются и оценка делается независимыми специалистами. Как и в милиции, происходит отождествление мониторинговых показателей и оценки, когда данные мониторинга должны показать «блестящую» работу власти, что само по себе является бессмысленным, поскольку мониторинг, при определенной организации, может выявить только статистически значимые тенденции⁷.
5. С этой точки зрения в крае возникла опасность подмены деятельности, в результате которой управляемой, точнее, административно регулируемой системой в конечном счете окажется не практика восстановительной работы с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации, а лишь виртуальная знаковая система организационных схем и показателей. Если это случится, постепенно будет вымываться слой квалифицированных специалистов и останутся только те, кто умеет ловко манипулировать отчетностью и через систему показателей выполнять все требования, спущенные сверху, и с помощью такого «искусства» идти вверх по карьерной лестнице.

⁷ По нашему мнению, данные мониторинга могут использоваться для:

1. постановки задач на исследование;
2. в целях развития и совершенствования проектов;
3. постановки задач для совершенствования условий работы специалистов;
4. определения направления повышения квалификации.

А вот оценка нужна для понимания результативности того или иного проекта в целом и принятия управленческого решения. Соответственно, поэтому она и должна осуществляться независимым оценщиком, не интегрированным в системы власти.

Подмена процесса управления процессом руководства привела к тому, что руководители учреждений, от которых во многом зависит деятельность специалистов, оказались в разрывной ситуации, поскольку сверху идет требование о выполнении планов, которые не совпадают и не учитывают реальных ситуаций специалистов (поскольку нет исследований на этот счет) и в принципе не нацелены на поддержку сообществ и самостоятельного движения муниципальных служб. И, на мой взгляд, такая судьба может ожидать многие проекты в области отработки элементов ювенальной юстиции, когда будут распространяться в масштабе региона те или иные инициативы по работе с правонарушителями несовершеннолетних.

В этой ситуации именно руководители различных социально-психологических центров, ориентированные на содержательную и результативную работу, являются подлинными управленцами, поскольку связывают в своей деятельности множество процессов: процесс деятельности специалистов, их удержание, подготовку, поддержку; процесс отчетности по выполнению планов, спущенных сверху; процесс взаимодействия с партнерами и правоохранительными органами, судами и КДНиЗП, функционирование собственного центра. В конце прошлого года существовала реальная опасность увольнения руководителей психолого-педагогических центров в Перми, имеющих собственное независимое мнение и способных его отстаивать. Сейчас ситуация в связи с приходом нового руководителя городского методического центра изменилась.

Налицо парадоксальная ситуация. Муниципальные службы примирения объявляются ядром пермской модели⁸. Реальная деятельность специалистов данных служб, проблемы, с которыми сталкиваются специалисты, трудности, которые испытывают службы как организационные структуры, как преодолеваются эти трудности, чиновников не интересуют, и соответственно, нет исследований на этот счет⁹. А исследований нет, потому что

⁸ «Важной особенностью внедрения восстановительных технологий в территориях Пермского края является создание муниципальных служб примирения, что кардинально отличает Пермскую модель от других субъектов РФ» // «Пермская модель ювенальной юстиции. Учебно-методическое пособие. Пермь, 2010. С. 23.

⁹ Например, в части 1 и 2 учебно-методического пособия «Пермская модель ювенальной юстиции» в основном

они могут представить в невыгодном политическом свете чиновников, которые хотели бы продвинуться вперед по карьерной лестнице. Круг замыкается. Создание координационного совета по ювенальной юстиции так и не привело к изменению ситуации¹⁰. В этой ситуации, по моим прогнозам, происходит вымывание самостоятельных и активных специалистов из служб примирения и «омертвление» деятельности. Все больше и больше пермская модель становится моделью на бумаге и в цифрах, а не реальной практикой¹¹. Но это и неизбежно при административном, а не управленческом способе деятельности.

Административный способ можно охарактеризовать следующим образом. Ставится задача – снизить некоторые показатели, например, количество преступлений в крае. Как формируются данные показатели, насколько они отражают реальную ситуацию, никого не интересует. Также никого не интересует вопрос, можно ли снизить данные показатели и насколько адекватна такая задача. Для ее реализации ставится план по созданию, как правило, новых организационных структур деятельности (в данном случае – муниципальных служб примирения и школьных служб примирения). Далее – методом «кнута и пряника» данные структуры создаются, и здесь самое главное – иметь отчетные документы об их создании. Следующий шаг – показать, как они эффективно работают и как влияют на снижение преступности несовершеннолетних. А поскольку преступность несовершеннолетних и так снижается (в силу различных факторов, в том числе и демографических) независимо от того, будут ли работать данные службы или нет, данная административная стратегия – беспроигрышная.

приведены цифровые данные, призванные показать благополучность всей той работы, которая проводится в крае, а проблемы – как всегда, в деятельности смежников, карательном подходе и т. д. и т. п. (см.: «Пермская модель ювенальной юстиции. Учебно-методическое пособие. Пермь, 2010).

¹⁰ Фактически уже скоро будет 2 года со времени его создания, но он ни разу не собрался, поскольку чиновники Министерства социального развития, на мой взгляд, не заинтересованы в его работе.

¹¹ Это касается, например, заявленного количества школьных служб примирения в крае (473). По мнению многих специалистов, реально работающих школьных служб примирения, в лучшем случае, в 2 раза меньше, но поскольку реальных исследований не ведется, то непонятно, сколько существует действующих служб.

Что обычно делает власть, если происходит реализация идей сверху? Она создает новые структуры управления этим процессом, вводит туда своих людей, которым направляет финансовые потоки, новые показатели – и прекрасно ими отчитывается. Но самое главное – старается минимизировать контроль над этим процессом со стороны гражданского общества¹². Крохи от этого «барского стола» получают рядовые социальные работники¹³.

Такую ситуацию и сейчас можно наблюдать в учреждениях социальной сферы. Огромное количество больших и маленьких начальников, различных проверяющих инстанций, вертикальное иерархическое устройство учреждений во главе с руководителем регионального Департамента, управления, Министерства, который фактически является помещиком со своим поместьем. Учреждения социальной защиты и психологической помощи часто напоминают микропоместья. Ловко манипулируя отчетностью, отбиваясь от бесчисленных проверок, руководители таких учреждений также являются маленькими феодалами, которые нередко позволяют себе относиться к своим подчиненным как к крепостным. Хотя, конечно, и в этой сфере существуют руководители, которые заботятся и пытаются создать действительно нормальные условия для работы своих подчиненных. Но условия, в которых работают данные руководители, скорее мешают, чем

помогают им в этом. Это не значит, что не нужно взаимодействовать с властью, более того, в социальной сфере в России именно власть помогает реализоваться тем или иным проектам. И в Пермском крае команды, созданные при содействии власти, сумели добиться довольно значительных результатов. Но при этом нужно понимать и трезво оценивать возможность и устремления власти, особенно когда дело ведется не командой, а отдельными чиновниками, зависящими от административной вертикали.

И здесь есть искушение подменить политической волей власти многие процессы, в основе которых лежат отнюдь не властные полномочия, а самоорганизация сообществ. Конечно, многого можно добиться, постоянно участвуя в различных общественных палатах, советах, комиссиях, комитетах и т. д. при власти. Главное здесь – не начать облачаться в одежды самой власти: быть нетерпимым к критике, всех несогласных по отношению к своей стратегии объявлять сумасшедшими, врагами и стремиться достигать своих решений с помощью приказов сверху. Львиная доля усилий таких активистов, работающих для того, чтобы ввести в практику новые социальные технологии, может уходить на то, чтобы включить в различные постановления, решения, приказы, указы строчки о необходимости создания новых структур; развития, углубления, совершенствования существующих и т. д. Но как избежать того, чтобы результатом таких усилий не стали новые подразделения и службы, в которых работают полностью подконтрольные власти чиновники, а также новые формы отчетности, документооборота и бюрократического контроля?

Подводя итог, можно отметить, что в Пермском крае управленческая деятельность с присущей ей концентрацией на поддержке самодвижения специалистов и команд исчезла и заместила административным, вертикально организованным руководством, полностью отвечающим интересам чиновников среднего звена с присущими им непрозрачностью принятия решений, подбором кадров, слепо выполняющих указания сверху, и отсутствием аналитического сопровождения управляемой деятельности. Даже, казалось бы, прогрессивная передача социальных учреждений в аутсорсинг может привести к тому, что власть создаст еще одну структуру для своих людей (прил. 3).

¹² «Интересы власти остаются всегда теми же самыми: поиск объектов захвата и применения силы. Цели власти – всегда власть. И только гражданское общество в силах наделять власть определенным смыслом и целями, выходящими за пределы ее «частных» интересов. Власть бесцельна, когда находится вне общественного контроля. Но это не значит, конечно, что у нее нет «своих» задач. Напротив, они могут быть обширны, но решение их всегда предполагает усилие власти в той сложившейся псевдоинституциональной форме, которая кажется ей наиболее эффективной... Власть должна находиться под постоянным контролем со стороны общества и не может иметь никакого автономного статуса, дающего ей право использовать силу, как ей заблагорассудится. В том же случае, когда уязвимо гражданское общество, и оно не способно по каким-то причинам контролировать власть (повторяю, что власть – это определенный способ использовать силу), то, естественно, власть контролирует граждан и те общественные институты, которым гражданам были бы склонны доверять в защите своих интересов. Бесконтрольное использование силы приводит к сильнейшему ослаблению гражданских институтов (Подорога В. Диалог с властью? <http://index.gdf.ru/journal/cont16.html>).

¹³ На сегодня зарплата рядового специалиста в муниципальной службе примирения г. Перми составляет примерно 8–9 тыс. рублей.

Мне хотелось бы, чтобы читатель в результате чтения этой статьи не поддавался привычному искушению политической интерпретации того, что я излагаю, и не пытался сразу же искать виноватых в создавшейся ситуации в Пермском крае. Моя цель – поставить проблему и показать, что нет простых путей решений, как, например, выпустить новый приказ, создать очередную комиссию-совет-комитет по созданию-ликвидации-поощрению-наказанию и т. п.

Не все так плохо в Пермском крае, как может показаться. Во многих районах Пермского края работают специалисты, реализующие в своей работе ценности и принципы восстановительного правосудия, те, кто сегодня вносит важный вклад в работу с детьми и семьями, что также было выявлено в вышеуказанном исследовании. Здесь лидируют специалисты Индустриального района г. Перми и г. Лысьва. На наш взгляд, прежде всего именно на данных территориях произошло формирование команд специалистов, включающих представителей КДНиЗП, судебной системы, муниципальных и школьных служб примирения. Такая работа по поддержке и повышению квалификации межведомственных команд и должна быть, на мой взгляд, основной целью управленческой деятельности. И эта работа не может планироваться в конкретных плановых показателях. Она может лишь оцениваться на предмет развития самой управленческой деятельности¹⁴. Складывается со-

общество специалистов (Ассоциация медiatоров Пермского края), которое может квалифицированно заниматься подготовкой кадров для отработки элементов восстановительной ювенальной юстиции.

Эта ситуация осознается многими специалистами и, на мой взгляд, в крае существует возможность ее изменения. Прежде всего, работу по развитию восстановительных технологий поддерживает уполномоченный по правам человека в Пермском крае. Важную роль играет позиция судей и Краевого суда, заинтересованных в качестве работы и развитии сообществ. Включились в данную работу представители Пермского государственного университета. Начинает звучать голос сообщества медиаторов, которому удалось не допустить оценки работы специалистов Перми на основе количества проведенных случаев, когда чиновник городского методического центра пытался ввести количественный показатель для оценки качества работы медиаторов (7 случаев в месяц). В данной работе мог бы сыграть важную роль пермский центр «Грани», который, на мой взгляд, сегодня имеет экспертный потенциал, позволяющий содействовать развитию социальной сферы в крае. Все это позволяет надеяться, что точкой развития восстановительных технологий в Пермском крае будет смена приоритетов: опора на управленческие, а не на административные способы деятельности.

¹⁴ В этом плане представляет исключительный интерес опыт Волгограда, где создано 66 школьных служб примирения (около 20 % всех школ Волгограда) не в результате административного давления, а в результате управленческой деятельности команды из представителей общественной организации «Клуб ЮНЕСКО «Достоинство ребенка», педагогов, методистов, социальных работников и психологов. Поддерживают сообщество ряд ученых из Волгоградского государственного педагогического университета, Волгоградского института молодежной политики и социальной работы, сотрудники аппарата Уполномоченного по правам человека Волгоградской области, Уполномоченные по правам ребенка города Волгограда и Волгоградской области, сотрудники органов управления образованием, молодежной политики, члены дружественных НКО, действующих в интересах детей, и др. (см. ст. Ирины Маловичко «Волгоградская ассоциация восстановительной медиации как ресурс устойчивого развития восстановительных практик в Волгоградской области» в данном «Вестнике»).

Приложение 1

**Оценка эффективности реализации краевой целевой программы
«Семья и дети Пермского края на 2007–2010 годы»
по состоянию на 01.01.2010 г.**

№ п/п	Наименование целевого показателя, ед. изм.	Значение целевого показателя			Кассовые расходы, тыс. руб.	Наименование программных мероприятий
		план.	факт.	отклонение		
1	2	3	4	5	6	7
1.	Младенческая смертность, промилле	11,3	8,5	-2,8	24 523,7	Проект «Ранняя профилактика социально опасного положения и социального сиротства»
2.	Материнская смертность (на 100 000 живорожденных)	30,7	24,9	-5,8		
3.	Перинатальная смертность, промилле (на 1000 родившихся)	9,3	7,6	-1,7		
4.	Доля детей, имеющих нарушения здоровья, от общей численности детей (2005 г. – 88 %)	84,0	87,0	+3,0		
5.	Уровень детской инвалидности на 1000 чел.	18,3	16,8	-1,5		
6.	Количество семей, находящихся в социально опасном положении, % по отношению к показателям 2005 года (2005 г. – 10 740 чел.)	80 %	69,7 %	-10,3 %	7646,9	Проект «Выявление и реабилитация семей и детей, находящихся в социально опасном положении»
7.	Доля повторно выявленных безнадзорных детей от общего числа безнадзорных детей, % (2005 г. – 15 %)	13,5 %	0,6 %	-12,9 %		
8.	Доля несовершеннолетних, устроенных на работу или учебу, к общему числу необучающихся и неработающих детей, % (2005 г. – 19 %)	29 %	73,4 %	44,4 %		
9.	Снижение числа несовершеннолетних, ранее совершивших преступления (2004 г. – 952 чел.)	794	590	-204	1516,9	Проект «Внедрение восстановительных (ювенальных) технологий в деятельность субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних»

Приложение 2

26 августа в Министерстве социального развития Пермского края состоялась встреча с председателем АНО «Центр психолого-педагогической помощи населению» Ольгой Васильевой, в которой принимал участие Уполномоченный по правам ребенка в Пермском крае Павел Миков. Краевой детский омбудсман обратил внимание руководителя некоммерческой организации на некорректность размещенного объявления о приеме на работу студентов на должность специалиста по выявлению семей, находящихся в социально опасном положении, что вызвало широкий общественный резонанс.

Павел Миков предложил Ольге Васильевой принять меры по недопущению нарушений законодательства в отношении семей, находящихся в социально опасном положении.

Министерство социального развития Пермского края потребовало от руководителя некоммерческой организации провести служебное расследование и привлечь к ответственности виновных по размещению некорректного объявления. Результаты рассмотрения претензии должны быть представлены в срок до 3 сентября.

Уполномоченный по правам ребенка в Пермском крае Павел Миков обращает внимание средств массовой информации на необходимость корректного и профессионального освещения тем, связанных с детьми, при безусловном соблюдении прав ребенка, норм журналистской этики и российского законодательства (<http://ombudsman.perm.ru/news/2010/08/30/2752/?cid=0>).

Приложение 3

6 сентября участники круглого стола «Министерство социального развития Пермского края отказалось от контроля качества исполнения государственных функций в социальной сфере?» обсудили деятельность ведомства. В частности, речь шла о передаче государственных услуг в аутсорсинг (т. е. передача функций неправительственным организациям на конкурсной основе через систему госзаказов).

Круглый стол был организован Центром гражданского анализа и независимых исследований (Центр ГРАНИ). В обсуждении приняли участие руководитель Министерства социального развития Пермского края Екатерина Бербер и сотрудники ведомства, руководитель Агентства по управлению социальными службами Пермского края Светлана Вострикова, Уполномоченный по правам человека в Пермском крае Татьяна Марголина, руководители коммерческих организаций, члены Общественной палаты Пермского края, представители пермских некоммерческих организаций, журналисты.

Реализация системы распределения заказов на практике была признана участниками обсуждения крайне неоптимальной, так как она не создает стимулы к развитию и появлению новых поставщиков социальных услуг и отсекает от процесса некоммерческие организации и предпринимателей из муниципалитетов.

Неоднократно звучала претензия о низком качестве информационной среды вокруг реформирования, связанного с передачей государственных услуг в аутсорсинг. Участники зафиксировали отсутствие усилий со стороны ведомства к формированию общественного доверия к нововведениям. При этом сотрудники ведомства говорили, что они уверены в том, что сделали все в соответствии с компетенциями. Это заявление вызвало острую реакцию со стороны участников круглого стола.

Отдельно обсуждалась квалификация специалистов в социальной сфере. По мнению Уполномоченного по правам человека в Пермском крае Татьяны Марголиной, сотрудникам этой области требуются специальные знания и навыки, но случаи иллюстрируют, что такие требования к исполнителям не предъявлялись. Так, например, развернулась дискуссия в интернете (блогосфере) о принятии на работу людей со средним специальным образованием, имеющим компьютер, для выявления семей, находящихся в социально опасном положении.

В целом, Министерство социального развития края, которое должно иметь каналы обратной связи, не демонстрировало готовность к получению такой информации. Своим каналом обратной связи руководитель Министерства Екатерина Бербер назвала только блог губернатора края.

По мнению директора Центра ГРАНИ Светланы Маковецкой, не ставился под сомнение смысл перевода услуг в аутсорсинг, потому что ценность этого процесса и так ясна. Спор вызвали сами подходы Министерства к этому процессу и ожиданиями общественности от него (<http://vprave.org>).

Татьяна Овчинникова, Ольга Селиванова

ВНЕДРЕНИЕ ПРОГРАММ ПРИМИРЕНИЯ В РАБОТУ СУДОВ ТЮМЕНИ

В сложившейся отечественной практике судебного разбирательства до недавнего времени, к сожалению, фактически не уделялось внимания различиям в подходах к преступнику взрослому и несовершеннолетнему. В мировой практике для подобных случаев существует ювенальная юстиция, т. е. своеобразные «детские суды». Ювенальная юстиция – это совокупность правовых механизмов, медико-социальных, психолого-педагогических, реабилитационных, а также иных процедур и программ, предназначенных для обеспечения наиболее полной защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, а также лиц, ответственных за их воспитание, реализуемых системой государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций.

Начало внедрения в РФ идей и подходов восстановительного правосудия позволяет смотреть на перспективу развития ситуации с оптимизмом. Реализация на практике принципов восстановительной медиации позволяет учитывать и особенности детской психологии, и возможность мер реабилитации для несовершеннолетнего правонарушителя.

С июля 2010 года в г. Тюмени реализуется проект «Правосудие в защиту детей», рассчитанный на 2010–2012 годы. В рамках проекта предполагается:

- сформировать и развить институт социальных работников при судах;
- повысить уровень профилактической работы с несовершеннолетними, находящимися в конфликте с законом;
- снизить рецидивную преступность несовершеннолетних посредством исполь-

зования восстановительных программ.

Для осуществления целей проекта определены основные задачи:

- закрепление за судами и судебными участками административных округов г. Тюмени социальных работников;
- определение алгоритма взаимодействия судов, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, муниципальной службы примирения по применению программ примирения в работе с несовершеннолетними правонарушителями.

В работе проекта принимают участие судьи районных судов г. Тюмени (всего 4 районных суда) и мировые судьи судебных участков административных округов города (всего 31 судебный участок), муниципальная служба примирения по г. Тюмени, привлеченные социальные педагоги. Координирует работу комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав г. Тюмени.

Служба социальных работников при судах представляет собой межотраслевую команду, осуществляющую свою деятельность на территории г. Тюмени. В состав службы входят специалисты по социальной работе, педагоги, психологи, специалисты учреждений по делам молодежи – в основном представители центра «Дзержинец». Целью деятельности службы является обеспечение взаимодействия с судами по уголовным делам с участием несовершеннолетних, направленного на повышение воспитательного значения судебного процесса и профилактику рецидива путем социального сопровождения несовершеннолетнего на стадии судебного разбирательства.

Задачами службы являются:
 защита прав и законных интересов несовершеннолетних;
 профилактика повторных преступлений и правонарушений несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом, в том числе через проведение программ примирения;
 оказание необходимой социальной помощи несовершеннолетним, находящимся в конфликте с законом;
 организация межведомственного взаимодействия по дальнейшему социальному сопровождению несовершеннолетних, совершивших преступления.

В обязанности социальных работников службы входит изучение психологических и психоэмоциональных особенностей личности обвиняемого и подготовка на этой основе предложений альтернативных мер по его реабилитации и ресоциализации. В ходе индивидуальной работы с несовершеннолетним обвиняемым, а также с родителями или его за-

конными представителями социальной работник предлагает им пройти программу примирения, параллельно оформляя заявку в Муниципальную службу примирения (МСП). Кроме того, работники службы составляют и представляют суду отчет о проделанной работе.

Алгоритм работы программ примирения с несовершеннолетними правонарушителями представляет собой взаимодействие судей, социальных работников и специалистов службы примирения.

Работа ведется с участниками уголовных дел, отобранных с учетом следующих критериев:

- преступление совершено несовершеннолетним впервые и относится к категории небольшой и средней тяжести (ч. 2, 3 ст. 15 УК РФ);
- мера пресечения обвиняемого несовершеннолетнего не связана с заключением под стражу;
- преступление совершено без участия взрослых лиц.

Структура совместной работы

Итоги работы проекта за 9 месяцев его реализации показали, что:

- судьи заинтересованы в работе социальных работников и ведущих программ примирения – результат деятельности данных специалистов дает возможность судьям более объективно оценить ситуацию, обстоятельства совершенного нарушения, более полно представить личность обвиняемого, что облегчает судье принятие решения по вынесению приговора. Более того, часть дел, которые полностью прошли программу примирения, завершились заключением договора примирения, и, как следствие, написанием потерпевшей стороной ходатайства о прекращении уголовного дела (в порядке ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ), уже несут в себе готовое решение, которое судье необходимо только оформить;
- участники конфликтов криминального характера, согласившиеся на программу заглаживания вреда, удовлетворены результатами.

Количественные показатели итогов работы проекта за 9 месяцев представляют собой следующую картину:

- общее количество дел, рассмотренных с участием социальных работников, составило 25;
- из них согласились на программу по заглаживанию вреда участники 11 дел;

программа заглаживания вреда закончилась заключением договора примирения в 9 случаях;

закрыто дел за примирением сторон в суде – 11.

В ходе работы по уголовным делам специалисты муниципальной службы примирения Центра столкнулись со следующими трудностями:

- формальное отношение к достижению результата, т. е. закрытию дел за примирением сторон как социальных работников, так и некоторых судей;
- отсутствие мотивации и личной заинтересованности представителей крупных торговых центров в программах по заглаживанию вреда;
- вмешательство адвокатов в работу специалистов службы примирения, которые сами договариваются с потерпевшими о написании ходатайства о прекращении уголовного дела, что не несет никакой воспитательной нагрузки и, следовательно, увеличивает вероятность рецидива.

В целом проект реализуется удовлетворительно. В процессе осуществления поставленных целей возникают сложности, преодоление которых позволяет усовершенствовать взаимодействие специалистов различных ведомств по профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Рустем Максудов

ЗАМЫСЕЛ РАЗВИТИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА В РАБОТЕ РАЙОННЫХ И ГОРОДСКИХ КДНиЗП

Сегодня за пределами официального правосудия реагирование на поведение, формально содержащее признаки общественно опасных деяний малолетних детей (возрастная группа – до наступления возраста уголовной ответственности), возложено на муниципальные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДНиЗП). В основном муниципальные КДНиЗП находятся под влиянием устаревшей идеологии, и их работа часто сводится к деятельности, подрывающей доверие населения к муниципальным учреждениям.

Участники КДНиЗП на своих заседаниях нередко используют стратегию публичной моральной «порки» провинившихся подростков и их родителей, чем вызывают еще большее озлобление или равнодушие приглашенных участников заседаний КДНиЗП. Такое реагирование на правонарушения определяется часто карательной установкой инспекторов по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

За карательными установками стоят ведомственные интересы правоохранительных органов (выполнение «плана» по раскрываемости преступлений и по количеству административных протоколов, наполняемость центра временной изоляции малолетних правонарушителей). На некоторых заседаниях КДНиЗП приходится рассматривать, особенно в конце отчетных периодов, до 100 дел, что окончательно обесмысливает работу комиссий.

В то же время система КДНиЗП на сегодня остается ключевым звеном, призванным, в том числе и законодателем, определять реакцию общества и государства на «преступления» малолетних (не подлежащих уголовной

ответственности), отклоняющееся поведение подростков и социальные причины, их вызывающие. В частности, в соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» именно КДНиЗП являются координирующим органом. Они призваны осуществлять меры «по координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

В соответствии с этим законом КДНиЗП должны организовать контроль за условиями воспитания и обращением с несовершеннолетними в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также осуществлять меры по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних. Именно КДНиЗП готовят (совместно с другими органами системы) материалы в суд по вопросу направления несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

В ответ на эту ситуацию во многих регионах специалисты КДНиЗП начинают в партнерстве с органами и учреждениями социальной сферы инициировать создание городских и районных служб примирения, которые практикуют восстановительный подход (в Пермском крае, Урае, Волжском, Новочеркасске, Красноярске, в некоторых районных КДНиЗП Москвы, Казани, Волгограда, Новосибирска, Тюмени и т. д.). Программы примирения проводятся в России с 1997 г. по инициативе центра «Судебно-правовая реформа». В настоящее время специалистами Центра разработаны модели двух типов восстановительных

программ на основе идей восстановительного правосудия: восстановительная медиация (программы примирения) и Круги сообществ. В стадии разработки находится модель Семейной конференции. В некоторых КДНиЗП (например, муниципалитета «Ярославское» Москвы) происходит обучение членов комиссии навыкам работы медиатора и идет целенаправленная работа по инициированию восстановительных программ.

Многие руководители КДНиЗП и учреждений социальной сферы осознают необходимость использования восстановительного подхода в форме медиации, Кругов сообществ и Семейных конференций и создают условия в своих учреждениях для проведения данных программ. В настоящее время модель восстановительной медиации реализуется в двух вариантах, а именно:

- через службы, работающие с правонарушениями несовершеннолетних (муниципальные службы примирения) на базе муниципальных центров, оказывающих социальные и психологические услуги населению;
- школьные службы примирения на базе образовательных учреждений.

Часто у специалистов возникает мнение, что это еще одна нагрузка, за которую хотелось бы получать дополнительную оплату. Мы считаем, что программы восстановительного правосудия дают возможность более эффективной работы с ситуациями несовершеннолетних и их семей в рамках существующего функционала деятельности специалистов. Эффективность здесь понимается как существенно низкий процент количества повторного совершения преступлений у несовершеннолетних, которые прошли полные программы восстановительного правосудия, по сравнению с теми, кто не прошел данные программы. Но и в случаях конфликтов программы восстановительного правосудия дают возможность остановить эскалацию, вовлекая всех участников конфликтной ситуации в диалог. Одна из самых важных характеристик программ восстановительного правосудия заключается в том, что они носят характер «гуманитарной интервенции», что присуще и социальной работе. В то же время, в отличие от реабилитационных способов социальной работы, где нередко выносятся диагнозы людям, что может являться основанием для карательных и административных санкций (например, по лишению родительских прав), восстанови-

тельный подход построен принципиально на антидиагностических основаниях и предполагает, что сами люди формируют знание о своей ситуации и способах выхода из нее.

Руководитель учреждения может создать подразделение (или службу) в условиях существующего финансирования, в которой будут работать медиаторы. Самым лучшим вариантом работы медиаторов является создание такого подразделения (службы), в котором работают медиаторы, совмещая свою работу с другими видами деятельности (специалиста по социальной работе, психолога, педагога), и медиаторы-волонтеры (как правило, это подростки в школьных службах примирения). Мы считаем, что медиация по уголовным делам и случаям конфликтов с участием несовершеннолетних, – это не коммерческая деятельность, а навык, которым должны владеть как можно больше специалистов и граждан-волонтеров. Медиаторы в нашей практике – это, как правило, специалисты различного рода психологических и социальных центров, подростковых клубов, педагоги, а также добровольцы: школьники и взрослые. Поэтому мы говорим не столько о медиации как профессии, сколько о медиации как навыке.

Медиаторам могут направлять случаи различные инстанции: администрация школы и педагоги, суд, КДНиЗП, специалисты учреждений социальной защиты и помощи семье и детям, могут быть и личные обращения граждан.

Как показывает практика, участие людей в программах примирения зависит от очень многих факторов, в том числе и от формата работы с ними сотрудников полиции и КДНиЗП. Если на заседаниях КДНиЗП, при встречах с сотрудниками полиции на людей оказывалось давление, им угрожали, шантажировали наказанием или лишением родительских прав, то у них часто исчезает мотивация на изменение, в том числе и желание участвовать в программах примирения. Поэтому в КДНиЗП «Ярославское» Москвы с 2011 г. началась отработка модели работы КДНиЗП на восстановительных началах. В такой работе предполагается, что члены КДНиЗП:

- отрабатывают новые формы коммуникации на своих заседаниях;
- формируют из своего состава службу примирения как мобильную группу для восстановительной работы со случаем, эта группа может работать в партнерстве со специалистами учреждений социальной сферы и службами примирения;

отрабатывают новый тип отношений с инстанциями, направляющими дела на рассмотрение КДНиЗП (образовательные учреждения, полиция, органы и учреждения социальной защиты). Данные отношения предполагают, что направляющая инстанция создает условия для последующего проведения программ примирения и тем самым начинает изменять формат собственной деятельности.

Представляется, что именно в этом направлении необходимо развивать деятельность КДНиЗП.

Мы считаем, что нецелесообразно разрабатывать единую модель работы КДНиЗП для всей России. Необходимо создавать региональные модели на районном и городском уровне (в условиях небольших городов) с учетом территориальных возможностей и традиций на основе соблюдения норм российского законодательства и положений международных документов о работе с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. Новый закон о КДНиЗП должен дать возможность развивать данные муниципальные модели с сохранением определенных принципов, закрепленных в международных документах.

Цель работы с КДНиЗП

Разработка моделей деятельности КДНиЗП на районном и городском уровне (в условиях небольших городов) на основе восстановительного подхода.

Задачи работы КДНиЗП

1. Отработать в регионах варианты работы КДНиЗП на районном и городском уровне (в условиях небольших городов) в рамках восстановительного подхода, включающие:

- разработку алгоритма взаимодействия КДНиЗП и специалистов, служб, проводящих восстановительные программы;
- изменение порядка проведения заседаний КДНиЗП с существующего на способствующий взаимопониманию, примирению сторон и реабилитации правонарушителя;
- отработку новых связей с инстанциями, направляющими дела на рассмотрение КДНиЗП (образовательные учреждения, полиция, органы и учреждения социальной защиты).

2. Разработать варианты поддержки КДНиЗП создания и функционирования школьных служб примирения.

Наталья Морозова

СЛУЖБА ПРИМИРЕНИЯ В РАБОТЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, ПОПАВШИМИ В ТРУДНУЮ ЖИЗНЕННУЮ СИТУАЦИЮ

В Чувашии в 2010 г. стартовала республиканская экспериментальная программа «Служба примирения в учреждениях социального обслуживания семьи и детей» при поддержке Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (г. Москва).

Была поставлена цель – создать службу примирения на базе четырех центров социального обслуживания семьи и детей (г. Чебоксары, г. Новочебоксарск), с которой участники программы успешно справились.

При составлении программы создания службы примирения мы опирались на Стандарты восстановительной медиации, утвержденные Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации с 17 марта 2009 г.

Приказом директора социального учреждения были назначены кураторы службы примирения, в обязанности которых входит работа с юными медиаторами, обработка и анализ результатов деятельности службы примирения, поиск новых технологий восстановительного процесса, установление отношений с должностными лицами своего центра. Руководителями службы являются не только психологи, но и заведующие отделением центров.

В создании службы примирения важна личная заинтересованность куратора в освоении технологии восстановительного процесса и четкое представление, в каких случаях можно использовать этот процесс.

Был создан методический совет, состоящий из кураторов служб примирения четырех центров социального обслуживания семьи и детей, где разрабатывали и утверждали общие положения службы примирения, основные документы для фиксирования мероприятий, которые проходят в рамках программы, ана-

лиза деятельности работы (журнал учета мероприятий, журнал учета запросов СП, отчеты медиаторов о проведенных примирительных программах). Были разработаны также анкеты для юных медиаторов по результатам обучения, анкеты с целью выявления удовлетворенности клиента в процессе проведения примирительных программ, памятки, рекомендации, раскрывающие процесс медиации для работы с юными медиаторами, воспитанниками и сотрудниками центра.

Заседания методического совета проводились регулярно, на них планировалась дальнейшая работа службы примирения, обсуждался ход реализации намеченных планов.

Так как служба примирения является новым направлением в работе с несовершеннолетними, то в начале деятельности были проведены семинары для специалистов центра по ознакомлению с процессом медиации, общим положением службы примирения. В последующей работе появилась необходимость тренингов с воспитателями центра по обучению основным техникам эффективного общения для того, чтобы снизить подозрительность по отношению к новому направлению, повысить заинтересованность педагогического персонала в работе службы примирения.

В работе родительского клуба «Семейная гостиная» затрагивали тему «Разрешение семейных конфликтов в общении с детьми», при совместной работе родителей с детьми проводили упражнения по ресоциализации детско-родительских отношений (упражнения на активное взаимодействие, сотрудничество и доверие).

С помощью анкетирования были отобраны юные медиаторы из числа ребят, которые

проходили социальную реабилитацию в центрах: проживали в группе круглосуточного пребывания, посещали трудовые бригады, группу дневного пребывания. По истечении срока реабилитации ребята приходят в центр в качестве волонтеров.

После основного двухдневного обучения на базе РГОУ «Центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции» было решено проводить 30-дневные дополнительные занятия на базе РГУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних Ленинского района г. Чебоксары» по обучению юных медиаторов технологиям мирного разрешения конфликта, техникам эффективного общения друг с другом. На всем этапе обучения шла совместная работа кураторов служб примирения и юных медиаторов. Когда ребята были готовы применить свои знания на практике, кураторы стали предлагать им проведение медиации в случае конфликтных взаимоотношений в подростковой среде.

При проведении первых медиаций отмечалась некоторая неуверенность, чувство страха в правильности своих высказываний, хотя это не мешало в дальнейшем примирению сторон. Чтобы повысить уверенность ребят, их понимание особенностей проведения медиационных встреч, еженедельно проводим консультации и дополнительные занятия, где обсуждаем или разыгрываем конфликтные ситуации. Ребята захватывают обсуждения, занятия проходят интересно и плодотворно. Как куратору, мне необходимо заботиться о своих ребятах, поэтому на каждом занятии предлагаю задания для повышения их внутренних ресурсов при столкновении с конфликтом в своей среде. Ребята часто подходят индивидуально и консультируются по поводу трудностей, возникающих в их личной жизни.

С начала создания служб примирения у нас прошли обучение двенадцать юных медиаторов (по три медиатора в каждом центре). В настоящий момент число медиаторов увеличилось до 18 ребят (в каждом центре по 3–5 н/л). Подростки, еще не прошедшие полного обучения, оказывают помощь в фиксировании запросов, подготовке памяток для юных медиаторов, оформлении стенда.

Для улучшения психологической атмосферы в центре мы подключаем на дополнительные занятия по обучению восстановительным технологиям с юными медиаторами несовершеннолетних, проживающих в группе круглосуточного пребывания.

Юные медиаторы пользуются популярностью среди детей, и проживающие ребята хорошо присоединяются к работе по разрешению конфликтов.

При поступлении несовершеннолетнего в учреждение социального обслуживания семьи и детей происходит ознакомление его с информацией о деятельности службы примирения. В случае возникновения конфликта ему предлагается обращаться за помощью в службу примирения для разрешения данного конфликта.

Для ознакомления детей и родителей с новым направлением был оформлен стенд «Служба примирения», где отображается работа юных медиаторов, рекомендации кураторов службы, доступно объясняется идея и процесс проведения примирительных встреч.

Программы примирения проводятся:

- между несовершеннолетними воспитанниками центра;
- несовершеннолетним(и) и воспитателями центра. Директор социального учреждения, если считает необходимым, может передать конфликт воспитателя центра с несовершеннолетним в службу примирения для его разрешения;
- между несовершеннолетним и его родителями (или лицами, которые их заменяют), оказавшимися в трудной жизненной ситуации вследствие семейного конфликта.

В случае если одним из участников программы является сотрудник центра или родитель, то примирительный процесс проводится под руководством взрослого члена службы примирения.

Служба примирения в основном получает запросы от администрации, может получить информацию о случаях конфликтного характера от воспитанников, сотрудников центра.

Результаты проведения примирительных встреч передаем администрации, ежемесячно рассказываем о проводимых мероприятиях в общих отчетах центра.

При возникновении конфликтной ситуации предлагаем каждый случай на обсуждение юным медиаторам и совместно принимаем решение о возможности или невозможности примирительных программ. При необходимости информируем о принятом решении должностное лицо.

Службе примирения, по согласованию с администрацией, предоставляется помещение для проведения примирительных программ, а

также другие ресурсы центров: оргтехника, канцелярские товары и др.

Должностные лица (директор центра, заместитель директора по воспитательной части, заведующая отделением) оказывают содействие в привлечении родителей к работе службы примирения, воспитателей центра в распространении информации о деятельности службы примирения в средствах массовой информации.

На данный момент только начинает налаживаться взаимодействие с КДН по вопросам проведения примирительных встреч, связанных с правонарушением.

Состав детей, попадающих в социально-защитные учреждения, весьма разнороден по полу, возрасту, мотивам поступления.

Причиной определения ребенка в центры становятся разные неблагоприятные социальные ситуации: противоправный и аморальный образ жизни родителей или лиц, которые их заменяют, жестокое обращение и разного рода насилие со стороны взрослого, смерть близких людей.

Детями, оставшимися без надзора родителей, часто не усвоены навыки общения, культурные формы завоевания авторитета, конструктивное взаимодействие с другими людьми, необходимое для создания положительной атмосферы в группе.

В период реабилитационного процесса несовершеннолетним приходится постоянно взаимодействовать друг с другом, где и проявляются все недостатки в воспитании личности подростка, что приводит к высокому уровню конфликтности в среде несовершеннолетних. Те способы реагирования, которые обычно используются подростками и взрослыми, часто оставляют конфликты нерешенными.

При административном разрешении конфликта подросткам часто приходится сталкиваться с тем, что в рассмотрении возникшей ситуации критикуется их личность, определяется виновность несовершеннолетнего, которая только закрепляет отрицательное отношение к себе и негативное поведение в целом.

Если административное воздействие в разрешении конфликтов несовершеннолетних дает недолговечный результат (так как в его основе лежит страх перед наказанием или чувство вины несовершеннолетнего), то при проведении примирительных программ подросток начинает осознавать причины и возможные последствия своего поведения, начинает понимать, что возможен благополучный исход

возникшей проблемы, самостоятельно берет на себя ответственность за исправление ситуации. В процессе медиации можно увидеть, что у ребят снимаются защитные установки, появляется вера в добро, надежда на лучшее. Дети начинают чувствовать себя защищенными и понятыми.

В примирительных программах часто приходится участвовать подросткам с нарушениями в поведении (дети «группы риска»), и можно наблюдать изменения в поведении в эмоциональном состоянии несовершеннолетнего, которые происходят с ними в процессе медиации.

Пример. В группе дневного пребывания на базе центра изначально не сложились отношения у Ани и Лизы с остальной группой детей (6–5 классы). Девочек не звали играть в общие игры, а те, в свою очередь, вели себя агрессивно по отношению к остальным. Такая ситуация длилась несколько дней, наконец, ребятам надоело терпеть агрессивные нападки Ани и Лизы. Группа детей (восемь человек) решили, что поймают девочек после занятий в центре и побьют их.

Вмешался педагог и позвал медиатора для разрешения конфликта. В процессе беседы ребята немного успокоились, высказали свои претензии друг другу. В начале беседы Аня и Лиза выбрали защитную позицию, были напряжены, но постепенно успокоились и стали говорить о том, что их беспокоит.

Оказалось, что Ане и Лизе очень хотелось играть вместе со всеми, но не хватало смелости попросить об этом, и их задевало, что некоторые девочки отрицательно отзывались об их семьях. Реакцией на отношение группы к ним была агрессия.

В беседе с группой детей выяснилось, что им хочется мирно и спокойно играть, но очень мешают нападки Ани и Лизы. Предложили девочкам смело проситься в общие игры, убедили девочек, что играть с ними будут, попросили извинения за то, что нелестно отзывались об их семьях.

Аня и Лиза принесли извинения одной девочке, которую особенно обижали, и пообещали, что учтут желания ребят. Им тоже надоела война. Был составлен договор, и все участники подписались под ним.

Если в начале беседы высказывались нападки в адрес другой стороны, то в конце обе стороны успокоились, стали слышны шутки, появились улыбки на лицах детей, чувство

гордости из-за того, что ребята смогли разобрататься с трудной ситуацией. Аня и Лиза чувствовали облегчение от того, что конфликт был разрешен.

Наблюдая за дальнейшим развитием отношений в группе, мы заметили, что девочки стали включаться в игру, а жалобы на агрессивное поведение Ани и Лизы прекратились.

Воспитатель в работе с детьми, проходящими реабилитацию в группе круглосуточного пребывания, стремится включить ребенка в общую систему требований и норм, регулирующих совместную жизнь с другими проживающими в центре воспитанниками. Подросток же часто проявляет сопротивление, оппозицию при соблюдении режимных процессов, так как не может сразу адаптироваться к нормальным условиям проживания. Воспитательные воздействия не всегда приводят к желаемому результату – подросток чувствует себя непонятым и продолжает противостоят мнению педагогов.

В процессе разрешения конфликтов между воспитателем и несовершеннолетним предоставляется возможность обеим сторонам высказаться о наболевшем. В результате совместной встречи снимается негативное отношение друг к другу, что является важным моментом, так как дети часто в течение длительного времени проживают в центре, и мирное сосуществование им просто необходимо. Также на встрече сторонам предлагается продумать другие способы реагирования на конфликтные ситуации.

Ценности и принципы восстановительных технологий хорошо принимаются детьми, так как избавляют их от необходимости всячески защищать свою личность, дают возможность быть самими собой, предполагают продолжение нормальных взаимоотношений с другой стороной, будь то воспитатели или сверстники, или родители несовершеннолетних.

Много обращений за психологической помощью поступает в результате напряженных детско-родительских отношений. При ошибках в воспитании нарушается общение в семье – уходит взаимопонимание, доверие, отсутствует сотрудничество между детьми и родителями, возникает обоюдное чувство обиды, когда ни одна ни другая сторона не могут сделать первый шаг навстречу.

Пример. Мама с дочерью крупно поругались, применяя в ссоре физическую силу,

после чего дочь ушла из дома к подруге. Учительница в школе посоветовала обратиться за помощью в центр.

В процессе беседы выявился затяжной конфликт: чрезмерные претензии родителей к дочери, отношение «сверху», непринятие ее личностных качеств, вследствие чего у девочки появилось чувство отверженности по отношению к семье.

Мать жаловалась на плохое поведение дочери: курит, не хочет учиться, стала обманывать, много гуляет. Плохое поведение связывала с появлением новой подруги. Мать требует от дочери перестать общаться с подругой. Оля чувствовала неуверенно себя в семье, ей не хватало теплоты, дружеской поддержки со стороны родителей, в семье видела только критику своего поведения, а в общении с подругой самоутверждалась.

На предварительных встречах с матерью и дочерью медиаторы старались сформировать установку на примирение, шла работа с чувствами (так как обоюдное чувство обиды просто зашкаливало). В результате индивидуальных встреч стороны согласились на совместную встречу, выразив желание уладить отношения. Оля решила, что сама сделает первый шаг к примирению (до этого она наотрез отказывалась от общения с мамой).

На примирительной встрече мама проявила активность, сразу подошла к дочери и обняла ее. В совместной беседе разговор шел легко, свободно. В результате мама и дочь обсудили следующие пункты: время прогулок, учебу, общение с друзьями, взаимное доверие.

Используемый восстановительный подход к разрешению конфликтов позволяет несовершеннолетним избавиться от чувства обиды, ненависти и других негативных переживаний, самостоятельно разрешить ситуацию, избежать повторения подобного в будущем.

У детей, поступающих в группу круглосуточного пребывания, часто бывают конфликты по месту учебы. Бывает и так, что вследствие конфликтов дети отказываются идти в школу. В таких случаях медиатору приходится проводить медиацию в школе.

Пример из практики службы примирения в РГУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних Ленинского района г. Чебоксары».

Света (11 лет) стала отказываться ходить в школу, мотивируя это тем, что ее обижают одноклассники. Медиатор посетил школу.

Первоначально он провел беседу с обидчиками (4 одноклассника), предложил им самим продумать, как исправить возникшую проблему. Ребята, ожидающие, что их будут, как всегда, ругать, очень удивились, когда ответственность за решение проблемы была передана им. Конечно же, мальчики решили извиниться перед Светой и обещали даже защищать ее перед другими. Медиатор пригласил Свету на совместную встречу, где и произошло примирение. Была организована беседа между участниками конфликта, где ребята по-новому взглянули друг на друга, и отношения между ними стали более дружескими.

В итоге девочка стала смело посещать школу, в классе у нее появились новые друзья.

Социальная реабилитация – это восстановление утраченных социальных связей, возвращение к нравственным ценностям. Реабилитация ребенка значительно облегчается, если она проходит на фоне эмоционального принятия ребенком новых условий жизни, позитивного отношения к людям, необходимости контакта с ними.

Медиация помогает участникам конфликта принять ответственное поведение, учит разрешать конфликты более цивилизованным путем. Конечно, наша служба примирения пока еще молодая, но, думаю, она будет развиваться, так как пользуется спросом у населения и поддерживается интересом самих ребят – юных медиаторов.

Для организации службы примирения в приютах, социально-реабилитационных учреждениях необходима заинтересованность администрации, понимание того вклада в деятельность учреждения, которое может внести новое направление. Идеи восстановительных технологий при грамотном их использовании являются эффективным методом в работе с подростками и их социальным окружением. Кураторам служб примирения важно пройти обучение процессу медиации у опытных тренеров.

Создание направления «Служба примирения» является залогом повышения результативности психогигиенической работы по обеспечению успешной средовой адаптации детей, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Антон Коновалов

СООБЩЕСТВА ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК (ЗАМЕТКИ ПОСЛЕ ПРОЕКТА)¹

Введение

В 2009 году была создана Всероссийская ассоциация восстановительной медиации, которая разработала стандарты восстановительной медиации. В этом же году в пяти регионах (Москва, Волгоградская область, Пермский край, Новосибирск и Тюмень) при поддержке центра «Судебно-правовая реформа» были созданы и начали работу региональные ассоциации медиаторов. В 2010 году основаны ассоциации в Самарской области и Чебоксарах, сейчас они создаются в Кирове и Новочеркасске.

Процесс осознания важности ассоциаций медиаторов имеет предысторию, ознакомиться с которой можно, в частности, в работах Рустема Максудова², в статьях Елены Невельсон и руководителей региональных ассоциаций³. Анализируя практику распростране-

ния восстановительных технологий в Пермском крае, мы в очередной раз убедились в значимости сообществ. Однако данная статья не ставит своей целью описание истории создания ассоциаций.

На данный момент Всероссийская ассоциация восстановительной медиации – это форма организации сообщества людей, развивающих восстановительные практики. В настоящее время региональные ассоциации имеют уставы, проводят регулярные встречи, супервизии, обсуждения возникающих проблем, но в чем их дальнейшее развитие и какими они должны стать в итоге? В начале 2011 года сотрудники центра «Судебно-правовая реформа» провели серию семинаров, на которых с участниками ассоциаций обсуждались их стратегии, проблемы, возможные направления развития и т. д.⁴ Описанию возникших в ходе семинаров идей и посвящена эта статья.

1. Ассоциация и сообщество

В ходе обсуждений на семинарах в регионах стало ясно, что понятие «ассоциация» поясняет организационную форму, но является недостаточным для прояснения содержания формирующегося сообщества.

Одной из главных составляющих для укрепления сообщества являются также отношения внутри него. В отношениях «руководитель-подчиненный» в государственных структурах специалистам сложно развивать новые практики, осмысливать свою деятельность,

¹Автор благодарит Людмилу Карнозову и Рустема Максудова за ценные замечания, высказанные в ходе написания данной статьи.

² См.: Восстановительное правосудие, ресоциализация и городская политика. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002; Максудов Р. Р. Деятельность по продвижению восстановительного правосудия в России: на пути к новому формату общественных инициатив // Вестник восстановительной юстиции. Общественному центру «Судебно-правовая реформа» – 10 лет. Юбилейный выпуск. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2006. С. 9–22; Максудов Р. Поддержка региональных сообществ – важнейший ориентир движения за восстановительную юстицию // Вестник восстановительной юстиции № 7. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2010. С. 50–53.

³ Невельсон Е. Ассоциация медиаторов Пермского края как фактор развития ювенальной юстиции в Пермском крае // Вестник восстановительной юстиции. № 7. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2010. С. 54–55; статьи А. Хавкиной и И. Маловичко в данном выпуске.

⁴ Семинары проводились в рамках проекта центра «Судебно-правовая реформа» «Разработка «образа будущего» сообщества восстановительной медиации в России».

самоопределяться. Поэтому для инновационных практик «точками роста» являются, скорее, неформальные отношения, возникающие в командах. Общение «на-равных» дает возможность обсуждать проблемные и спорные вопросы, а кроме того, отвечает идее восстановительных практик: сами люди в коммуникации вырабатывают решения.

В своей деятельности мы стремимся поддерживать именно сообщества, чтобы, с одной стороны, возникали профессиональные отношения (супервизии, консультации, обучение, совместное проведение медиаций), а с другой – неформальная поддержка членами сообщества друг друга и общего дела (участие в расшифровке текстов семинаров, пожертвования на издание книг, помощь в случае личных жизненных затруднений и т. д.).

Также важно, чтобы само сообщество оценивало качество работы, профессиональную подготовку медиаторов и тренеров, этические вопросы работы медиатора и т. д., основываясь на согласованных стандартах и других документах.

2. Ассоциация восстановительной медиации (восстановительных практик)⁵

Для укоренения и развития ассоциации важно, чтобы ее ядро составляли заинтересованные в этом люди, которые удерживают цели, принципы и содержание восстановительных практик. Что это означает?

На мой взгляд, работа ассоциации восстановительной медиации направлена на переориентацию социальной сферы и юстиции на восстановительную культуру и использование восстановительных практик.

Реализуемые сейчас подходы и методы работы в социальной сфере ориентированы на выработку решений специалистами (которые, по сути, являются чиновниками госучреждений) и использование механизмов принуждения людей к исполнению этих решений (например, угрозы лишения родительских прав или постановления на учет).

Ассоциация восстановительной медиации поддерживает своих членов в создании ими на местах условий, позволяющих участникам

конфликта самим вырабатывать конструктивный способ выхода из него.

3. Направления работ ассоциаций

В ходе семинаров участниками были выделены следующие направления работы для развития восстановительных практик.

1. Разработка комплексной модели реагирования на правонарушения и преступления на основе восстановительной медиации (в том числе челночной), программы «Круг сообщества» и программы «Семейная конференция», а также социального сопровождения участников конфликтной (криминальной) ситуации.
2. Разработка алгоритма работы КДНиЗП, ориентированного на направление случаев на медиацию (в том числе изменение формата заседания комиссии).
3. Организация исследований в области восстановительных практик.
4. Разработка региональных моделей ассоциаций медиаторов. Организация управления и менеджмента ассоциаций, повышение квалификации лидеров ассоциаций в области менеджмента, управления и продвижения общественных инициатив.
5. Разработка мер по укоренению ассоциаций медиаторов.
6. Разработка мер, противодействующих формализации служб примирения, и ответственности проводимых программ стандартам восстановительной медиации.
7. Разработка алгоритма работы, позволяющего не ставить на учет в правоохранительные органы подростков, прошедших медиацию (или другие восстановительные практики).
8. Разработка регионального алгоритма внедрения и развития восстановительных практик в соответствии со стандартами восстановительной медиации.

4. Возможные сценарии развития

Можно предположить несколько возможных сценариев дальнейшего развития региональных ассоциаций восстановительной медиации.

1. Ассоциация работает как группа профессионального роста (наподобие су-

⁵ Поскольку мы используем не только медиацию, но и Круги сообщества, Семейные конференции, а также другие программы, то словосочетание «Ассоциация восстановительной медиации» не совсем точно отражает содержание.

ществующих у психологов), помогает освоению медиаторами профессиональных навыков и техник медиации. Постепенно часть медиаторов переходит в коммерческую сферу, начинается стремление к монополизации и тренерской работе. Некоторые медиаторы оканчивают коммерческие курсы в соответствии с законом о медиации и стараются вытеснить тех, кто не имеет сертификата. Медиация используется как один из методов в психологическом консультировании, консалтинге, переговорах и пр.

2. В ассоциацию приходят люди, пока через нее идет распределение материальных или нематериальных благ (возможность повышения статуса, бесплатное участие в семинарах и конференциях и пр.). По мере сокращения притока ресурсов ассоциация распадается, поскольку кроме активистов никто делать вклады в развитие ассоциации не готов. Еще одной причиной распада может стать недовольство начальства деятельностью ассоциации, угрожающее благополучию участников ассоциации. Начальство начинает оказывать давление на членов ассоциации – и им приходится определяться, готовы ли они отстаивать интересы и ценности и свое пребывание в ассоциации.
3. Ассоциация медиаторов формирует свою стратегию по отношению к социальной сфере в регионе, занимает признанную экспертную позицию по ключевым социальным вопросам. Ее ресур-

са достаточно, чтобы члены чувствовали себя, с одной стороны, защищенными, а с другой – ответственными за развитие своего дела. Налаживается партнерство с властью: по некоторым позициям есть взаимопонимание, контакт и диалог, по другим ассоциация пытается отстоять свой взгляд на решение проблем. Ответственная управленческая позиция ассоциации на уровне региона вызывает интерес у лиц, принимающих решение на региональном уровне. Некоторые из управленческих предложений ассоциации в социальной сфере (в том числе в области управления) решено внедрить силами ассоциации. Но основное внимание направлено на конкретные площадки (школы, КДНиЗП, социальные центры, суды, приюты и пр.), поддержку медиаторов, хранителей Кругов и координаторов Семейных конференций, а также на формирование активного местного сообщества.

Развитие ассоциаций может пойти и еще в какую-либо сторону, реальный сценарий может быть также смешанным.

Заключение

В ассоциациях разных регионов могут быть спады и подъемы, и поэтому важна роль Всероссийской ассоциации восстановительной медиации как объединяющей и поддерживающей сообщества. Тогда синергетический эффект позволяет состояться новым, удержаться и развиваться существующим командам и ассоциациям.

Приложение

Ассоциации медиаторов в разных странах

Не только в России происходит процесс объединения медиаторов. В мире существуют различные ассоциации, связанные с восстановительным правосудием и восстановительными практиками. К сожалению, данных об ассоциациях на уровне города (аналога, создаваемого в России) у нас на данный момент нет, поскольку наибольшую известность получают ассоциации, объединяющие людей на уровне страны или нескольких стран. Приведу информацию о некоторых организациях.

Европейский форум по восстановительному правосудию

Сайт <http://www.euforumrj.org/>

Европейский форум медиации между потерпевшим и правонарушителем и восстановительного правосудия (в настоящее время Европейский форум по восстановительному правосудию) стал формальной организацией 8 декабря 2000 года в соответствии с законодательством Бель-

гии. Он был создан после двух лет предварительной работы в форме негосударственной организации. Его миссия заключалась в установлении контактов между проектами посредничества жертва-правонарушитель в Европе (к тому моменту их было более 800) и стремлении выйти за пределы национальных границ. Одной из задач было организовать Европейскую конференцию. С 27 по 29 октября 1999 года в Левене (Бельгия) была организована конференция «Медиация между потерпевшими и правонарушителями». Это был форум 50 представителей из 15 стран.

Сейчас основной целью форума является помощь в создании и разработке медиации между жертвой и правонарушителем и других практик восстановительного правосудия по всей Европе. В 2002 году представители центра «Судебно-правовая реформа» принимали участие в конференции. В 2010 году наша команда выступала на Европейском форуме с докладами о развитии восстановительной медиации в России. Центр «Судебно-правовая реформа» является членом Европейского форума по восстановительному правосудию.

Международный институт восстановительных практик

Сайт: <http://www.iirp.org/>

Этот институт работает с 1995 года. «Миссия Международного института восстановительной практики направлена на высшее образование специалистов в аспирантуре и проведение исследований, которые могут способствовать развивающейся области восстановительной практики с целью позитивного влияния на поведение человека и укрепление гражданского общества во всем мире».

Это не ассоциация, а университет, имеющий филиалы в Великобритании, Австралии, Латинской Америке, Канаде. Данное учреждение ведет аспирантскую программу (послевузовское образование), распространяет видео и книги, проводит семинары для родителей. Также ведет четыре программы, направленные на восстановительные практики в различных областях.

RealJustice®

<http://www.realjustice.org>

Восстановительные практики в области уголовного правосудия: работа с полицией, службами пробации и повышение качества работы с потерпевшими, правонарушителями и общинами.

FamilyPowerSM

<http://www.familypower.org>

Работа с социальными работниками, лечебными и другими учреждениями для улучшения взаимодействия семьи и помощь молодым людям в создании положительных изменений в их поведении.

GoodCompanySM

<http://www.goodcompanyonline.org>

Восстановительные практики на рабочем месте: работа с руководителями и лидерами организаций для улучшения организационной культуры.

SaferSanerSchoolsTM

<http://www.safersanerschools.org>

Работа со школами, направленная на масштабные изменения школьной культуры, снижение агрессивного поведения и конфликтов, а также помощь студентам в принятии на себя ответственности за свое поведение и успеваемость.

Данная организация проводит конференции, вебинары (online-семинары), распространяет видео, статьи и книги по восстановительным практикам в школе, а также готовит тренеров (медиация «лицом к лицу», Круги, восстановительные конференции), внедряет ВП в школах (двухгодичная программа работы со школой представлена на сайте), проводит исследования эффективности, консультирует сотрудников школ по сложным конфликтным случаям, проводит программы ВП.

Американская ассоциация школьной медиации

Сайт <http://www.schoolmediation.com/>

Цель данной организации, которая существует с 1984 года, – помочь преподавателям, студентам, родителям эффективно общаться, решать конфликты.

Направления работы:

- посредничество (содействие в переговорах);
- обучение преподавателей и молодых людей по разным программам, направленным на улучшение отношений, школьного климата и повышение успеваемости. Программы включают в себя: посредничество, предупреждение запугивания, студенческое наставничество, восстановительные практики и т. п.

Предлагаются книги и видео, а также существует бесплатная рассылка про медиацию ровесников с читателями в 70 странах (выходит примерно раз в квартал). На рассылку можно подписаться на их сайте.

Руководитель ассоциации – Ричард Коэн, автор книг «Школьники разрешают конфликт» и «Практическое руководство школьного медиатора» (любезно подаренные нам автором и имеющиеся в нашей библиотеке).

Ассоциация по урегулированию конфликтов (ACR)

Сайт <http://www.acrnet.org/>

Ассоциация по разрешению конфликтов (The Association for Conflict Resolution – ACR) – это профессиональная организация, призванная расширить в обществе практику по урегулированию конфликтов. ACR представляет интересы и обслуживает широкое и разнородное в своей массе сообщество национальных и интернациональных участников процесса разрешения конфликтов и коллективного принятия решений. В эту ассоциацию входит более шести тысяч человек: медиаторов, третейских судей, посредников и преподавателей. ACR возникла в январе 2001 года в результате слияния трех организаций: Академии семейных медиаторов (Academy of Family Mediators – AFM), Образовательной сети по разрешению конфликтов (the Conflict Resolution Education Network – CREnet) и Общества профессионалов разрешения споров (the Society for Professionals in Dispute Resolution – SPIDR). Также данная организация занимается обучением, проводит конференции и семинары.

ACR разработала документ «Рекомендуемые стандарты к программам медиации ровесников, реализуемые в рамках средних образовательных учебных заведений» (на английском языке он доступен по адресу <http://www.mediate.com/acreducation>), который мы изучали при разработке собственных стандартов восстановительной медиации.

Ирина Маловичко

ВОЛГОГРАДСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ КАК РЕСУРС УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Восстановительные практики в Волгоградской области

Общественно-государственное движение за внедрение элементов восстановительной ювенальной юстиции в Волгоградской области началось в 2003 году в порядке эксперимента. Инициатором этого движения стала Волгоградская региональная благотворительная общественная организация «Клуб ЮНЕСКО «Достоинство ребенка», которая развернула серию благотворительных проектов по данному направлению. Инициативу активно поддержал Уполномоченный по правам ребенка в Волгоградской области. На одном из первых обсуждений стратегии этого движения были сформулированы приоритеты: создание специализированных ювенальных судов и апробирование практики примирения (восстановительного подхода) и других альтернативных мер воспитательного воздействия, позволяющих молодым людям, совершившим незначительные преступления, избежать контакта с уголовной системой.

Администрация Волгограда и Волгоградской области отнеслась к эксперименту с интересом и поддержала его на уровне рекомендаций. Однако последовательных управленческих решений и организационных шагов по внедрению новой социальной технологии сделано не было. Поэтому вся тяжесть и ответственность за выбор моделей и стратегий легла на плечи специалистов, включенных в проекты Клуба. Такое выжидательное внимание административных органов, с одной стороны, уменьшало возможности роста и развития инициативы, с другой стороны, позволяло избежать административного давления и пристрастного выбора «поставщиков» идей и технологий.

Инициаторы самостоятельно выбирали партнеров и модели для внедрения и остановились на отечественных – ростовских и московских моделях. Общественный центр «Судебно-правовая реформа», имеющий опыт создания российских моделей восстановительной юстиции на материале освоения иностранного опыта, был выбран стратегическим партнером Клуба ЮНЕСКО «Достоинство ребенка» по внедрению восстановительных практик. Этот стратегический выбор в пользу отечественной неправительственной организации был сделан Клубом, в первую очередь, из-за схожести понимания ценностей гражданского общества, проектных методов работы, доверительного отношения к сообществу специалистов, их инициативам и творческим поискам, что, как правило, невозможно в недрах административных структур.

С 2004 года началась практическая совместная работа Клуба и Центра по внедрению восстановительных технологий в работу с правонарушениями несовершеннолетних в системе образования и уголовной юстиции Волгоградской области, которая продолжается и в настоящее время.

В начале восстановительные практики удалось привить на **школьную почву**. В 2005 году в трех школах Волгограда были созданы первые Школьные службы примирения (далее – ШСП). Результаты их работы оказались настолько убедительными, что в последующие годы произошло интенсивное распространение этой воспитательно-образовательной технологии в школах Волгограда, Волжского и ряда других городов области, благодаря чему в настоящее время в Волгоградской области успешно действует сеть из 65 ШСП. Процесс

распространения ШСП в регионе продолжается и сейчас и пока далек от насыщения. Идут подготовительные процессы по развертыванию ШСП на новых территориях и в новых типах учреждений. Так, начали развивать движение ШСП на нескольких новых территориях Волгоградской области (Еланский, Быковский, Руднянский районы). Кроме школ, ШСП действуют в нескольких молодежно-подростковых клубах, а с 2010 года первая ШСП начала действовать в Руднянском детском доме.

В результате, в период с 2005 по 2010 год в 65 ШСП Волгоградской области было рассмотрено более 1000 детских конфликтов. Только за 2010 год в ШСП была проведена восстановительная работа более чем по 320 случаям конфликтов и криминальных ситуаций, помощь и реабилитацию получили 335 жертв правонарушений и 500 несовершеннолетних правонарушителей. Активными проводниками примирения выступили более 400 детей и около 100 учителей – волонтеров и кураторов ШСП. Более 40 000 учеников школ и их близких получили информацию о программах восстановительного правосудия. Модель ШСП, реализованная в Волгоградской области, позволила достичь высокой степени охвата школ (около 20% всех школ) и вовлечения большого числа детей и взрослых (более 40 000 чел.) в миротворчество.

В 2007 году восстановительные практики были внедрены на муниципальном уровне **в системы профилактики преступности несовершеннолетних и уголовной юстиции** – в работу Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП) и судов. В рамках благотворительного проекта Клуба «Никто не лишней» в г.г. Волгограде и Волжском были созданы 3 территориальные междисциплинарные Службы по работе с правонарушениями несовершеннолетних (Службы РПН), сочетавшие восстановительные и реабилитационные практики (в Тракторозаводском, Дзержинском районах г. Волгограда и в г. Волжском). К концу 2009 года была создана еще одна Служба РПН в Ворошиловском районе г. Волгограда.

Территории для развертывания Служб РПН были выбраны не случайно: это были те территории, на которых имелась развитая сеть ШСП, опытные кадры ведущих восстановительных программ (медиаторов), поддержка со стороны специалистов КДНиЗП. Ресурсы сообщества медиаторов ШСП были

использованы для становления и развития Служб РПН. Кооперация специалистов ШСП и Служб РПН позволила начать восстановительную работу на самом раннем этапе конфликтов, что значительно облегчило юридические последствия для правонарушителей и смягчило последствия для жертв по многим сложным случаям правонарушений несовершеннолетних. Тесное взаимодействие Служб РПН и ШСП признано волгоградским сообществом особенно перспективным, поэтому в настоящее время специалисты Клуба проводят ряд действий (исследований и разработок) для налаживания механизма взаимодействия КДНиЗП, Служб РПН и ШСП на территориях, включенных в эксперимент.

Службы РПН развиваются в Волгоградской области значительно труднее, чем ШСП. По мнению сообщества, это связано с межведомственными барьерами, нерешительностью управленцев, отстраненной позицией судов и другими трудностями. Однако и сегодня Службы РПН действуют и показывают обнадеживающие результаты. За период с 2007 по 2010 год в четырех муниципальных Службах РПН были включены в восстановительную работу более 50 подростков-правонарушителей. Подростки участвовали в программах заглаживания вреда, посещали занятия и консультации специалистов. У всех подростков улучшились социальные связи и отношения, изменилось поведение в лучшую сторону. Никто из подростков – участников восстановительной работы не совершил новых правонарушений.

Сообщество специалистов восстановительных практик

Все достижения в распространении восстановительных практик в Волгоградской области по праву принадлежат сообществу волгоградских специалистов. Благодаря их активной и во многом самоотверженной работе были созданы и успешно реализованы 8 региональных благотворительных проектов, налажена кооперация с партнерами, привлечены существенные финансовые средства и нефинансовые ресурсы. Их творческими усилиями разработаны и описаны региональные модели ШСП и Служб РПН; созданы программы обучения; подготовлены преподаватели; обучены взрослые-медиаторы и медиаторы из числа детей-волонтеров; подготовлены и изданы методические и информационные материалы; налажены механизмы кооперации с

КДНиЗП и судами; разработаны алгоритмы, стандарты, формы мониторинга; проведены исследования и пр.

Сообщество специалистов, продвигающих восстановительные практики в Волгоградской области, включает организаторов проектов из Клуба ЮНЕСКО «Достоинство ребенка», специалистов КДНиЗП; медиаторов, педагогов, методистов, социальных работников и психологов ШСП и Служб РПН. Поддерживают сообщество ряд ученых из Волгоградского государственного педагогического университета, Волгоградского института молодежной политики и социальной работы, сотрудники аппарата Уполномоченного по правам человека Волгоградской области, Уполномоченные по правам ребенка города Волгограда и Волгоградской области, сотрудники органов управления образованием, молодежной политики, члены дружественных НКО, действующих в интересах детей, и др. На сегодня в состав сообщества входит 80 человек. Постоянный актив сообщества – примерно 25 человек.

Причинами создания сообщества стала профессиональная неопытность специалистов на начальном этапе новой для них деятельности, потребность во взаимопомощи, взаимном обучении, консультировании при решении сложных случаев; потребность в информационном обмене и обмене опытом работы. Кроме того, важными причинами является потребность в моральной поддержке, публичном поощрении людей за их зачастую безвозмездную работу. В более позднее время важными причинами взаимного интереса стали изучение новых форм восстановительных практик, возможность знакомства с новейшими тенденциями в науке, прямого общения с экспертами и другие мотивы. Для организаторов проектов было важным наладить мониторинг внедрения восстановительных технологий, систематически получать информацию о результатах деятельности ШСП и Служб РПН. Также организаторов интересовал анализ происходящих в сообществе изменений: причины успехов и «провалов», вопросы сохранения устойчивости и качества при широком распространения опыта, пути усиления влияния на социальную политику и другие вопросы общего характера.

Сообщество практиков восстановительной медиации в Волгоградской области изначально формировалось как сеть. Клуб ЮНЕСКО «Достоинство ребенка» имел большой

опыт в построении сетей и коалиций, поэтому создавал сетевую структуру сообщества с горизонтальными связями и равноправными (неиерархическими) отношениями участников, характерными для гражданского общества. В части коммуникаций сеть/сообщество имеет «зонтичный» тип с территориальным делением: за один узел сети принято территориальное сообщество специалистов. Всего на сегодня в сети имеется 13 узлов (8 районов г. Волгограда и 5 районов Волгоградской области), где действуют ШСП и/или Служба РПН. Каждый «узел» сети действует как координационная и методическая площадка, объединяя членов сообщества на своей территории и представляя их мнение на региональном уровне через одно контактное лицо – координатора от территории. Клуб ЮНЕСКО «Достоинство ребенка» выполняет функции областного координирующего и методического центра на региональном уровне, центр «Судебно-правовая реформа» – на федеральном.

Методами работы сети являются регулярные сетевые координационные встречи участников проекта (1 раз в 2–3 месяца), проведение круглых столов и дискуссий; участие в работе КДНиЗП; проведение супервизий и разбор трудных случаев; детские конференции и форумы, конкурсы ШСП; издание памяток, буклетов и методических брошюр; выступления на совещаниях, конференциях коллег, подготовка публикаций в СМИ и др. Часто рабочие встречи сообщества приурочены ко времени проведения обучающих семинаров и тренингов с участием экспертов центра «Судебно-правовая реформа», что придает таким встречам дополнительную значимость.

В 2009 году состоялась 1-я Волгоградская областная конференция ШСП, в работе которой приняли участие более 60 членов сообщества. В это время на федеральном уровне происходил процесс формирования Всероссийской ассоциации восстановительной медиации, инициированный центром «Судебно-правовая реформа». Волгоградское сообщество приняло решение присоединиться к Всероссийской ассоциации восстановительной медиации в качестве Волгоградского регионального отделения. На конференции был утвержден устав, избраны правление (9 человек) и руководитель ассоциации. Были подведены итоги развития движения за внедрение восстановительных практик в Волгоградской области в 2005–2008 годах и определены

направления работы ассоциации на 2009–2010 годы. Эти направления включают:

1. Информационный обмен между участниками Волгоградского регионального отделения Ассоциации (включая сбор годовой отчетности о проведенных медиациях); информационный обмен с участниками Всероссийской ассоциации и иностранными коллегами. Поиск ресурсов.
2. Организация рабочих встреч правления Ассоциации, ведение протоколов мероприятий Ассоциации, учет списочного состава членов Ассоциации; прием заявлений, выдача подтверждающих справок и других документов.
3. Профессиональное общение, взаимная поддержка и обмен опытом между участниками; обеспечение устойчивой работы существующих служб на должном качественном уровне (включая обобщение, анализ отчетов о ежегодной деятельности, оценку эффективности работы служб, проведение супервизий, обучающих семинаров и ежегодной конференции).
4. Методическое и ресурсное обеспечение деятельности (включая создание / издание / приобретение / распространение брошюр, книг, учебников, фильмов; и пр.).
5. Отработка механизмов совместной работы с КДНиЗП, правоохранительными органами и судами; распространение опыта медиации / выявление новых заинтересованных лиц / содействие созданию новых Служб примирения.
6. Просвещение детей, формирование детского волонтерского движения в поддержку восстановительной медиации.
7. Просветительская работа по распространению ценностей медиации среди специалистов образовательных, молодежных, научных, правоохранительных, судебных и других структур для формирования позитивного общественного мнения в отношении восстановительной медиации.

В соответствии с указанными направлениями были разработаны планы работы на 2009 и 2010 годы, куда были включены мероприятия по разработке новых благотворительных проектов, проведение информационных, обучающих семинаров и тренингов для взрослых медиаторов и детей-волонтеров,

организация конференций, детских форумов и акций, аналитические и другие мероприятия по развитию восстановительных практик. В результате практически все запланированные мероприятия были успешно выполнены.

Актуальная ситуация и стратегия развития волгоградского сообщества с 2011 до 2015 года.

В настоящее время сообщество специалистов восстановительных практик Волгоградской области объединено, действует совместно и согласованно, а восстановительные практики стабильно развиваются и расширяют зоны распространения. При этом сообщество испытывает серьезные трудности в управленческой, аналитической и предметно-практической сферах.

Актуальной и ключевой проблемой развития сообщества признана проблема сохранения устойчивости, ценностных ориентиров и качества реализации восстановительных практик в условиях постоянной сменяемости всех участников: волонтеров, кураторов и администраторов школ, а также руководителей органов управления образованием районного, городского и областного уровней. Кроме того, членов сообщества волнует, как избежать формализма в работе; как передавать знания и опыт новым участникам движения, сохраняя традиции; как сделать так, чтобы усилия отдельных приверженцев восстановительных практик складывались воедино и воздействовали на другие институты власти для продвижения восстановительных практик в различных сферах общественных отношений.

Волгоградское сообщество старается **решать проблему устойчивости**, создавая и контролируя соблюдение региональных и всероссийских стандартов, а также поддерживая сетевую модель сотрудничества специалистов сообщества с опорой на территориальные методические объединения («узлы сети»).

В качестве региональных стандартов использованы:

1. Всероссийские стандарты восстановительной медиации, которые являются основным ориентиром для сохранения качества восстановительных практик.
2. Региональные стандартные описания волгоградской модели ШСП и модели службы РПН. Единообразие ценностных положений и технологических функций, описанных в моделях, является образцом для участников движения.

3. Региональный стандартный алгоритм развертывания ШСП и службы РПН в отдельной школе или территории, который отражает накопленный опыт общества и помогает воспроизводить волгоградскую модель с минимальными искажениями.
4. Региональный стандарт коммуникации специалистов восстановительных практик, который заключается в регулярной добровольной передаче информации и других данных по территориальным «узлам» сети между координаторами и специалистами ШСП и служб РПН.
5. Региональные стандартные единообразные формы отчетности для ШСП и служб РПН, которые позволяют унифицировать процесс сбора, обобщения и анализа информации от отдельных учреждений, территорий, региона в целом.

Сетевая модель сотрудничества в регионе заключается в том, что ШСП и службы РПН объединены в методические объединения (формальные – при районных центрах повышения квалификации и неформальные), которыми управляют опытные члены общества, по большей части, добровольно. Формальные и неформальные методические объединения организуют просвещение и вовлечение новых школ на данной территории, поддерживают процесс создания новых ШСП и возобновление утраченных ШСП при ротации кадров, отвечают за обучение детей-волонтеров, проведение детских конференций, форумов и конкурсов, проводят сетевые встречи районного уровня, помогают друг другу. Уполномоченные лидеры территориальных методических объединений поддерживают постоянную связь между своими членами и с Клубом ЮНЕСКО «Достоинство ребенка», куда передают собранную информацию о текущей работе ШСП и служб РПН на территории. Существует тенденция закрепления неформальных объединений в виде методических центров или отделов органов образования (например, в Волгограде и Волжском) с сохранением ранее организованной «гражданской» системы работы. Таким образом, фактически волгоградское сообщество медиаторов работает по сетевым технологиям гражданского общества.

Наилучших результатов в своей работе достигли методические объединения восста-

новительных практик в городе Волжском и Тракторозаводском районе Волгограда. В г. Волжском действует МОУ Волжский методический центр медиации, созданный сначала как добровольческий центр, а затем закреплённый как учреждение дополнительного образования. Специалисты Центра ведут большую координационную, просветительскую, образовательную, методическую и другую работу со взрослыми и детьми. В Тракторозаводском районе методическое объединение восстановительных практик развернуто на базе районного отделения Центра повышения квалификации в системе образования. Сообщество специалистов, которое объединяет Тракторозаводское методическое объединение, ведет большую работу по всем направлениям деятельности общества, разрабатывает свои стратегии и планы. Благодаря их деятельности, в 2010 году впервые удалось передать функции подготовки специалистов на муниципальный уровень, хотя до этого обучение медиаторов производилось в основном за счет ресурсов благотворительных проектов. На базе Центра были развернуты городские курсы повышения квалификации для медиаторов ШСП из числа волгоградских учителей, а также разработана и утверждена в органах управления образованием программа развития районного центра, которая позволит в обозримом будущем Тракторозаводскому Центру придать статус Волгоградского городского методического центра медиации.

Стратегия развития волгоградского сообщества

В начале 2011 года волгоградское сообщество специалистов восстановительных практик при поддержке центра «Судебно-правовая реформа» разработало стратегию своего развития. В разработке стратегии приняли участие более 30 человек, включая медиаторов ШСП и территориальных служб РПН г. Волгограда и г. Волжского, р. п. Елани Волгоградской области, представителей КДНиЗП, Тракторозаводского центра повышения квалификации г. Волгограда, специалистов Клуба ЮНЕСКО «Достоинство ребенка» и экспертов центра «Судебно-правовая реформа».

Целью разработки стратегии является повышение эффективности действий членов сообщества для продвижения желаемых общественных изменений по поводу существующих репрессивных способов реагирования на

конфликтное и противоправное поведение несовершеннолетних.

Для разработки стратегии был проведен **анализ** сильных и слабых сторон волгоградского сообщества, возможностей и угроз внешней среды (**SWOT анализ**), который показал следующее.

1. *Сильные внутренние стороны сообщества*: убедительные и четко сформулированные ценности; опытные лидеры, квалифицированные методисты и преподаватели; успешный опыт построения сетевой структуры; ресурсы благотворительных проектов; методическая и ресурсная поддержка КДНиЗП, образования, Всероссийской ассоциации восстановительной медиации.
2. *Слабые внутренние стороны сообщества*: начальный период жизненного цикла, совмещенный с фазой быстрого роста; частая смена кадров специалистов и детей-волонтеров в службах; слабая система моральных поощрений и отсутствие материальной поддержки специалистов; недостаток лидеров, готовых взять на себя ряд управленческих функций; низкое качество коммуникации «узловых» лидеров; низкая квалификация лидеров в вопросах построения сетей и продвижения общественных интересов.
3. *Возможности внешней среды*: заинтересованность школ; поддержка КДНиЗП, органов управления образованием, Уполномоченных по правам человека/ребенка всех уровней, прямые указания в международных документах ООН; гуманизация уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних.
4. *Угрозы внешней среды*: административный путь распространения восстановительных практик; отсутствие закона о ювенальной юстиции; снижение воспитательных и реабилитационных ресурсов в системе образования; противоречия и пробуксовки в системе межведомственного взаимодействия (КДНиЗП, судов, системы образования и молодежной политики); противодействие правоохранительных органов; незаинтересованность судов; противодействие части общества принятию закона о ювенальной юстиции; закон о медиации.

В результате анализа была разработана **стратегия** развития волгоградского сообще-

ства, которая включает меры для реализации следующих приоритетов:

1. Увеличение внутренних сил и ресурсов сообщества. Совершенствование структуры управления, механизмов сетевой коммуникации, методов планирования, мотивации и контроля в ассоциации. Организация регулярной деятельности ассоциации, регулярное (ежегодное) проведение региональных конференций. Привлечение новых лидеров в сообщество. Привлечение финансов и других ресурсов, создание новых проектов. Создание Волгоградского методического центра медиации. Выработка согласованных позиций и проведение акций для продвижения интересов сообщества.
2. Сохранение ценностей и качества восстановительных практик. Доработка и совершенствование моделей, алгоритмов, стандартов. Описание (фиксирование) опыта работы. Обмен опытом с коллегами. Разработка и издание учебной и методической литературы. Проведение супервизий, мониторинга, исследований, анализа и оценки эффективности деятельности сообщества. Привлечение и обучение новых участников, повышение квалификации членов сообщества.
3. Сплочение детского движения юных медиаторов. Проведение межшкольных (городских, региональных и пр.) и межгородских детских мероприятий (конференции, форумы, конкурсы, лагерь, поездки), поддержка и поощрение детей (форма, атрибутика, книжки и пр.). Включение юных медиаторов в детское миротворческое движение.
4. Усиление влияния сообщества на решения административных и судебных органов. Отработка и совершенствование механизмов взаимодействия, проведение совместных исследований, разработок, дискуссионных и аналитических мероприятий с административными, правоохранительными органами, судами. Включение представителей ассоциации в состав КДНиЗП и общественных советов. Анализ и оценка успехов и неудач взаимодействия. Увеличение количества дел, передаваемых на восстановительные программы, из судов, КДНиЗП, в школах. Учет результатов

примирения при вынесении решений по делу.

5. Усиление сотрудничества с учеными, родителями, широкой общественностью и СМИ. Поддержка научных исследований ученых вузов и студентов по теме восстановительной медиации. Выступления на совещаниях, конференциях, круглых столах, организованных партнерами из органов власти и вузов. Издание информационно-просветительских материалов и статей в СМИ.

Стратегия развития волгоградского общества восстановительных практик находится на стадии уточнения, детализации и согласования с учетом деятельности Всероссийской ассоциации восстановительной ме-

диации. На основе стратегии будут разработаны ежегодные рабочие планы деятельности Волгоградской ассоциации, которые будут дорабатываться по мере изменения существующего положения, условий внутренней и внешней среды, представлений членов сообщества.

Волгоградское сообщество специалистов восстановительной медиации представляет собой главный ресурс устойчивого развития восстановительных практик в Волгоградской области. Мы надеемся, что наш голос, усилия и вклад в дело развития восстановительных практик сделают возможным повсеместное изменение форм реагирования на конфликты и правонарушения несовершеннолетних в направлениях мирного и гуманного диалога.

Анна Хавкина

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АССОЦИАЦИИ МЕДИАТОРОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Ассоциация медиаторов Пермского края была создана в июне 2009 г. как объединение специалистов, готовых стать посредниками в разрешении конфликтных ситуаций. На начало создания ассоциации в нее вступили 18 человек, прошедших обучение на методическом тренинге «Освоение навыков хранителя по проведению Кругов сообществ», который проводился специалистами центра «Судебно-правовая реформа» Москвы.

Цели, которые ставила перед собой ассоциация, были достаточно амбициозными: внедрение, применение и продвижение альтернативных подходов при разрешении конфликтов, создание профессиональной системы обучения и методического сопровождения специалистов.

Для этого было необходимо решить ряд задач:

- разработать, содействовать развитию и распространению стандартов и критериев качества медиации и профессиональной деятельности медиаторов;
- выйти на взаимодействие с органами государственной власти и судами в целях продвижения и применения примирительных процедур при рассмотрении споров и разрешении конфликтов;
- содействовать в организации трудовой деятельности медиаторов и социальной защите их прав и законных интересов;
- создавать и организовывать работу примирительных комиссий;
- популяризировать медиацию и восстановительные технологии посредством организации конференций, семинаров и прочих мероприятий, в том числе с помощью средств массовой информации;

- заниматься подготовкой, повышением квалификации, сертификацией специалистов в области медиации и восстановительных технологий;
- разработать и внедрить специализированные программы подготовки специалистов в различных отраслях применения посредничества;
- обобщать и представлять опыт членов ассоциации на российском и международном уровнях;
- содействовать развитию российских и международных связей;
- содействовать созданию территориальных отделений ассоциации.

Однако работа по достижению поставленных целей и задач осложнялась по следующим причинам:

- отсутствие у участников ассоциации знаний и навыков в продвижении своей организации;
- территориальная удаленность членов ассоциации друг от друга (людям из дальних территорий края было крайне сложно отпроситься с работы, найти средства на проезд или просто всем участникам собраться в одном месте);
- нагрузка у каждого из участников ассоциации на своем рабочем месте;
- трудности в выстраивании отношений по вертикали;
- не всегда комфортные внешние условия (казалось бы, в нашем регионе все в курсе того, что происходит, налажена система работы, но при этом было и непонимание, зачем каким-то людям

объединяться в отдельную организацию, некоторыми это воспринималось как противопоставление той системе, которая уже существует);

- разноразличность целей участников ассоциации (у каждого свои цели и мотивы участия в ассоциации, их было достаточно трудно объединить), что, на мой взгляд, оказывало влияние на их периодическое участие в работе ассоциации.

Длительный период времени мы собирались, обменивались информацией, общались на профессиональные темы, поддерживали друг друга, если кому-то было трудно.

Эта внутренняя деятельность в какой-то степени обеспечивала профессиональную и моральную поддержку для членов ассоциации. На тот момент мы делали попытки установить контакты с государственными организациями, занимающимися сходной деятельностью, но эти попытки натолкнулись на некоторое сопротивление и не принесли ощутимых результатов.

На мой взгляд, очень полезным шагом в развитии нашей ассоциации было знакомство с уполномоченным по правам человека в Пермском крае Т.И. Марголиной. Она показала нам необходимость развития внешней деятельности ассоциации (информирование общественности о своей деятельности, участие в различного рода проектах, мероприятиях общественной жизни и пр.).

Переломным моментом для развития нашей ассоциации стал июль 2010 г., когда произошло два события:

1. По инициативе уполномоченного по правам человека в Пермском крае Т.И. Марголиной специалисты нашей ассоциации были приглашены для участия в качестве тренеров и участников обучения в проект Всемирного банка «Расширение сферы прозрачности и гражданской активности на местном уровне».
2. Началось обсуждение проекта федерального закона № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Эти события получили достаточно широкую огласку в средствах массовой информа-

ции; специалисты из различных организаций начали интересоваться этим явлением, возникла необходимость в получении и предоставлении информации о медиации.

На сегодня то, чем занимается ассоциация, можно разделить на несколько направлений:

1. Разработка новых направлений деятельности ассоциации

Обучение и сопровождение специалистов, разрешающих конфликтные ситуации между гражданами и представителями местных органов власти с помощью процедур медиации.

В рамках проекта Всемирного банка «Расширение сферы прозрачности и гражданской активности на местном уровне», куда наша ассоциация была приглашена по инициативе уполномоченного по правам человека в Пермском крае, была проделана следующая работа:

- два члена ассоциации были приглашены в данный проект в качестве тренеров;
- пять представителей ассоциации прошли обучение в качестве участников проекта, а всего обучение прошли более 50 чел.;
- была разработана и реализована обучающая программа «Практика урегулирования конфликтов на местном уровне»;
- представители ассоциации прошли обучающую стажировку в Чешской республике, где познакомились с опытом внедрения медиационной деятельности в работу государственных учреждений и общественных организаций;
- участие председателя ассоциации в работе наблюдательного совета данного проекта;
- по окончании проекта в трех территориях Пермского края появятся медиационные службы, которые будут заниматься разрешением конфликтных ситуаций на местном уровне. В данное время участники обучения проводят первые примирительные процедуры, а тренеры, выезжая к ним в территории, наблюдают за их работой и проводят супервизию.

Сотрудничество с органами ЗАГС в рамках проведения процедур семейной медиации с разводящимися супругами.

Эта идея появилась у одной из участниц нашей ассоциации. На семинаре «Планирование деятельности ассоциации медиаторов с применением форсайт-технологий», который в феврале 2011 г. провели специалисты центра «Судебно-правовая реформа», она поделилась этой идеей и нашла единомышленников, которым эта тема была интересна, и в рамках семинара они спланировали первоначальные шаги в этом направлении.

Участники ассоциации встретились с представителями администрации органов краевого ЗАГСа и договорились о возможности выступления перед представителями местного самоуправления всех территорий Пермского края на краевой ярмарке «Мир свадьбы и семьи», разработке печатной продукции по семейной медиации и размещении информации по данной тематике на сайте краевого ЗАГСа.

В планах работы в данном направлении: публикации в журнале для молодежи, проведение медиаций для людей, собирающихся разводиться, которых будут направлять работники органов ЗАГСа, и заключение договора с краевыми органами ЗАГСа на финансирование данной деятельности.

Сотрудничество с организацией профсоюзов Пермского края

В рамках проекта «Основы медиативного урегулирования трудовых споров на местном уровне» мы проводим обучающие семинары для работников профсоюзов муниципальных образований Пермского края и разрабатываем методические и информационные материалы по вопросам применения процедуры медиации в трудовых спорах.

Медиация в банковской сфере

При посредничестве уполномоченного по делам человека в Пермском крае члены нашей ассоциации встретились со специалистами Пермского филиала банка России, которые были заинтересованы в проведении процедур медиации в сфере своей профессиональной деятельности и ввели у себя особую должность уполномоченного (омбудсмена) для разрешения конфликтных ситуаций, возникающих у банков и их клиентов.

Среди членов ассоциации был определен специалист, который готов работать как медиатор в этой сфере. Сейчас мы готовим выступление перед сотрудниками банков с информацией о медиации.

2. Развитие восстановительных практик в работе с несовершеннолетними

В рамках «традиционной» (для нашего края) деятельности хочется отметить несколько моментов:

- проведение в январе 2011 г. для членов ассоциации и специалистов, разделяющих идеи медиации, семинара-практикума по теме «Семейные конференции в работе с семьей, оказавшейся в трудной жизненной ситуации»;
- назначение специалиста, являющегося членом ассоциации медиаторов, руководителем городской службы примирения;
- участие членов ассоциации в разработке положения о муниципальной службе примирения г. Перми;
- разработка положения и проведение краевого конкурса для ведущих восстановительных программ на описание работы ведущего со сложными случаями;
- достигнуто согласие о размещении материалов и мероприятиях, проводимых ассоциацией, на краевом информационном портале «Ювенальная юстиция в Пермском крае».

В наших планах:

- участие в работе проблемных групп и семинаров по разработке и усовершенствованию нормативной базы в сотрудничестве со специалистами краевого методического центра;
- разработка и проведение исследования деятельности школьных служб примирения;
- разработка и проведение исследования, касающегося изучения эффективности реализации восстановительных процедур (отсроченное влияние восстановительных программ на несовершеннолетних);
- разработка этического кодекса медиатора.

3. Внешняя деятельность ассоциации

В первую очередь, это наши планы, касающиеся:

- создания сайта ассоциации;
- поиска единомышленников, количество которых с каждым днем и новыми проектами увеличивается;

- регистрации ассоциации в качестве юридического лица;
- участия в конкурсах и проектах;
- активного участия в общественной жизни;
- данный список будет обязательно продолжен.

В заключение своей статьи от лица нашей ассоциации хочется выразить благодарность:

Р.Р. Максудову, президенту центра «Судебно-правовая реформа», и сотрудникам его организации за помощь в создании ассоци-

ции, методическую и моральную поддержку нашей деятельности.

Т.И. Марголиной, уполномоченному по правам человека в Пермском крае, и сотрудникам ее аппарата за возможность участия ассоциации в проектах, связанных с медиацией.

Л.А. Соболевой, помощнику председателя Пермского краевого суда, за моральную поддержку и рекламу деятельности ассоциации.

С.Г. Маковецкой, директору Центра гражданского анализа и независимых исследований, и ее сотрудникам за вовлечение ассоциации в общественную деятельность.

Роб ван Паже

СЕМЕЙНЫЕ ГРУППОВЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ: ЭТАПЫ ПРОВЕДЕНИЯ¹

Характеристики семейных групповых конференций

Когда гражданское население сталкивается с реакцией общества на жизнь их семьи (например, в случае если было установлено жесткое обращение с ребенком), помощь, предлагаемая семье и ребенку, зависит от существующих возможностей. Эти возможности в основном включают в себя только небольшую часть всей системы. Важность ресурсов семьи и ближайшего окружения может быть даже не учтена, а это односторонний подход к решению возникшего вопроса. Если принимается решение поместить ребенка вне дома, может возникнуть ситуация, в которой тяжело наладить сотрудничество с родителями, а дети могут попасть в ситуацию риска быть отчужденными от семьи (Никсон, 1999).

Семейная групповая конференция является совершенно иным процессом. Семья остается хозяином проблемы, ей предоставляется возможность самой принять решение.

Семейная групповая конференция имеет четыре отличительные характеристики.

1. Модель принятия решения.
2. Хозяева конференции – это семья и их ближайшее окружение (их люди, время, язык, еда и напитки, их культура и традиции, их план).
3. Ведущим встречи является независимый человек, не занимающий какую-либо

должность в органах социальной защиты населения или в службе помощи.

4. Семья имеет право на получение информации, на личное время, на безоговорочное одобрение плана, если план безопасен и соответствует закону.

Независимые ведущие семейной групповой конференции могут использовать эти характеристики, объясняя людям, с которыми они работают, этапы конференции (семье, их ближайшему окружению, профессионалам), в чем состоит сущность их функции.

Представление независимого ведущего

Ведущий конференции является независимым лицом, не работающим в органах опеки, в службе помощи или правовых организациях. Организуя встречу, он предлагает семье возможность решить проблему, связанную с воспитанием детей.

Задачи

- Составить список совместно с ребенком и родителями, кто из членов семьи и представителей социальной сети может быть включен в состав встречи.
- Информировать всех участвующих о цели, подходах, возможностях и мере ответственности.
- Убедиться в сотрудничестве с референтом, что центральный вопрос поставлен ясно.
- Гарантировать, что формулировка этого вопроса предлагает семье пространство для создания плана.
- Взять на себя заботу об обеспечении практических условий для совещания

¹ Перевод руководства по проведению Семейных конференций, разработанного Р. ван Паже, подготовлен Светланой Коноплевой, координатором представительства гуманитарной организации «СОС – Детские Деревни Норвегии» в Российской Федерации, Мурманск, 2005.

(приглашения, месторасположение, напитки, еда и т. п.), консультируясь с семьей.

- Вести первую фазу совещания и записать план семьи на последней фазе.
- Звонить семье по телефону после определенного времени, чтобы составить список результатов относительно реализации плана.

Представление референта

Референт – это человек, предлагающий семье принять участие в семейной групповой конференции. Если семья соглашается, он обращается в Представительство, которое проводит конференции, чтобы связаться с независимым ведущим. Ведущий подготовит встречу и будет ответственен за ее проведение.

Референтом могут быть социальный педагог из школы, социальный работник, а также сама семья и люди, которых беспокоит судьба семьи.

До начала конференции

- Представить семье преимущество выбора конференции;
- Описать серьезность возникшей проблемы;
- Сформулировать аргументы в пользу конференции, а также подчеркнуть необходимость принятия решения относительно ребенка;
- Работать совместно с ведущим в подготовке к конференции.

Задачи, существующие во время подготовки

Для референта:

- иметь ясное представление о ситуации;
- определить, находится ли под угрозой воспитание и безопасность ребенка / детей;
- четко сформулировать, что необходимо изменить;
- знать возможности и ограничения семейных групповых конференций;
- поговорить с семьей о возможности проведения семейных групповых конференций;
- направить семью в центр семейных групповых конференций или обратиться туда самому после одобрения такого решения семьей.

Для координатора проекта «Семейные групповые совещания»:

- предложить консультацию относительно ситуации;
- определить, подходит ли семейная групповая конференция в данной ситуации;
- ясно сформулировать мотивацию встречи;
- осознать ожидания и тревоги референта;
- проверить, знает ли референт о задачах и ответственности семейной групповой конференции;
- проверить, в порядке ли финансирование;
- найти подходящего ведущего, поинтересоваться, есть ли у него/нее визитные карточки, информационные листки, письма, конверты;
- отправить комплект регистрационных форм;
- выполнять функции бюро помощи.

Для независимого ведущего:

- проверить, является ли семейная групповая конференция тем, что необходимо;
- определить, достаточно ли у него/нее информации;
- определить, доступна ли необходимая информация;
- определить, есть ли у него/нее время и средства;
- определить, есть ли какие-нибудь негативные факторы (соседство, друзья);
- сотрудничать с семьей, координатором, референтом и профессионалами.

Подготовка конференции

- Подготовка является одним из наиболее важных вопросов. В зависимости от каждого случая иногда требуется длительный подготовительный период (около 4 месяцев).
- Независимый ведущий посещает семью и вместе с семьей (ребенком, родителями, ближайшими родственниками) определяет круг людей, которые должны быть приглашены на конференцию. Он выслушивает мнение каждого члена семьи в отношении приглашаемой кандидатуры.
- Семья должна быть мотивирована на проведение конференции, могут быть затронуты вопросы финансирования проезда, выбора места проведения, доступности специалистов.

- Должны быть определены приглашаемые члены семьи, дата проведения конференции, время и место, специалисты.
- Независимый ведущий, если это необходимо, может встретиться с ребенком, чтобы определить человека, который будет его поддерживать во время проведения конференции (иногда эту роль выполняет так называемый «детский адвокат»).
- Независимый ведущий также контактирует с профессионалами и различными организациями, чтобы организовать их присутствие на конференции. Ему необходимо подготовить специалистов к тому, что им, возможно, придется предоставить четкую, полную и достоверную информацию о возможностях самой семьи, «подводных камнях», законных правах и о доступных ресурсах. Данная информация должна быть предоставлена семье и должна учитывать нужды и потребности семьи.

Независимый ведущий должен быть готов, что бывают ситуации, в которых невозможно применить метод СГК, и бывают случаи отказа от СГК после первой встречи.

Этапы проведения семейной групповой конференции

Семейная групповая конференция состоит из трех этапов:

- Обмен информацией.
- Частное время семьи.
- Принятие плана.

Эти три этапа тесно связаны между собой и одинаково важны. Независимый ведущий семейного группового совещания помогает в выполнении всех трех этапов.

Приветствие

Желательно уделить время приветствию и представлению до начала первой фазы совещания. Например, ведущий может подготовить помещение таким образом, чтобы члены совещания чувствовали себя желанными гостями, чтобы им было удобно. Представление также помогает членам совещания чувствовать себя непринужденно.

Представление очень важно, так как не все участники знают друг друга (члены семьи и профессионалы) или давно не виделись

(члены семьи). Независимый ведущий, который знает теперь всех, старается создать атмосферу одинаковой значимости для всех, ведь, в конце концов, встреча одинаково важна для всех присутствующих. Он приветствует всех и выражает признательность, что все собрались для этой важной встречи.

Практический совет

Возможно, что члены семьи могут дать ведущему указание, каким образом они хотели бы открыть совещание. Может быть, они хотели бы перед началом перекусить или чтобы кто-нибудь выступил с особым приветствием. Постарайтесь разрешить семье открыть совещание так, как они желают.

Представление

Независимый ведущий начинает с представления себя, своего имени, своей функции и роли на этой встрече. Его представление кратко и, возможно, может быть образцом представления для других.

Знакомство друг с другом

Независимый ведущий просит присутствующих представиться и пояснить, какое отношение они имеют к ребенку/детям. Дети часто бывают последними в очереди или принимают очередь по кругу.

Дети являются главными

По окончании представления ведущий подчеркивает, что все собрались здесь, потому что они все очень важны для ребенка. Необходимо обсудить существующие проблемы и поиск необходимого решения.

Напряжение

Если ведущий заметил, что между членами семьи существует напряжение, может быть полезным сказать: «Вам, может быть, нелегко находиться здесь, но я высоко ценю ваше присутствие, так как это чрезвычайно важно для ребенка/детей».

Лицо, поддерживающее детей

Независимый ведущий объясняет, кто является лицом, поддерживающим детей, и какова его роль. Подчеркивает, что этот человек в основном помогает детям, гарантирует им то, что они не одиноки. Этот человек может быть «голосом» детей, он поможет детям выразить то, что им необходимо.

Три этапа

Независимый ведущий объясняет, что встреча, которая должна начаться, состоит из трех этапов (обмен информацией, частное время семьи и презентация / принятие плана), и кратко описывает то, что будет происходить на этих трех этапах. Для семьи будет полезно, если программа будет написана на доске / листе.

Правила

Независимый ведущий обсуждает правила проведения семейного группового совещания. Было бы хорошо написать эти правила заранее, это позволит изложить их, и будут представлены наглядно на протяжении всей встречи.

1. Конфиденциальность.
2. Уважать мнение других.
3. У каждого есть шанс выступить.

Роль ведущего

Независимый ведущий кратко объясняет свою роль в совещании и подчеркивает, что он является независимым лицом.

Гибкость

Семья является хозяином встречи, а встреча максимально настроена на потребности семьи. Чтобы обеспечить успех совещания, семья по просьбе присутствующих выражает свои потребности.

Вопросы

До начала первого этапа совещания ведущий спрашивает, есть ли еще вопросы к нему.

Первый этап: обмен информацией

Когда приветствие и представление завершены, ведущий объявляет о начале первого этапа совещания: обмен информацией.

Референт / профессионал

Если семья не начинает первый этап, тогда стоит начинать с референта. Он/она объясняет, почему создано совещание и в чем причина беспокойства. Таким образом, подчеркиваются **мотив и цель** совещания. Референт объясняет семье, с чем он/она столкнулись в данной ситуации, что его/ее беспокоит и что следует изменить. Это фактически центральный вопрос совещания, очень *важно сфор-*

мулировать его ясно, в противном случае это может оказать негативное влияние на результат. Информация должна быть знакома участникам совещания. Важно, чтобы референт подчеркнул также хорошие и сильные моменты.

Сведения о возможностях

Референт и профессионалы в дополнение к информации, которую они представляют, могут сказать что-нибудь о возможностях, которые они, как профессионалы, могут предложить. Нет смысла вдаваться в подробности предложений системы социальной защиты. Профессионалам следует убедиться, что они не предлагают свои идеи по решению. Несмотря на то что их решение могло бы быть возможным решением в данной ситуации, в интересах ребенка, чтобы семья обсудила трудности и включила в обсуждение их собственные возможные пути решения.

Практический совет

Перед ведущим стоит важная задача сохранять баланс между профессионалами, которые предлагают информацию о проблеме, и семьей, которая может задать вопросы о проблеме. Информация о возможностях, которые может предложить система социальной защиты, вполне уместна. Независимый ведущий понимает, что семья может запросить в дальнейшем дополнительную информацию.

Профессионалы

После того как референт представит информацию, другие профессионалы могут обмениваться информацией с участниками совещания. Главное, чтобы информация была представлена ясно, открыто, понятно и приемлемо. Вся информация, относящаяся к делу, должна быть донесена до семьи, чтобы они смогли принять четкое и хорошо продуманное решение о том, что необходимо сделать.

Практический совет

Процесс подачи информации должен быть интерактивным. Это значит, что семья может задавать вопросы о том, что она услышала.

Минимальное требование

Необходимо установить минимальное требование, это как раз подходящий момент для этого. Референт или профессионал заранее предлагают взглянуть на те возможные решения, которые он/она не примут. Напри-

мер: «Дети не могут остаться с другом мамы, который, мы знаем, подвергал их насилию».

Профессионалы должны были подумать над минимальными требованиями и суметь мотивировать их. Важно, чтобы об этом минимальном требовании было сказано семье во время подготовки к совещанию.

Ответственность

Профессионалы отвечают за информацию, которую они предоставляют семье, а также за то, чтобы **копия** этой информации хранилась у них. Независимый ведущий не отвечает за то, чтобы информация, предоставленная семье, была записана.

Отсутствующие профессионалы

Иногда профессионалы не присутствуют на совещании. В этом случае он/она предложит информацию в письменном виде.

Вопросы

Очень важно, чтобы семья понимала, о чем идет речь. На этом этапе ответственностью ведущего является уделить этому особое внимание. После выступления каждого профессионала ведущий может спросить, есть ли у присутствующих вопросы. В любом случае ему нужно спросить каждый раз по окончании обмена информацией: «Есть ли какие-нибудь вопросы? Есть ли то, что не совсем ясно? Все ли ясно всем?».

Заключительная часть этапа обмена информацией

В конце этапа независимый ведущий должен убедиться:

- что семье ясно все, о чем было сказано;
- если необходимо, четко определены минимальные требования;
- референт и профессионалы имели возможность предоставить необходимую и относящуюся к делу информацию;
- семья имеет ясное представление о предложениях и услугах, имеющихся в распоряжении.

Независимый ведущий благодарит профессионалов за то, что они смогли прийти, за их обязательства и четкую информацию.

Второй этап: частное время семьи

Независимый ведущий объявляет о начале второго этапа – частного времени семьи. Семья может обсудить, что они услышали, и ка-

кой план может быть применен для решения проблемы.

Независимый ведущий делает акцент на том, что необходимо детям, и напоминает семье, что это то, на чем сфокусировано обсуждение.

Он рекомендует семье не торопиться и рассмотреть проблему со всех сторон.

Независимый ведущий просит семью:

- согласовать план так, чтобы каждый мог согласиться с ним;
- подумать о том, как реализовать план;
- пояснить, кто и что будет делать;
- подумать, когда, каким образом и кем план будет оценен и выполнен;
- решить, что нужно делать в случае, если план провалится.

Для семьи важно обсудить это частным образом, потому что:

- ответственность за проблему и ее решение находится в руках семьи;
- семья может говорить свободнее, особенно о предметах и темах, которые они не хотели открывать профессионалам.

Независимый ведущий гарантирует, что семья может:

- использовать столько времени, сколько им необходимо;
- использовать пространство творчески и тщательно продумать все в отдельности;
- использовать легкие закуски и напитки и обратиться к профессионалам, если им что-нибудь нужно;
- попросить представить им дополнительную информацию, если нужно;
- позвать ведущего, если они согласны с планом; ведущий может написать план на ватмане.

Независимый ведущий, референт и профессионалы покидают комнату, чтобы семья, их родственники и друзья продумали все тщательно.

Неожиданные случаи

Может случиться что угодно, поэтому ничего не должно быть неожиданным. Если возникает проблема, которую независимый ведущий не может решить немедленно, не торопитесь, разъясните проблему и обратитесь вновь к семье: «Как вы думаете, что нам следует делать?».

Третий этап: презентация и принятие плана

На этом этапе семья представляет результаты своих размышлений. Важно, чтобы ведущий уделил семье достаточно времени и внимания, даже если предыдущий этап занял много времени. На этом этапе план необходимо описать как можно яснее.

Содержание плана

Некоторые семьи могут сами описать план, некоторые просят ведущего сделать это за них. В таком случае необходимо использовать слова семьи. Независимый ведущий убеждается, что каждый шаг ясен. Если необходимо, он просит дополнительных, конкретных объяснений (кто, что, где, когда, как и т. д.).

Независимый ведущий пишет план на ватмане, если этого еще не сделала семья, так, чтобы вся семья могла его прочитать. Используются слова и выражения семьи, а не ведущего. Проверьте, принимает ли семья план в том виде, в каком он написан на ватмане.

Практический совет

Убедитесь, что план написан в присутствии всей семьи. Не должно быть никаких недопониманий. Даже если семья записала план на листке бумаги, было бы мудро переписать его на ватман.

Должно быть видно, в какой части плана активна семья, а в какой части плана необходимы услуги специалистов.

Должно быть ясно указано, кто что делает в этом плане (задавать кто-, что-, когда-вопросы), а также написаны имена на каждой ступени плана.

Практический совет

Независимый ведущий на этой ступени обращает особое внимание на детей и лицо, их поддерживающее, и старается определить, согласны ли они с планом.

Принятие плана

На следующей ступени приглашается референт, и его спрашивают, что он думает о

плане. Референт может попросить пояснений, но он не может влиять на план. Референт не поднимает дискуссию с отдельными членами семьи или социальными работниками. Референт обязан безоговорочно принять план семьи, если он/она не докажут, что план не обеспечивает безопасность для детей, юридически неверен или не отвечает минимальным требованиям.

Оценка

Когда план принят референтом, ведущий заботится о последних деталях.

- Каким образом будет определяться оценка, успешно ли реализован план, и кто будет проводить эту оценку.
- Установите дату оценки и определите, кто будет присутствовать.
- Объясняет, что он/она не будут присутствовать во время оценки, но будут контактировать с семьей в течение трех месяцев, чтобы обсудить, успешно ли реализуется план.
- Объясняет членам совещания, что он/она напишет план и отправит по экземпляру каждому участнику совещания, включая профессионалов, присутствовавших на первом этапе.

Регистрация

Независимый ведущий объясняет, что центр семейных групповых конференций хотел бы знать, как члены конференции восприняли ее. Центру очень важно изучить опыт и усовершенствовать проведение совещаний в дальнейшем. Независимый ведущий раздает формы, чтобы участники могли ее заполнить на месте или дома, а потом отправить по почте в конверте, которые тоже раздаются участникам.

Благодарит всех за сотрудничество.

Завершение совещания

В заключение ведущий благодарит участников за их вклад и содействие и подчеркивает еще раз, что очень важно для детей, что семья и социальные работники показали свою заботу и ответственность за них.

Анна Балаева, Елена Женодарова

«КОМБИНАТОРИКА ПАР»

Наша мастерская¹ была посвящена представлению формы медиации, которая ранее не использовалась нами при работе с конфликтами. Впервые мы познакомились с этой техникой, читая книгу зарубежных авторов «Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методами и профессиональными технологиями»², а чуть позже – и на конференции по восстановительному правосудию в 2010 г. в г. Бильбао, Испания. Авторы, представляющие данную технику, живут и работают в Австрии.

Идея «комбинаторики пар»³ родилась и развивалась в практике оказания помощи при разрешении конфликтов между супругами. По признанию авторов, создавая свою «комбинаторику пар», они опирались на приемы системной семейной психотерапии, провокативной терапии, психодрамы. Ключевым моментом метода является введение косвенной коммуникации, а именно – «отзеркаливания» медиаторами как историй, рассказанных сто-

ронами конфликта, так и их взаимодействия друг с другом на медиации. В связи с этими новшествами появляется особое пространство для рефлексии участниками собственной позиции в конфликте.

Важным моментом «комбинаторики пар» является также работа «рефлексивной команды», которую образуют в определенный момент процесса два медиатора. Хотя коллеги из Австрии связывают метод «рефлексивной команды» с системной семейной психотерапией, для нас эта форма работы скорее переключается с нарративным подходом³, в котором также большое распространение получила работа в «рефлексивной команде». Мы предположили, что работа медиатора в «комбинаторике пар» может быть основана как на принципах системной семейной психотерапии, так и на принципах нарративного подхода. В первом случае допускаются достаточно сильные интервенции в виде интерпретаций, провокаций, во втором – уплотнение предпочитаемых историй с опорой на версию клиента.

На мастерской мы представили только один из вариантов и предложили участникам подискутировать, какая техника была бы наиболее эффективна, полезна при разрешении разных конфликтов. Мастерская была экспериментом как для участников, так и для самих ведущих.

По мнению некоторых участников конференции, пришедших на нашу мастерскую, «комбинаторика пар» может рассматриваться не только как новая форма медиации со

¹ Данная статья написана по итогам прошедшей 14–16 апреля 2011 г. в ЦСПА и РП «Перекресток» МГППУ VII научно-практической конференции по проблемам развития эффективных практик социально-психологической помощи «Позиция специалиста: вклад в изменения социальной реальности».

² Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методами и профессиональными технологиями // Сост.: Г. Мета, Г. Похмелкина / Пер. с нем. М., 2004.

³ «Комбинаторика пар» – модель медиации конфликтов семейных пар во внесудебном разбирательстве. Автор модели Эд Ватцке. Описана данная модель в кн.: Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методами и профессиональными технологиями. Составители: Г. Мета, Г. Похмелкина. М., 2004. С. 247.

³ Основоположителем нарративного подхода считается австралиец М. Уайт. См.: Уайт М. Карты нарративной практики. Введение в нарративную терапию. М., 2010.

своей структурой и обязательными параметрами (например, пара медиаторов – это одно из основных условий и т. д.), но и как целостный подход к работе с трудной ситуацией, требующей поиска решения.

Чем же привлекла наше внимание эта форма работы? Какие дополнительные возможности она дает? После конференции нам удалось провести «комбинаторику пар» с семьей (мужем и женой), поэтому наши впечатления от этой процедуры являются результатом работы не только на мастерской (с «симулированной» проблемой), но и работы с реальным случаем из жизни. Практический опыт расширил наше представление о возможностях «комбинаторики пар», о тех эффектах, которые мы наблюдали в процессе, чем, собственно, мы и готовы с вами поделиться.

Работать в паре с другим специалистом не всегда просто по разным причинам. Иногда, уже в процессе, обнаруживается, что подходы, практикуемые специалистами, работающими в паре, отличаются (например, своей философией и транслируемыми ценностями). Также у работающих в паре специалистов не всегда совпадает представление, в какой момент и в каком направлении необходимо изменить ход беседы. Кто-то из специалистов вдруг начинает проявлять излишнюю активность или, наоборот, становится пассивным и т. п. Это с большой вероятностью может оказать негативное влияние как на взаимодействие внутри пары специалистов, так и на клиентов и, как следствие, на результат медиации.

Вообще работу в паре как форму работы с клиентом часто используют не только в медиации, но и в консультировании, в психотерапии и т. д. И в этом смысле может показаться, что ничего нового мы не предлагаем. Но не будем спешить с выводами.

В «комбинаторике пар» участие пары медиаторов – это не просто один из приемов в работе с клиентом. Это является условием (параметром) и неотъемлемой частью структуры процесса на протяжении всей работы с клиентом. У каждого медиатора в определенный момент (на одном из этапов) своя задача – свой минипроцесс, а на другом этапе – это уже совместная деятельность, требующая предварительных договоренностей, согласованности действий и полной включенности. В каждый момент процедуры медиаторы связаны друг с другом и в какой-то степени зависят друг от друга, поэтому важно, чтобы их активность и позиции были уравнове-

ны. Это вносит баланс в работу ведущих и автоматически разделяет ответственность за ведение процесса.

Структура «комбинаторики пар» включает в себя параллельные и последовательные этапы работы. Мы постараемся их описать с опорой на практику – работу с реальным случаем.

Первый этап – это этап получения запроса от клиента. В нашем случае работы с реальным конфликтом клиент обратился с просьбой помочь наладить взаимодействие с супругом по некоторым вопросам и, соответственно, найти взаимоприемлемое решение. Важно отметить, что второй супруг при этом не присутствовал, но, по заверению первого, разделял с ним точку зрения на проблему и готовность ее решать. Совершенно очевидно, что в подобной ситуации (когда первый был услышан, а второй оставался для медиаторов в «тени») невозможно четко ограничить тему заявленной проблемы. Понимая это, при подготовке к медиации мы проработали ситуацию, где второй супруг, с которым мы не встречались, задаст другое или дополнительное направление ходу беседы. Договорились о времени встречи и ее продолжительности (не менее трех часов).

Второй этап – это индивидуальная беседа. На этом этапе медиаторы работали одновременно в разных комнатах с одним из супругов. Наше предположение относительно того, что супруги по-разному озвучат суть проблемы, ее источники, свои видения решения, а также предпочтения двигаться в том или ином направлении в беседе с медиатором, подтвердилось на практике. На наш взгляд, это было чрезвычайно важно и полезно, так как история, рассказанная в присутствии другой стороны, имеет несколько другое содержание. Она отчасти ориентирована на другого (в данном случае супруга) и влечет за собой дополнительную цель – влияние на него. В такой ситуации вполне вероятно, что рассказ другого будет просто отзывом на услышанную историю. Это влияет на «чистоту» и полноту информации (на сам текст, на эмоциональные проявления и на отношение к ситуации). В своей работе мы были застрахованы от подобного рода искажений.

Третий этап – «отзеркаливание историй». На этом этапе медиаторы по очереди, в присутствии семейной пары, пересказывали друг другу их истории. Далее следовала «зеркальная корректура», где каждой из сторон было

предложено отнести к услышанной от медиатора собственной истории (что было забыто при пересказе, что неверно понято медиатором, что хотелось бы добавить).

«Комбинаторика пар» направлена, с нашей точки зрения, на усиление момента «отзеркаливания» личного опыта участников, которое так важно в медиации. «Отзеркаливание» становится краеугольным камнем всего процесса: именно пересказ медиаторами друг другу историй клиентов может задать тон, ритм медиации, обнаружить наиболее острые зоны конфликта. Как говорили участники мастерской, прослушивание собственной истории успокаивает чувства, структурирует пространство конфликта, придает значимость и новое звучание тому, что было обесценено в конфликтном взаимодействии. Прослушивание истории своего визави в исполнении медиатора может вызвать эффект инсайта, открыть новые грани переживаний другого человека, что само по себе является шагом к разрешению конфликта, хотя вначале это может быть достаточно болезненно. Часто конфликт отражает дисбаланс власти в отношениях двух людей: например, жена привыкла всегда уступать мужу, мать командует дочерью. Эти паттерны отношений становятся очевидными при пересказе историй медиаторами: как в пазле, когда один элемент всегда имеет выступающую часть, а другой, напротив, – пустоту, недостачу. Медиатор при всей своей нейтральности не может и не должен игнорировать этот дисбаланс. Об этом пишут и авторы «Нарративной медиации» Джон Уинслэйд и Джеральд Монк⁴. Задача медиатора – сделать так, чтобы наступило относительное равновесие хотя бы в конкретной ситуации конфликта. Достижение этого равновесия и может стать залогом разрешения конфликта. Другое дело, что медиация не всегда направлена на долгосрочный эффект, которого имеет смысл добиваться в более длительном формате терапии.

Следующий этап – «наблюдение». Перейдя к нему, мы передали слово супружеской паре, а сами сконцентрировались на наблюдении за тем, что происходит между сторонами. Супругам была предоставлена возможность отозваться уже на услышанные истории. В определенный момент, уловив паузу в общении сторон, мы перешли к следующему,

на наш взгляд, чрезвычайно важному этапу – «рефлексии команды».

На этапе «рефлексии команды» медиаторы общаются только друг с другом, пресекая всякую активность сторон. Они делятся своими наблюдениями за взаимодействием сторон, отзываются о том, что им откликнулось в их беседе, соотносят это со своим личным опытом. Медиаторы избегают оценок, усиливая ресурсные моменты; обращают внимание на информацию, озвученную какой-то из сторон, и, возможно, не услышанную другой стороной, но важную для решения проблемы, и т. д. Работая в «рефлексивной команде», медиаторы могут выдвигать гипотезы, проводить аналогии, предлагать метафоры, но все это необходимо сразу перепроверять в обратной связи (что откликнулось или не откликнулось у сторон и почему).

Получение обратной связи от каждой стороны можно рассматривать как промежуточное действие между этапами «рефлексивная команда» и «наблюдение» (к нему мы возвращаемся после отзыва клиентов на услышанное во время работы «рефлексивной команды»). В процессе обратной связи каждый медиатор может задавать уточняющие вопросы обеим сторонам, тем самым добавляется момент «диагонального» общения (см. рис.). «Рефлексивная команда» может быть неисчерпаемым источником развития взаимодействия участников, механизмом коррекции острых моментов, ресурсом построения альтернативных ландшафтов, обогащения личных предпочитаемых историй. При этом живое общение двух медиаторов с последующим обращением к сторонам создает уникальную партнерскую атмосферу, которая позволяет удивительным образом разделить ответственность за движение к желаемому результату между всеми парами, комбинации которых складываются на разных фазах процесса. Добавим, что процесс перехода от этапа «рефлексивная команда» к этапу «наблюдение» (когда стороны общаются между собой) и обратно происходит до тех пор, пока стороны не придут к тому или иному решению. Далее сторонам предлагается заключить письменный договор относительно принятых ими решений и их реализации.

При проведении «комбинаторики пар» чрезвычайно важен вопрос подхода, практикуемого медиаторами. Апробировав данную технологию на мастерской и в работе с реальным конфликтом, мы пришли к выводу, что

⁴ Уинслэйд Д., Монк Дж. Нарративная медиация: новый подход к разрешению конфликтов. М., 2009.

для нас наиболее комфортным и безопасным (и, возможно, для клиентов тоже) является нарративный подход. Что дает нарративный подход? Во-первых, помогает усилить безоценочность (медиаторы избегают одобрения, критики, интерпретаций чувств, мыслей, действий сторон), это сохраняет нейтральность медиаторов и конструктивность во взаимодействии всех участников. Во-вторых, в нарративном подходе предлагаются схемы расспрашивания клиента, которые позволяют клиентам двигаться в предпочитаемом направлении, выявляют их ценности, уникальные эпизоды в их жизненной истории, сферы и временные зоны на линии жизни, где проблемы нет или ее влияние на семью (клиента) минимально, помогают найти решения, даже в контексте конфликта. В-третьих, нарративный подход помогает включать в ситуацию личный опыт медиаторов в виде откликов в том случае, если медиатор понимает, что это может быть полезно сторонам. И наконец, задает бережный, уважительный, но при этом не приукрашивающий стиль взаимодействия с опорой

на реальные и потенциальные ресурсные зоны участников конфликта.

В заключение хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, «комбинаторика пар» очень экологичная и эффективная форма работы с парой клиентов (супругами, родителем и ребенком, соседями, сотрудниками и т. д.), заинтересованных в поиске решения общей проблемы.

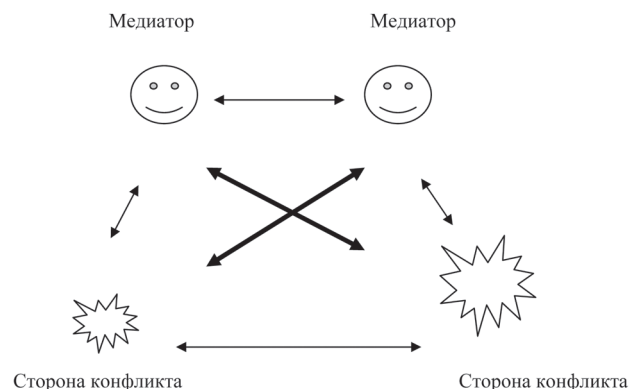

Рис. Схема взаимодействия участников и медиаторов в ходе совместной встречи

Анастасия Великоцкая

СЕМЕЙНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ТЕХНОЛОГИИ

Идея проведения Семейных конференций с клиентами нашего Центра возникла у нас достаточно давно, так как наш Центр специализируется на работе с подростками и работа с семьей является неотъемлемой частью оказания помощи подростку в сложной ситуации. Но длительное время эту идею не удавалось реализовать, что, возможно, было связано с особенностями Семейной конференции как технологии, родившейся в Новой Зеландии и не в полной мере адаптированной к нашей российской действительности.

Семейная групповая конференция имеет четыре отличительные характеристики¹:

1. Это модель принятия решения.
2. Хозяева конференции – это семья и их ближайшее окружение (их люди, время, язык, еда и напитки, их культура и традиции, их план).
3. Ведущим встречи является независимый человек, не занимающий какую-либо должность в органах социальной защиты населения или в службе помощи.
4. Семья имеет право на получение информации, на личное время, на безоговорочное одобрение плана, если план безопасен и соответствует закону.

Казалось бы, она предоставляет большие возможности семье в поиске решения. Но предлагая семьям созвать конференцию для поиска

решения в их ситуации, мы часто сталкивались с тем, что права и свобода выбора, которые обеспечивает семье формат Семейной конференции, скорее, пугали или вызывали недоумение. Что же это за помощь, если мы (члены семьи) все решаем сами? В чем же тогда роль специалиста, если мы можем и сами собраться дома и все решить?

В какой-то момент в нашей практике стали появляться случаи, когда клиенты сами интуитивно искали такую форму для выработки и принятия решения по сложившейся в семье ситуации. В этих случаях члены семьи воспринимали наше предложение провести Семейную конференцию с радостью, считали это наиболее подходящим форматом и удивлялись, что «так можно».

На настоящий момент разработаны две основные модели Семейных конференций, которые очень близки друг к другу. Первая модель – это «Семейная конференция по принятию решения», вторая – «Семейная конференция как программа восстановительного правосудия». Основное различие этих моделей – задействована ли для решения вопроса одна семья или участвуют две семьи, находящиеся в конфликте.

Важно отметить, что в Новой Зеландии «Семейная конференция как программа восстановительного правосудия» является частью процесса правосудия и применяется для решения вопросов заглаживания вреда потерпевшей стороне, если преступление совершил несовершеннолетний. На такой конференции может рассматриваться вопрос о необходимости пребывания несовершеннолетнего под стражей или могут быть разработаны рекомендации для рассмотрения в суде, как сле-

¹ Семейные групповые конференции. Этапы проведения. (Перевод руководства по проведению Семейных конференций, разработанного Р. ван Паже, подготовлен Светланой Коноплевой, координатором представительства гуманитарной организации «СОС – Детские Деревни Норвегии» в Российской Федерации), Мурманск, 2005 (см. с. 91 наст. «Вестника»).

дует действовать в отношении несовершеннолетнего в данной ситуации.

Существует четыре вида Семейных конференций в зависимости от ситуации несовершеннолетнего²:

- 1) намерение предъявить обвинение;
- 2) Семейная конференция по вопросу нахождения под стражей;
- 3) вина не отрицается;
- 4) вина признана или доказана.

Опираясь на случаи из нашей практики и указанные выше материалы о Семейных конференциях, предоставленные нам нашими коллегами из центра «Судебно-правовая реформа», мы хотели бы описать основные этапы Семейной конференции и задачи, которые необходимо решать ведущему конференции в зависимости от модели конференции и состава участников. (таблица в конце статьи).

Как видно из таблицы, Семейная конференция состоит из двух основных этапов: подготовка и проведение конференции.

Подготовка Семейной конференции – это наиболее важный этап, от которого могут зависеть результаты конференции, и наиболее трудоемкий этап для специалистов, так как здесь требуется провести большое количество предварительных встреч с участниками конференции, соотнести вместе с ними темы, которые будут обсуждаться, составить список приглашенных. В нашей практике именно на этом этапе мы сталкивались с наибольшими трудностями.

Этап проведения Семейной конференции включает в себя 3 фазы:

- обмен информацией;
- частное время семьи;
- принятие плана.

Но еще до начала конференции ведущему необходимо подготовить помещение и организовать пространство, в котором будет проходить встреча. Это очень важная составляющая Семейной конференции, так как организация пространства (расположение стульев, наличие стола, свободного пространства и т. п.) непосредственно влияет на расположение участников и на то, насколько свободно они себя чувствуют в процессе общения. Иногда участники конференции предпочитают,

чтобы между ними было несколько свободных мест, так как чувствуют неловкость, когда сидят все вместе.

В ходе конференции расположение участников может меняться в зависимости от того, что происходит, поэтому важно предоставить участникам свободное пространство. Алан Мак Рей предлагает при расстановке стульев принимать во внимание следующие моменты:

- во многих культурах принято садиться в круг или в форме полукруга;
- рассадить людей так, чтобы не надо было проходить мимо человека, с которым они находятся в конфликте;
- постарайтесь, чтобы яркий свет или солнце не светило в глаза присутствующим;
- постарайтесь воспрепятствовать желанию участников сидеть за пределами круга / полукруга.

Важно организовать еду для участников конференции, так как обычно такие встречи занимают много времени – это может быть еда, которую принесет на конференцию семья (по договоренности с ведущим и другими участниками), а может быть необходимый минимум напитков и закусок, которые предоставляет организация, где проводится конференция. Для достижения необходимого эффекта очень важно, чтобы встреча не прерывалась неожиданными посетителями, телефонными звонками или иным образом, поэтому лучше всего, если встреча проходит в помещении с отдельным входом, где нет стационарного телефона.

В начале конференции необходимо представиться как ведущему, так и участникам. Ведущий должен рассказать, что будет происходить, и о правилах встречи:

- конфиденциальность;
- уважать мнение других;
- у каждого есть шанс выступить.

Важно, чтобы правила были написаны заранее (например, на доске или на листе ватмана). Так они будут представлены наглядно на протяжении всей встречи, и участники смогут обращаться к ним в отсутствие ведущего.

Как уже отмечалось, задачи ведущего могут меняться в зависимости от модели Семейной конференции и состава участников (см. таблицу). Чтобы проиллюстрировать это, обратимся к случаям из практики.

² См. работу Алана Мак Рея, координатора по делам несовершеннолетних «Семейные конференции: эффективный процесс правосудия». Веллингтон, Новая Зеландия. (Перевод Н.С. Силкиной. Архив центра «Судебно-правовая реформа»).

Семейная конференция как программа восстановительного правосудия

Мы работали со случаем правонарушения, в котором и обидчики, и пострадавшие были несовершеннолетними. Подростки-правонарушители встретились в подъезде с ребятами, которые пришли на день рождения к их общей знакомой. Они были незнакомы с этими ребятами, и им не понравилось, как приехавшие гости себя ведут и как выглядят: они выглядели как «челочки» (длинные челки, яркая стильная одежда, серьги). Поэтому обидчики приняли потерпевших за молодых людей нетрадиционной ориентации и стали им угрожать. Испугавшись, потерпевшие выбежали из подъезда и стали убегать через дворы, но так как они плохо знали район, в отличие от обидчиков, те их быстро догнали, избили и обокрали. Когда мы начали проводить встречи с обвиняемыми подростками и их законными представителями, выяснилось, что семья одного из обидчиков хочет встретиться с семьей одного из потерпевших. Семьи были очень похожи – обоим подросткам воспитали отчимы, которые на предварительных встречах «сокрушались», что их сыновья «не могут постоять за себя» и «никак не повзрослеют». Мы понимали, что семьи найдут общий язык, и решили организовать их встречу.

Готовясь к встрече, мы ориентировались на технологию проведения классической медиации жертвы и обидчика, но в какой-то момент нам стало понятно, что встречу необходимо проводить в формате Семейной конференции.

Существует несколько способов участия жертв в Семейных конференциях:

- полное участие на протяжении всей конференции;
- присутствие только на части конференции (фазе обмена информацией).

В нашем случае семья потерпевшего участвовала в обсуждении на протяжении всей встречи.

В начале встречи мы предложили семье потерпевшего и семье обвиняемого выразить свое отношение к ситуации правонарушения. Так как ситуация была связана с ограблением и избиением, родители подростков много времени уделили обсуждению, что значит «постоять за себя», в каких ситуациях конфликты между молодыми людьми могут привести к драке и как другими способами можно выходить из таких ситуаций. В это обсуждение

активно включились отчимы подростков – они делились своим опытом, рассказывали ситуации из своей жизни. Это была достаточно напряженная часть встречи, так как матери были взволнованы, мужчины несколько агрессивны в своих высказываниях. Нам как ведущим необходимо было уделять много внимания очередности высказываний, и чтобы у всех, особенно у подростков, была возможность высказаться. Мы задавали много уточняющих вопросов и призывали участников задавать вопросы друг другу, чтобы стороны могли наладить коммуникацию.

В какой-то момент семьи наладили общение друг с другом и пришли к выводу, что и потерпевший подросток, и обвиняемый в разной степени несут ответственность за то, что произошло.

Подросток-потерпевший, по мнению семьи, был недостаточно осторожен, когда согласился поехать на празднование дня рождения в незнакомый район и в незнакомую компанию в позднее время. Семьи обсудили также тему подростковых субкультур, так как именно стиль одежды и прическа потерпевшего подростка стали причиной конфликта. Выяснилось, что потерпевший подросток не относил себя к какой-то определенной субкультуре, а просто считал, что «это красиво». К моменту встречи у него уже была другая прическа, он перестал подкрашивать волосы и изменил стиль в одежде, так как после ситуации правонарушения стал серьезно относиться к тому, как выглядит и, главное, какое впечатление производит на окружающих и своих сверстников.

Ответственность обвиняемого подростка, по мнению семьи, заключалась в том, что, не разобравшись в ситуации, он пошел на поводу своего друга и применил физическую силу, хотя серьезных причин для этого не было, а также в том, что не рассказал своей семье о ситуации, пытаясь «исправить» последствия самостоятельно. Из-за этого у семьи не было возможности включиться в ситуацию до того момента, как потерпевшие написали заявление в милицию, и встретиться с родителями потерпевших, чтобы разобраться в произошедшем.

Обсуждая план по исправлению последствий, семьи включили в него пункты, касающиеся отношений обвиняемого с родителями (например, «сообщать, где находится»), а также касающиеся круга общения обвиняемого подростка и его интересов («больше об-

щаться с компанией, которая увлекается футболом»), вопросов употребления алкоголя, участия в драках и т. п.

Если сравнивать технологию проведения медиации обидчика и жертвы и Семейной конференции как программы восстановительного правосудия, то можно найти много общих моментов. Так, и в том и в другом случае в задачи ведущего входит прояснение ситуации правонарушения, обсуждение последствий правонарушения и налаживание коммуникации между сторонами. Но в Семейной конференции появляется дополнительный контекст – отношение к ситуации правонарушения семьи как группы, обсуждение стратегий воспитания несовершеннолетних родителями, что в итоге может быть включено в план по заглаживанию вреда. Это существенно расширяет как возможности коммуникации сторон, так и возможности обвиняемого заглаживать вред.

Одним из результатов этой Семейной конференции стало то, что подростки, конфликт между которыми возник из-за «непохожести», увидели и услышали на встрече семей, что в их опыте и в опыте их родителей есть много общего. В итоге семьи договорились, что будут и дальше поддерживать отношения, и решили продолжить общение уже в более неформальной обстановке, в кафе или в ресторане.

Как отмечает Алан Мак Рей, какое-нибудь совместное мероприятие для празднования успешного завершения плана – это неплохой способ позитивного завершения конфликтной ситуации для всех участников. Один из вариантов – семья ребенка/несовершеннолетнего приглашает жертву к себе домой на праздничный обед. Подобные варианты также должны служить дополнительной мотивацией для ребенка/несовершеннолетнего в отношении выполнения плана.

Через некоторое время, когда наш специалист спросила подростка-правонарушителя, для которого созывалась эта конференция, что поддерживает его сейчас в сложных ситуациях, он ответил, что основную поддержку он получает в семье.

Один из специалистов нашей службы, проводивший работу с подростком-правонарушителем, сообщила, что у подростка существуют проблемы «на улице»: он продолжает находиться в криминализованной среде, где происходит распространение наркотиков, возможно, сам употребляет наркотики, что может привести к повторным правонарушениям. При этом подросток неохотно делится на

встречах такой информацией, но у него есть желание обсудить эту ситуацию с семьей. Это была семья молдаван, достаточно большая и дружная, у них был свой бизнес, они поддерживали друг друга и «дружно воспитывали» нашего клиента. Подросток ценил отношения со своими близкими, хотел поговорить о своей ситуации с дядей, но боялся, что этим разговором он добавит проблем семье и ему перестанут доверять.

В этом случае, организуя Семейную конференцию, мы акцентировали внимание членов семьи на том, что у них как у семьи достаточно ресурса, чтобы помочь подростку решить свои проблемы. Здесь было важно обратить внимание семьи на то, что встреча проводится, чтобы поддержать подростка, а не наказать, так как у семьи уже был большой опыт проведения семейных встреч по поводу его поведения.

Часто несовершеннолетний хочет быть похожим на какого-то человека, которого тоже необходимо пригласить на Семейную конференцию. Присутствие человека, которого уважает подросток, и его помощь в исправлении ситуации может содействовать созданию у несовершеннолетнего положительного отношения касательно его обязательств. Этот человек также может выступать в качестве адвоката подростка. В нашем случае таким человеком был дядя подростка, поэтому мы приложили максимум усилий, чтобы он присутствовал на конференции.

В этой ситуации и при подготовке конференции и во время ее проведения большую роль играли культурные традиции семьи. На предварительных встречах мы много времени уделяли списку участников: члены семьи долго обсуждали, приглашать ли дядю, о котором говорит подросток, так как он был «не из семьи» (муж тети), приглашать ли бабушку как «старшую женщину». Во время проведения конференции семья долго решала, кто из них будет вести конференцию, и это был один из немногих случаев, когда семья принесла на конференцию свою еду.

В какой-то момент мы поняли, что в ситуации, когда в семье так важна тема «старшинства», необходимо, чтобы на конференции была двоюродная сестра подростка, иначе подросток будет находиться в очень уязвимой позиции. Уже в конце конференции стало ясно, что это решение было правильным – оказалось, что сестра была младше его на год.

Важную роль в этом случае сыграла и организация пространства – мы выделили семье для встречи помещение с отдельным входом, что было воспринято членами семьи как акт большого доверия. В этом случае вопрос касался ситуации, которую подросток был готов доверить только своим близким, и обсуждение проблемы в присутствии специалистов было невозможно. Поэтому в начале конференции члены семьи чувствовали себя неуютно. Оставшись семейным кругом, они смогли обсудить все свои вопросы.

Основным результатом этой конференции стало то, что подросток «занял свое место» в семье, почувствовал поддержку и доверие близких. Если в начале конференции он старался сидеть в стороне, то на фазе принятия плана он уже сидел со всеми за столом и активно включался в обсуждения.

В случаях когда Семейная конференция проводится с включением специалистов, важной частью работы становится подготовка профессионалов к участию в конференции. Здесь можно предложить специалистам заранее подумать о тех возможных решениях проблемы, которые они будут предлагать семье.

Во время проведения конференции на фазе обмена информацией важно обращать внимание, чтобы процесс коммуникации семьи со специалистами был интерактивным, чтобы семья могла задавать вопросы и понимала, что имеют в виду специалисты. Также необходимо следить за тем, чтобы специалисты не делились своими идеями решения проблемы, а давали семье необходимую информацию для поиска решений.

В случаях когда проводится Семейная конференция с включением специалистов, конференция может стать поддержкой не только для членов семьи, но и для специалиста, работающего с семьей.

Так, в одном из случаев к нам обратились за помощью специалисты службы сопровождения приемных семей. Они работали с семьей, в которой женщина год назад взяла под опеку 12-летнего мальчика. В течение года женщине удавалось поддерживать отношения с приемным подростком, но в какой-то момент их отношения разладились, стали возникать конфликты: мальчик отказывался ходить в школу, закрывался в своей комнате, пытался уйти из дома и начал говорить о том, что хочет обратно в свой интернат.

С семьей работали несколько специалистов: раз в неделю в семью выезжала семей-

ный терапевт, несколько раз в неделю к мальчику приезжал социальный работник, который сам был приемным отцом двух подростков, параллельно семью консультировал координатор службы, поддерживающий связь с районным отделом опеки и попечительства, подросток регулярно встречался с подростковым терапевтом. Но ситуация становилась все более непредсказуемой, конфликты приемной мамы и подростка становились все острее, дело доходило до драк.

В этом случае Семейная конференция стала пространством для прояснения сложившейся ситуации. На этапе подготовки при обсуждении темы конференции и списка участников стало понятно, что у членов семьи очень разное отношение к приемному ребенку – дочь женщины считала решение своей матери взять под опеку мальчика такого возраста неразумным, бабушка (мать женщины) была категорически против мальчика.

Так же, как и у членов семьи, у специалистов было разное представление о работе с семьей. Им не всегда удавалось скоординировать свои действия и выделить основную стратегию работы. На конференции и у специалистов, и у семьи появилась возможность обсудить возникшие трудности, поделиться своими идеями.

В результате семья через некоторое время приняла свое независимое решение по поводу ситуации, которое удивило специалистов: приемная мама сообщила, что готова устроить мальчика в реабилитационный центр, так как понимает, что она не справляется с его воспитанием, а также о том, помощь каких специалистов ей необходима в этой ситуации.

Для нас это было важным результатом Семейной конференции, так как эти решения показывали, что семья берет ответственность за изменение сложной ситуации и использует возможности выбора профессиональной помощи. Важно и то, что если до конференции ситуация ухудшалась и была неопределенной, то после конференции ситуация стабилизировалась и семьей были приняты решения.

В заключение хотелось бы обратить внимание на два основных «эффекта» Семейных конференций, которые мы отметили, работая с разными случаями.

Во-первых, это актуализация способности семьи принимать решения и обращаться к своим способам и стратегиям выхода из сложных ситуаций. Это стало результатом конференции в последнем из описанных случаев,

когда семья «предложила» специалистам свою стратегию выхода. Также это было одним из результатов в описанном здесь случае работы с подростком и расширенной семьей – через несколько месяцев после конференции семья приняла решение, что подростку необходимо пройти курс лечения от химической зависимости, и самостоятельно организовала такое лечение.

Во-вторых, это восстановление баланса власти и старшинства в семье, когда распределяется ответственность родителей и ребенка, и они «занимают свои места» в системе. Этот эффект мы отметили в случае работы с подростком и расширенной семьей, после которой подросток почувствовал включенность взрослых в свою ситуацию. В результате это привело к тому, что когда в следующий раз он попал в сложную ситуацию, его близкие выслушали его и предложили свою помощь.

Об этом же эффекте можно говорить и в приведенном в этой статье случае Семейной конференции как восстановительной программы, где подросток, участвовавший в программе, почувствовал поддержку со стороны своей семьи и стал обращаться к ней и в других сложных ситуациях.

Важно отметить также, что даже если непосредственно на конференции семья не находит нужной стратегии решения проблемы и разработанный план не выполняется, полученный опыт обсуждения проблемной ситуации и разработки плана не проходит «бесследно» и помогает семье найти нужное решение чуть позже. Можно предположить, что формат Семейной конференции включает обучающий элемент, что позволяет семье в дальнейшем находить нужные решения самостоятельно без помощи профессионалов.

Основные задачи ведущего		Дополнительные задачи ведущего		
		СК как программа восстановительного правосудия	СК с включением расширенной семьи	СК с подключением специалистов
Этап подготовки конференции	<ul style="list-style-type: none"> составить ясное представление о ситуации; обсудить список участников и тему встречи; выслушать мнение каждого участника в отношении приглашаемых кандидатур и темы встречи; обсудить вопросы финансирования проезда, выбора даты и места проведения конференции 	<ul style="list-style-type: none"> консультации с семьей правонарушителя относительно списка приглашенных, процедуры конференции, даты, времени и места; консультации с жертвой относительно даты, времени и места проведения конференции; сообщить жертве о правах и способах взаимодействия во время конференции; содействовать в достижении 	<p>Сообщить семье:</p> <ul style="list-style-type: none"> что ответственность за проблему и ее решение находится в их руках; они смогут говорить свободно о предметах и темах, которые они не хотели бы открывать профессионалам; установить, есть ли какие-либо культурные ценности или правила этикета, которые члены семьи хотели бы видеть в процессе конференции 	<ul style="list-style-type: none"> создать рабочие отношения с организациями; установить контакт с профессионалами, чтобы организовать их присутствие

Основные задачи ведущего		Дополнительные задачи ведущего		
		СК как программа восстановительного правосудия	СК с включением расширенной семьи	СК с подключением специалистов
		соглашения по дате, времени и месту проведения конференции		
Этап проведения конференции	Подготовка помещения			
	<ul style="list-style-type: none"> • организовать большое пространство, чтобы люди могли покинуть помещение с минимумом неудобств; • организовать доступ в другую комнату для организации личных обсуждений; • позаботиться о том, чтобы в комнатах были ручки, бумага, ватман, доска для записи правил и т. п.; • организовать минимум закусок и горячих напитков (чай, кофе, печенье и т. п.) 	<ul style="list-style-type: none"> • организовать большое пространство и больше посадочных мест, чем необходимо, чтобы дать участникам возможность выбора 		<ul style="list-style-type: none"> • организации могут предложить место для проведения конференции
	Информация от ведущего			
	<ul style="list-style-type: none"> • уделить время приветствию и представлению участников; • представиться, объяснить свою функцию и роль на встрече; • объяснить, что встреча состоит из трех этапов, и кратко описать, что будет происходить; 			

Основные задачи ведущего		Дополнительные задачи ведущего		
		СК как программа восстановительного правосудия	СК с включением расширенной семьи	СК с подключением специалистов
Этап проведения конференции	<ul style="list-style-type: none"> • обсудить правила проведения встречи; • разрешить семье открыть конференцию так, как они желают 			
	Первая фаза конференции – обмен информацией			
	<ul style="list-style-type: none"> • обсудить, почему созвана конференция, в чем состоит беспокойство и что следует изменить; • подчеркнуть хорошие и сильные моменты; • сообщить о возможностях, которые могут предложить профессионалы <p>Сообщить семье о том, что необходимо:</p> <ul style="list-style-type: none"> • согласовать план так, чтобы каждый мог согласиться с ним; • подумать о том, как реализовать план; • пояснить, кто и что будет делать; • подумать, когда, каким образом и кем план будет оценен и выполнен; • решить, что нужно делать в случае, если план провалится 	<ul style="list-style-type: none"> • удерживать в центре внимания ситуацию правонарушения; • дать несовершеннолетнему и его семье информацию, необходимую им для понимания сложившейся ситуации; • попросить жертву рассказать о последствиях правонарушения; • установить коммуникацию между двумя сторонами 		<ul style="list-style-type: none"> • сохранять баланс между профессионалами, которые предлагают информацию о проблеме, и семьей. <p>Убедиться, что:</p> <ul style="list-style-type: none"> • семье ясно все, о чем было сказано; • если необходимо, четко определить минимальные требования; • профессионалы имели возможность предоставить необходимую и относящуюся к делу информацию; • семья имеет ясное представление о предложениях и услугах, имеющихся в их распоряжении
Вторая фаза конференции – частное время семьи				
<p>Семья может:</p> <ul style="list-style-type: none"> • использовать столько времени, 	<p>Семья может</p> <ul style="list-style-type: none"> • попросить жертву присоединиться 		<p>Семья может:</p> <ul style="list-style-type: none"> • обратиться к профессионалам 	

Основные задачи ведущего		Дополнительные задачи ведущего		
		СК как программа восстановительного правосудия	СК с включением расширенной семьи	СК с подключением специалистов
Этап проведения конференции	<p>сколько им необходимо;</p> <ul style="list-style-type: none"> использовать пространство; использовать легкие закуски и напитки; обратиться к ведущему для разъяснения некоторых вопросов; позвать ведущего, если все члены семьи согласны с планом 	<p>к ним в любой момент обсуждения</p>		<p>за дополнительной информацией</p>
	Третья фаза конференции – принятие плана			
	<ul style="list-style-type: none"> убедиться, что каждый шаг плана ясен (кто, что, где, когда, как и т. д.); записать план так, чтобы вся семья могла его прочитать (например, на ватмане); обсудить, как будет проводиться оценка плана; установить дату оценки и определить, кто будет присутствовать; копировать экземпляр плана для каждого участника конференции 	<ul style="list-style-type: none"> попросить несовершеннолетнего правонарушителя представить план; спросить жертву, что бы она хотела добавить в план или убрать из него; записать решения, рекомендации или планы, принятые на конференции, и передать их соответствующим лицам и органам 	<ul style="list-style-type: none"> обратить особое внимание на детей и обсудить, согласны ли они с планом 	
После конференции				
<ul style="list-style-type: none"> контактировать с семьей в течение трех месяцев, узнавая, успешно ли реализуется план 			<ul style="list-style-type: none"> организации могут участвовать в мониторинге результатов или всего плана 	

Людмила Карнозова, Антон Коновалов

РАБОТА МЕДИАТОРОВ СО СЛУЧАЕМ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ, ПОВЛЕКШЕГО СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА

Участники истории¹

Андрей, 11 лет

Екатерина – его мать

Иван – погибший юноша, 20 лет

Лидия Николаевна – его мать

Зинаида Петровна – бабушка Ивана, мать

Лидии Николаевны

Александр Иванович – отец погибшего

Анастасия – сестра погибшего (около 38 лет)

Галина – учительница, передавшая информацию медиаторам

История, где все участники оказались пострадавшими

В один воскресный весенний день Андрей, одиннадцати лет, вместе со своим другом и ровесником Петей гуляли по двору. А потом залезли на крышу девятиэтажного дома: ребята знали, что вход на крышу открыт, и бывали там неоднократно. Дом новой постройки, высокий, внизу арка. На крыше валялись какие-то предметы, железки. Ребята играли с ними, потом стали бросать вниз снег, затем Андрей взял металлическую трубу и сбросил ее вниз. Скорее всего, сверху не было видно, есть ли кто-нибудь внизу. Труба упала на прохожего – двадцатилетнего молодого человека Ивана.

Несколько минут назад Иван со своей девушкой вышли из дома, они готовились к свадьбе и сейчас отправились в магазин покупать обручальные кольца. И вдруг страш-

ный удар... Ивана отвезли в реанимацию, но спасти его не удалось – через несколько дней от полученных травм он скончался.

У Ивана большая дружная семья: мама, Лидия Николаевна, учительница химии в соседней школе; отец, Александр Иванович, инженер, на пенсии; старшая сестра Анастасия; сын сестры, 16-летний Саша, который обожал своего юного дядю и старался во всем ему подражать; брат Федор, врач. У брата – жена и десятилетняя дочка. Лидия Николаевна и Александр Иванович – пожилые люди, пенсионного возраста, Иван был младшим из детей, «поздний ребенок» и всеобщий любимец семьи. А еще любимая бабушка – Зинаида Петровна, мать Лидии Николаевны, всю жизнь проработавшая учительницей. И милая девушка Нина, невеста Ивана, которой предстояло войти в эту семью.

Андрей учился в то время в 6-м классе в той же школе, где работала Лидия Николаевна. В его классе уроков она не вела, так что не была с ним знакома.

Родители Андрея уже много лет в разводе, он с мамой (ее зовут Екатерина) и ее гражданским мужем проживает в квартире бабушки. Это трехкомнатная квартира, где помимо Андрея с мамой и ее другом живут еще две ее сестры с мужьями и детьми (у каждой семьи своя комната), а бабушка располагается на кухне.

Екатерина работает в больнице сестрой-хозяйкой. В той самой больнице, куда привезли Ивана.

¹ Имена участников изменены.

Реакция государства и общества

Как «жертву» превращают в «преследователя»

Рассмотрев сообщение о преступлении (ст. 109 УК РФ «Неосторожное причинение смерти»), следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, так как «деяние совершено лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности» (ответственность за это преступление наступает с 16 лет).

Информация о случившемся была передана в КДНиЗП и в ПДН. Андрей поставлен на учет, мать подвергли штрафу – 500 руб. Ребенка обязали посещать психолога, дали направление в бассейн. Инспектор ПДН стала еженедельно проводить с мальчиком беседы.

В школе все пришли в состояние шока, никто не знал, как себя вести, директор вообще запретила обсуждать эту ситуацию – все волновались за душевное состояние Андрея. «Как он теперь будет с этим жить? Ведь он убил человека! Как бы он с собой ничего не сделал».

Семья погибшего не нашла в обществе той реакции, которая казалась ей само собой разумеющейся. К горю от потери сына добавились иные, и очень сильные переживания: полное отсутствие, по мнению родителей Ивана, справедливой реакции на случившееся – как со стороны государственных институтов, так и социального окружения. Из людей, достойных сочувствия, члены этой семьи превратились в «просителей» и «сутяжников». Родители Ивана видели в гибели сына чудовищное убийство, они никак не могли взять в толк, почему виновник остался безнаказанным и, больше того, стал объектом усиленной заботы, в то время как они со своим горем оказались в полосе отчуждения: никто не желал их выслушать, откликнуться на их беду, принять меры в связи с произошедшим. В конце концов, они поняли, что Уголовный кодекс не позволяет привлечь 11-летнего мальчика к уголовной ответственности, но, найдя другой закон («Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»), они стали выяснять, почему к виновному не применили нормы о принудительных мерах воспитательного воздействия с направлением в закрытую спецшколу². Но никто ничего не объяс-

нил, поскольку у членов семьи погибшего нет формальных оснований что-либо выяснять, и им оставалось строить на этот счет собственные предположения³.

Но кто-то же должен нести ответственность. Значит, с точки зрения пострадавших, ее должны нести родители Андрея и структура, в чьем ведении находился дом, так как дверь на чердак была открыта и дети беспрепятственно могли туда попасть. Попытки выяснить «кто отвечает за крышу» не увенчались успехом, в частности, попасть на прием к начальнику управы не удалось.

Дальше семья Ивана обращается в суд с иском к родителям Андрея о взыскании с них определенных сумм в пользу каждого члена семьи в счет компенсации морального вреда, расходов на погребение и оплаты стоимости услуг адвоката⁴. Заседание суда дважды откладывалось из-за неявки отца мальчика; в конце концов, суд удовлетворил иски требования истцов лишь частично (в общей сложности взыскать с каждого из родителей Андрея примерно по 650 тысяч рублей). В суд родители мальчика не пришли, Лидия Николаевна и Александр Иванович имели дело с адвокатами ответчиков, «мы так и не увидели глаз родителей, не услышали слов извинения».

моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста уголовной ответственности, или материалы об отказе в его возбуждении незамедлительно передаются органом внутренних дел или прокурором в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав для рассмотрения возможности применения к указанному несовершеннолетним мер воспитательного воздействия или ходатайства перед судом об их помещении в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Такая мера, согласно закону, может быть применена к несовершеннолетнему начиная с одиннадцатилетнего возраста. Однако в данном случае, как видим, комиссия сочла возможным применить к ребенку иные меры воспитательного воздействия и не ходатайствовать о помещении его в учреждение закрытого типа.³ Если бы виновный достиг возраста уголовной ответственности и было бы возбуждено уголовное дело, родители Ивана получили бы, согласно Уголовно-процессуальному кодексу, процессуальный статус «потерпевших», и у них были бы хоть какие-то права – хотя бы право на информацию. А в сложившейся правовой ситуации их как бы и не было. Правда, они имели право на некоторую денежную компенсацию (в рамках гражданского процесса), но не оказалось ни одной структуры (государственной или общественной), в чьи обязанности входила бы помощь, поддержка и ориентация людей, попавших в такую страшную ситуацию.

⁴ Согласно закону, вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим четырнадцатилетнего возраста, возмещают его родители или опекуны (ч. 1 ст. 1073 ГК РФ).

² Согласно ст. 26 этого Закона, прекращенное уголовное дело в отношении несовершеннолетних, которые не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что к

Решение суда состоялось в конце осени, но было обжаловано матерью Андрея, поскольку таких денег у нее не было. Так что суд стал новой, причем многократной виктимизацией для семьи Ивана: во-первых, в суде истцам приходилось объяснять то, что казалось очевидным, и воспроизводить болезненную историю гибели сына, да еще «бороться» с адвокатами ответчиков; во-вторых, суд удовлетворил лишь часть запрошенной суммы, следовательно, государство, по мнению семьи Ивана, в полной мере не признает несправедливости случившегося; в-третьих, мать Андрея иск обжаловала, что свидетельствовало, по мнению истцов, о том, что она не чувствует своей ответственности и не желает хоть как-то загладить вред. А отец Андрея, как нам сказала позже сестра Ивана, хоть и не обжаловал решение суда, все равно «не отдаст ни копейки, так как с него и взять нечего».

Когда в конце декабря мы познакомились с участниками этой истории, стороны ждали рассмотрения дела в вышестоящей инстанции. Теперь предметом спора стала сумма иска.

Снова не получив от государства ожидаемой реакции, семья Ивана подала заявление в ОВД для привлечения матери Андрея к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего». Как поясняла нам впоследствии Лидия Николаевна, *такое* может совершить только ребенок, в семье которого проблемы, который никому не нужен («иначе не болтался бы на крыше»), которого не любят. «Родители воспитали сына-убийцу, малолетка убил нашего сына». Однако ст. 156 УК предусматривает уголовную ответственность в том случае, если ненадлежащее воспитание сопряжено с жестоким обращением с ребенком, но таких сведений в ходе проверки установлено не было. Как было указано позднее в обращении семьи Ивана к депутату Государственной думы, инспектор ПДН «обязала нас написать объяснение, в котором нужно было указать факты жестокого обращения с ребенком со стороны родителей Андрея, в противном случае она напишет рапорт на нас о нежелании сотрудничать. Мы отказались». Дело против родителей Андрея возбуждено не было, поскольку факты жестокого обращения родителей с мальчиком не обнаружились.

Это все официальные институты. А что же «близкое социальное окружение»? Администрация и учительский коллектив школы, где учил-

ся Андрей и работала Лидия Николаевна, отвернулись от нее. Центром заботы стал ребенок, его психическое состояние вызывало беспокойство. Директор запретил учителям называть его «убийцей» и вообще обсуждать эту ситуацию. Но разговоры об этом все равно шли. Лидия Николаевна не только не получила поддержки и сочувствия коллег в постигшем ее горе, но еще и оказалась фактически в изоляции. В итоге она уволилась. На похороны Ивана из коллектива школы никто не пришел.

Все участники этой ситуации жили в одном районе. Школа находилась недалеко от дома, где произошло несчастье. Квартиру в этом доме Лидия Николаевна с мужем продали, поскольку здесь все напоминало о случившемся, и уехали в свою маленькую квартирку далеко за городом.

Итак, семья погибшего обращалась в разные инстанции, выдвигая вполне естественные, с ее точки зрения, требования справедливости: нужно как-то отреагировать на самого мальчика, на его семью, на тех, по чьей вине дверь на крышу оказалась незапертой. Из правоохранительных органов они получали ответы об отсутствии законных оснований в возбуждении уголовных дел, но и никакие другие органы не только не проявили сочувствия к двум пожилым людям, потерявшим сына, но и просто игнорировали их.

В конце концов, этим случаем заинтересовалось телевидение: «хороший сюжет». Лидия Николаевна участвовала в нескольких передачах, там ее, по крайней мере, хотя бы слушали. Для членов семьи Ивана телевидение оказалось единственной инстанцией, которая откликнулась на их беду.

А для Екатерины и ее сына – это огласка, позор на всю страну. Ребенку 11 лет, его действие не было намеренным лишением жизни человека. Он все осознал, у него впереди целая жизнь. Эти передачи вызвали у Екатерины возмущение. (Да и по всем канонам детского правосудия независимо от того, с какого возраста наступает уголовная ответственность, подобная огласка – вещь совершенно недопустимая.)

Еще было письмо семьи Ивана депутату Государственной думы, в Комитет по делам молодежи, письмо президенту РФ. Это уже реакция на то, что все инстанции их просто отфутболивали.

Можно ли из всего этого сделать вывод, что главная потребность жертвы состоит в же-

лании наказать? Глядя на описываемую ситуацию, мы не можем с этим согласиться. Все это «хождение по инстанциям» вызвано, скорее, отсутствием адекватного отклика общества и государства на случившееся, отсутствием признания несправедливости произошедшего, отсутствием сочувствия и, больше того, усугублением страдания – за счет изоляции, равнодушия, игнорирования – т. е. *отсутствием человеческих и институциональных механизмов оказания помощи*. К примеру, письмо депутату на восьми страницах заканчивалась не требованием наказания мальчика или его родителей, оно завершалось словами «помогите, пожалуйста».

Правонарушитель и его семья

Андрей ничего не рассказал дома о случившемся. На следующее утро он, как обычно, пошел в школу, его мама – на работу. И вдруг телефонный звонок из районного ОВД: Екатерину с сыном вызвали в милицию. Она, ничего не подозревавшая, пришла в ужас от услышанного, но Иван был еще жив. Через несколько дней Иван умер, не приходя в сознание, и дело стало рассматриваться районным следственным отделом (структура Следственного комитета при прокуратуре РФ по г. Москве). Екатерина находилась в шоковом состоянии. Как она нам позже рассказала, она никак не могла принять эту ситуацию, что ее сын стал причиной смерти другого человека, она была не в силах попросить прощения у родителей Ивана, не могла смотреть им в глаза. «Я же понимаю, как это страшно – потерять сына... точнее, я не понимаю, я не могу этого представить...». И что это сделал твой сын – это тоже невозможно принять. Но инстинкт матери – ребенка нужно спасать. Конечно, мальчик не хотел никого убивать, ни о каком намерении причинить смерть не могло быть и речи, но в глазах людей он стал «убийцей» – как с этим жить? Кроме того, возникла угроза, что ребенка могут отправить в закрытую спецшколу – что там с ним станет? Ясно, что его нужно защищать. Он еще маленький, ему одиннадцать лет. Что делать? Конечно, он должен осознать: «Я то плачу, то ругаю его. Я ему каждый день говорю, что он натворил, чтобы он понимал...». Она не могла справиться с собой, бессонницы, ощущение кошмара, особенно по ночам. В конце концов, она попала в больницу с нервным срывом.

Андрей очень испугался. Он не отрицал, что сбросил трубу, он понял, что делать этого было нельзя. Он не хотел причинять смерть.

Он с матерью ходит к психологу, к инспектору ПДН.

От своей семьи (матери и сестер с их семьями) поддержки Екатерина не получила. Родственники, возможно, и сами растерялись, столкнувшись с нагрянувшей проблемой. А после решения суда о взыскании иска отношения в семье и вовсе расстроились, сестры стали опасаться, что опишут имущество, поскольку имущество общее, все живут в одной квартире: «Теперь из-за твоего сынка все наши вещи заберут, а может, и квартиру, потому что кто там будет разбираться твое – не твое. Как делить? Все опишут и отнимут». Адвокат почему-то не разъяснил Екатерине, каков механизм взыскания, и у нее появился еще один очень серьезный повод для тревоги.

Она пребывала в ситуации давления со всех сторон: обвинений в своей несостоятельности как матери, клеймения сына, страха, – и ей надо было как-то справляться с ситуацией. Бывший муж никакого участия в воспитании ребенка не принимал, и случившееся не побудило его обратить внимание на сына. Человек, с которым она жила, ушел, как только случилась беда. В школе про мальчика идут нехорошие разговоры. Екатерина хотела перевести его в другую школу, но его никуда не берут, так как во всем районе ситуация известна, никакой директор школы не хочет связываться. И телевидение сыграло тут свою неблаговидную роль.

Суд, траты на адвоката, телевидение и огласка, ситуация в семье, постоянные хождения в КДН и ПДН, страх, что ребенка заберут в спецшколу – все это вызвало огромную неприязнь к семье Ивана и постоянное ожидание опасности.

Итак, не нашлось ни одного социального института, который хотя бы попытался помочь разрешить ситуацию. Все участники, которые реагировали на случившееся, так или иначе «подливали масла в огонь», усиливая вражду между сторонами, демонизируя тех, кто принадлежал к «противоположному лагерю» и вызывая многократную виктимизацию обеих сторон. И неформальное социальное окружение оказалось в той же обойме.

Как дело попало к медиаторам

Это не было обращением какой-либо из сторон в некую службу примирения или направлением случая из какого-либо официаль-

ного органа или учреждения. Просто в одном из детских клубов в разговоре за чашкой чая руководитель клуба Галина, которая одновременно работает учителем географии в той самой школе, поделилась с одним из авторов этой статьи (Антоном Коноваловым), что в ее в школе есть сложная ситуация, и никто не знает, что с ней делать. Галина была единственным человеком из коллектива школы, который после случившегося продолжал контактировать и с Лидией Николаевной и с Екатериной, обе были с ней в хороших и доверительных отношениях.

Узнав об этой ситуации, мы решили предложить свою помощь. Информацию мы получили в конце декабря, перед самым Новым годом, т. е. спустя девять месяцев после случившегося и после того, как все уполномоченные и иные инстанции в рамках своей компетенции «поработали» с этой ситуацией.

29 декабря удалось созвониться с Лидией Николаевной. Она сказала: «Сегодня как раз день рождения Ивана, если можете, приезжайте завтра». И мы поехали 30-го декабря, практически под Новый год.

Встреча с родителями Ивана

Мы приехали к родителям Ивана. Ехали на электричке часа два. Маленькая квартир-ка. Лидия Николаевна, Зинаида Петровна, ее мать, и Александр Иванович. Сестра Ивана Анастасия с семьей живет отдельно; брат с женой и дочкой после случившего переехали в Тюмень.

Вся комната обвешана фотографиями Ивана – симпатичный приветливый юноша с открытой улыбкой. Комната похожа, скорее, на мемориальный музей.

Сначала пили чай, разговор начался постепенно. Лидия Николаевна показывала документы, связанные с этим делом, фотографии и грамоты Ивана, подробно рассказала, как она узнала о случившемся, как разворачивались события, как семья обращалась в разные инстанции, какой отпор получала. Она интересовалась, что там с мальчиком. «Путевку в бассейн дали, в кружки он теперь ходит. Это он так отвечает за убийство?» «Мать Андрея оштрафовали на целых 500 рублей, психолог с мальчиком работает. Ну, а мы-то? По отношению к нам-то что? Кто-то нам хоть посочувствовал? Но так же нельзя, ни он, ни его родители ничего не поняли. Нужно же, чтобы он хоть что-то понял, прочувствовал». Она

отыскивает нужные законы, пишет письма, ходит по инстанциям – этот процесс поиска справедливости составляет существо ее жизни в течение многих месяцев. Она никак не могла добиться ответа, почему мальчика не отправляют в закрытую спецшколу – это была бы хоть какая-то реакция по отношению к виновнику, «чтобы он хоть на время, будучи там без матери, почувствовал, что значит лишиться близкого человека», – Лидия Николаевна постоянно к этому вопросу возвращалась. Ей было важно, чтобы *хоть что-то* по отношению к Андрею было сделано.

На ее фоне отец Ивана выглядел контрастно. Был сначала молчалив, но потом рассказал свою историю – о последней встрече с Иваном. Он приехал к сыну как раз в то злополучное воскресенье, Иван был со своей девушкой. Они посидели, попили чаю, пообщались, и Александр Иванович засобирился, чтобы «не мешать молодым». Иван просил его не торопиться, не уходить, но Александр Иванович «не послушался» сына, они обнялись у лифта, и он ушел. Это была их последняя встреча. Несчастье произошло через пару часов. И отец все не мог простить себе: «Если бы я тогда остался, он не пошел бы по этой улице, не оказался бы там в то время, и ничего бы такого не случилось. Он меня просил, а я не сделал...»

С такой трагедией, таким горем мы никогда не работали в наших программах. Мы сидели долго. Слушали. Людям нужно было выговориться. Но если то, что рассказывала Лидия Николаевна, было во многом отражено в ее письмах и документах, которые она направляла по разным адресам, т. е. ее переживания были, в определенном смысле, облечены в выстроенную историю, то эпизод, рассказанный отцом, был совсем другим. Его переполняло чувство вины. Было ощущение, что человек он сдержанный и говорить об этом не привык.

Разговаривали о многом. Об учительском коллективе, о той изоляции, в которой оказалась Лидия Николаевна. О том, что говорят в школе (иногда она получала все-таки какую-то информацию) – что, мол, Андрей мнит себя героем, что ему «ничего не будет» за то, что он сделал, что его мать наняла адвоката за 100 тысяч... От разговора о мальчике переходили к его матери. Лидия Николаевна и Александр Иванович недоумевали, как это возможно, что мать Андрея не попросила у них прощения. Ведь она работала в

той самой больнице! И даже не пришла, не бросилась на колени, не стала молить о прощении! Мальчику зла не желают – он еще ребенок. Но мать?

Мы рассказали, кто мы, чем занимаемся, несколько слов о возможной встрече с Екатериной и Андреем. Но очень осторожно, предположительно. О чем-то конкретном в этом плане не договорились, пока было непонятно, в чем может быть смысл и предмет будущей встречи. «А они что по этому поводу думают?» Было понятно, что родителям Ивана важно, что там происходит. Мы к тому времени с Екатериной еще не встречались, так что ответить на это пока было нечего.

В завершение разговора мы договорились, что постараемся встретиться с Екатериной, а потом созвонимся и подумаем о следующих шагах. Кроме того, Лидия Николаевна сказала, что по поводу дальнейшего ей нужно посоветоваться с дочерью.

В течение всего разговора бабушка, Зинаида Петровна, не вмешивалась, она молча лежала на диване (больные ноги) и слушала. Эта бабушка, которая тоже очень переживала смерть Ивана, оказалась здоровой и позитивной, ресурсным человеком в семье. Когда мы собрались уходить и Лидия Николаевна вышла на кухню, Зинаида Петровна стала нас благодарить: «Спасибо, что приехали. Я говорю своей дочери: не надо эти фотографии развешивать, надо что-то делать с собой, но она не может. Хорошо, что вы приехали, что она начала выговариваться, она как-то начинает освобождаться от всего этого, а то больше полугода прошло, и конца-края не видно». Фактически мы были первыми, кто просто сидел и слушал ее рассказ. А пробыли мы у них часов около трех. В тот же вечер, вернувшись домой, мы получили смс-ку от Лидии Николаевны: «Спасибо, что вы приехали сразу».

Тогда мы почувствовали, что даже если не будет никакого продолжения, уже сделано что-то полезное. Это один из принципов, которому научили нас нарративные практики, – каждая встреча с клиентом может быть единственной. Поэтому она не «предварительная» в том смысле, что в каждой встрече должен быть позитивный смысл для клиента.

Но при этом позицию медиаторов мы удерживали. Лидию Николаевну и Александра Ивановича интересовало, «что там у них», и только позиция медиатора дает возможность устанавливать связь между сторонами. Так или иначе высказанный интерес к другой сто-

роне можно сделать исходным пунктом для проектирования будущей встречи сторон.

Самоопределение медиаторов

Здесь мы нарушили привычный ход примирительной процедуры, когда предпочтительнее сначала встретиться с обидчиком и, только заручившись его желанием увидеться с жертвой и загладить вред, встречаться с пострадавшими. В данном случае все было иначе. Информацию о случившемся нам передала учительница, которая находилась в равно хороших отношениях с Лидией Николаевной и Екатериной, она же и посоветовала им пообщаться с нами. Так что первая встреча была с той стороной, с которой удалось договориться.

С подобными ситуациями мы никогда не работали. Мы старались не конструировать априорных гипотез, чтобы отнестись к ситуации «исходя из нее самой». Но все равно нужно было определенным образом настроиться.

Какую информацию нам передали? Какова «фабула дела»? «Одиннадцатилетний мальчик сбросил с крыши трубу и убил человека» – вот в таких терминах. Работая в концепции восстановительного правосудия, мы как бы автоматически определили ситуацию как «правонарушитель – жертва». Соответственно, встречи со «сторонами» предполагают в перспективе – пусть далекой – встречу «правонарушителя и жертвы» (или их семей). Исцеление жертв (семьи Ивана), осознание правонарушителя (Андрея), заглаживание вреда (первоначально мы ничего не знали про реакцию близкого социального окружения) – вот классические целевые ориентиры программ восстановительного правосудия. Но что это значит для ребенка – сознание того обстоятельства, что его поведение (пусть дурацкая детская шалость с непредвиденными последствиями) привело к смерти другого человека? Что значит *осознать это*? Как с этим жить? Или что может помочь пережить это без саморазрушения? Но тогда что значит в подобных ситуациях «нести ответственность» и «загладить вред»? Каковы возрастные особенности реализации принципа ответственности?

Некоторые подсказки дает не только психология (да и есть ли здесь однозначные ответы?), но и право. Правовая категория «возраст уголовной ответственности» указывает, по крайней мере, формально, что в таком-то возрасте человек ДОЛЖЕН осознавать криминальный характер своего деяния. И когда мы

работаем с уголовными делами, там этот формальный принцип служит медиатору некоторой опорой. А как в нашем случае? Уголовный кодекс РФ гласит, что ответственность за подобные деяния наступает в 16 лет. Закон обозначает деяние ребенка, не достигшего возраста уголовной ответственности, не как «преступление», но все-таки как «общественно опасное деяние», и совершившее его лицо – «правонарушитель». Если следовать принципам восстановительного правосудия (или восстановительной ювенальной юстиции), что именно в данном случае должен означать принцип ответственности правонарушителя?

Этот вопрос касается целого класса ситуаций. Впоследствии мы обнаружили и другие случаи, когда действия ребенка, не достигшего возраста уголовной ответственности, приводили к гибели пострадавших. И еще раз убедились, что сложившиеся институциональные и общественные формы реагирования только усугубляют страдания всех без исключения участников⁵.

Итак, ориентируясь, в том числе, и на правовую категоризацию ситуации, мы, настраивая себя на эту работу, попытались дать предварительное название тому происшествию, о котором рассказала Галина. Убрали «юного убийцу», «убийство», разделение на «обидчика» и «жертву» и обозначили случив-

шееся как «несчастье» или «несчастный случай», который повлек причинение смерти. А отсюда следовало, что обе стороны – жертвы того несчастья, которое произошло. (Это не значит, что мы в разговоре использовали эти слова, это относится к самонастройке).

Из обозначения случившегося как «несчастья» и всех участников как «пострадавших» следовал и предполагаемый тип возможной программы восстановительного правосудия: нам казалось, что наиболее предпочтительной программой является Круг. Во-первых, чтобы избежать при будущей встрече прямой конфронтации между сторонами, во-вторых, чтобы использовать ресурс других участников для поиска выхода из ситуации. Однако эта установка не была жесткой, первые встречи со сторонами мы не обозначали для себя как «предварительную встречу при подготовке Круга». Поскольку с ситуациями такой степени сложности мы никогда не встречались, наша основная установка состояла в том, чтобы слушать, понимать, поддерживать. Возможный тип восстановительной программы был для нас, с одной стороны, способом собственного крепления к позиции медиатора, с другой – вполне реальное предложение участникам относительно следующего шага. Но после каждой встречи мы обсуждали услышанное, и у нас рождались новые идеи относительно возможной формы организации встречи участников и предмета обсуждения.

Дальше договорились о встрече с Екатериной. Она пришла одна, без сына. Мы не могли ни на чем настаивать: дело официально не было передано на медиацию. Когда звонили сторонам, то ссылались на учительницу, которая рассказала нам про случай, и говорили, что «мы готовы принять участие, если вы этого хотите». Такова была наша исходная ситуация.

У нас не было предпочтений относительно того, что лучше: встречаться только с Екатериной или с ней и мальчиком. В каждой ситуации были и плюсы и минусы.

Встреча с Екатериной

Мы встретились с ней в школе в присутствии Галины. Екатерина побаивалась с нами встречаться: она вообще опасалась всех, кто проявлял интерес «к этому делу», привыкла к тому, что телевидение ее хочет заполучить и «продемонстрировать». Поначалу она была

⁵ Например, получившее огласку сначала в своем городе, а потом с помощью телевидения на всю страну дело о том, как 13-летний мальчик, взяв тайно у матери ключи от машины, сел за руль, поехал кататься и сбил трех прохожих, один из которых погиб, а двое остальных получили серьезные травмы. Этому происшествию была посвящена одна из передач программы «Справедливость» на Ren TV. Мать мальчика пыталась найти на телевидении справедливость, чтобы прекратить травлю ее сына (в городе были многочисленные пикеты и обращения к губернатору с требованием отправить мальчика в закрытую спецшколу). «Справедливость» телевизионной передачи стала, практически, продолжением этой травмы и разжиганием вражды между сторонами, а не серьезным разговором о проблеме. Похоже, законы «ток-шоу» являются наименее подходящим способом решения таких сложных проблем – о том, какая реакция на подобные ситуации является адекватной. Хотя, по видимому, направленность обсуждения во многом определяется авторами передачи, их позицией. К сожалению, представление о справедливости как наказании, а не как обсуждении и решении сложной проблемы, присуща даже таким категориям специалистов, как психологи, педагоги, адвокаты. Именно такое представление доминировало в телевизионной «справедливости», подобная позиция кажется «само собой разумеющейся». Кроме того, повторим, огласка в средствах массовой информации о криминальных действиях конкретного ребенка является недопустимой.

очень настороженна, закрыта, видимо, боясь сказать лишнее. Но постепенно началось потепление, разговор завязался. Присутствие Галины помогло ей почувствовать себя в безопасности.

Екатерина рассказывала, как узнала о том, что произошло; в какой ужас ее это повергло, как стало страшно; как не спит ночами, как сама попала в больницу с нервным расстройством.

Рассказала свою непростую историю, как ушел муж, когда Андрей был еще маленьким, и она осталась одна. Муж не участвует в воспитании сына, ему «все до лампочки». Друг, с которым она жила в последнее время, после случившегося с Андреем тут же «растворился».

Каково матери, чей сын совершил такое? «Я сама мать, а если б с моим сыном сделали бы так же, как с Иваном? Страшно представить». Но и ее ребенок страдал, «он был в ужасе и боялся выйти из дома; чуть не наложил на себя руки. Теперь мы ходим к психологу». И, конечно, она категорически против того, чтобы ребенка отправили в закрытую школу. Как увезти его от матери? Что он там будет делать в одиннадцать лет?

Когда мы заговорили о возможной встрече с семьей Ивана, предположим, даже без Андрея, она сказала: «Не могу. Как я посмотрю ей (матери Ивана) в глаза? Сейчас я не могу. Может быть, мы еще будем с вами встречаться, разговаривать, но пока не могу».

Родители Ивана рисовали Екатерину как бездушного монстра, прошло столько времени, а она даже не попыталась попросить прощения и пойти на какой-то контакт. А перед нами сидела ранимая молодая женщина, которая попала в такую невыносимую ситуацию: «Как я посмотрю им в глаза?»

Мы говорили и по поводу материальной компенсации, по поводу ситуации в семье, конфликта с сестрами. Выплачивать компенсацию нечем: мужа нет, зарплата маленькая. Вскоре предстояло рассмотрение судом жалобы Екатерины по поводу решения суда первой инстанции. Жалоба имела целью уменьшение суммы иска и разрешение рассрочки выплаты. Мы подумали, что вопрос о материальной компенсации тоже может стать предметом возможной встречи двух сторон (семей). Но заседание суда должно было состояться в ближайшее время, и Екатерина надеялась на благоприятное решение, так что от этого предложения она отказалась.

Мы договорились созвониться после того, как состоится суд.

Снова о вреде телевидения

Звонок Екатерины. Она попросила найти психолога. Психолог, который с ними работает, «не справляется», он сказал, что «нужен специалист по работе с травмой». Мы договорились со специалистом центра «Перекресток» Еленой Женодаровой, она согласилась работать с Андреем и его мамой на волонтерских началах.

Екатерина благодарила, потом несколько раз по телефону переносила встречи с психологом, но их взаимодействие так и не началось.

Разговор с Лидией Николаевной по телефону: возможность встречи с Екатериной обсуждала с дочерью, но решение пока не приняли. Много вопросов: Что может стать темой встречи? Хочет ли сама Екатерина встретиться с ними «или это вы ее уговорили»? «На мальчика злости больше нет, я ведь и сама мать... Тема разговора может измениться...» Мы договорились встретиться с Лидией Николаевной и ее дочерью для обсуждения возникших вопросов.

Вдруг звонок Екатерины: «Мне опять звонят с телевидения, приглашают прийти на передачу! Естественно, я отказалась. «Они» (то есть родители погибшего) опять начинают! Мы ведь только-только начали говорить о каких-то, хотя бы маленьких шагах друг к другу, а они опять затевают против нас. Если так пойдет дело, они от нас ни копейки не получат! Скажите им...».

Перезваниваем Лидии Николаевне: да, телевизионщики опять вышли на контакт. Готовят очередную передачу. «Мне важно, чтобы подобные ситуации не происходили, потому что крыша была не закрыта, дети туда залезают, и мне важно, чтобы подобное не повторилось. Телевизионщики будут снимать место, где произошла трагедия. Ни номера школы, ни имени мальчика я не называла. Когда будет передача, не знаю».

Итак, едва начались минимальные сдвиги, люди начали, по крайней мере, размышлять о том, что возможен не только конфронтационный вариант отношений, но тут опять телевидение – и новая эскалация конфликта.

Встреча третья

Наша встреча с Лидией Николаевной и ее дочерью Анастасией произошла на следующий день после съемок, которые, по-видимому, разбередили раны. Лидию Николаевну трудно было узнать. Если наша первая встреча – при всем драматизме рассказов – была душевной, расставались мы тепло, планируя дальнейшие контакты, то теперь эмоциональная окраска беседы была совсем другой – холодной, злой, ни слезинки.

Сначала заговорила Анастасия. Это твердая, уверенная в себе женщина. Она говорила, что встречаться с Екатериной незачем. В одиннадцать лет человек уже сформировался, и если он сволочь – значит, сволочь, и исправить этого нельзя. Она и сама раньше работала с детьми, и знает это точно. В семье Андрей никому не нужен, поэтому он «таким» и вырос.

Дальше вступила Лидия Николаевна, спросила о нашей встрече с Екатериной и постепенно перевела разговор на тему «ну почему же Андрея не наказывают?» (вспомним, по телефону мы слышали «я зла на ребенка не держу»). Тема разворачивалась в разных направлениях. Это был большой, тяжелый разговор. И наконец: «Как же они не понимают? Его нужно закрыть в спецшколе для его же безопасности – чтобы от меня уберечь!» Перед нами была другая женщина: «Если его не накажут, я найду способ, как наказать их. Может быть, мальчика не надо, и он будет наказан, если я мать накажу. Он поймет, что значит быть без близкого человека». Постепенно в разговоре стала вырисовываться некая идея, которая ее захватила. Лидия Николаевна начала рассказывать историю своих предков, о том, как они жили, кем были. И что она ответственна перед ними, а также перед внуками и перед последующими поколениями: «Если сейчас я это спущу, то как я буду смотреть им всем в глаза? Как я перед ними всеми буду ответ держать? Я что, спустила на тормозах смерть сына?» Говорила без пафоса, как бы очень спокойно, с каменным непроницаемым лицом.

Мы остолбенели. Повисла пауза. Теперь мы понимаем, что пауза была «правильным ходом». Было ощущение, что Лидия Николаевна ждет от нас возмущения, возражений, и уже готова возражать на наши возражения. Это был вызов: «Ну, что вы на это можете сказать? Ну?». А мы не торопились «загово-

рить» эту ситуацию и дали ей самой и ее дочери *услышать* сказанное.

Дочь в начале нашей встречи была довольно агрессивна, а здесь она посерьезнела. Мы обратились к Анастасии: «Вы слышали, что сказала мама?» – «... Да, мама очень волнуется...».

Возможно, сказанное Лидией Николаевной родилось не вчера, она давно про это думала и, наконец, сформулировала. А что это для нас? Знак доверия? Крик о помощи? Перекладывание на нас ответственности за последующие события? «Сведения о готовящемся преступлении?»

Очень важно, что здесь была дочь. Семья позиционировалась как дружная, с теплыми отношениями и взаимной поддержкой, и фактически мы (коммуникативно) передали Анастасии как самому близкому человеку ответственность за мать. Во-первых, обратив ее внимание на состояние и слова матери, и, во-вторых, предложив встретиться индивидуально с самой Анастасией, чтобы обсудить эту тему. Но мы понимали (точнее, надеялись), что дочь будет контролировать ситуацию независимо от нашей с ней встречи.

Одновременно, не вступив в конфронтацию, мы «оставили» ответственность и самой Лидии Николаевне. Не услышав от нас ожидаемой реакции, она стала как бы отступать: «Вы не думайте, я не буду с этим торопиться...».

Встреча четвертая

Следующая встреча была с одной Анастасией, она состоялась примерно через две недели. До этого мы систематически созванивались с ней, выясняя, как себя чувствует ее мать.

Периодически мы перезванивались и с Екатериной. Она просила выяснить, что будет на телевидении, мы ей рассказали то, что узнали со слов Лидии Николаевны. По поводу встречи с нами она говорила: «Сейчас мне некогда, предстоит суд, для меня это важно, иначе если предыдущее решение не будет отменено, приставы опишут имущество, а после суда мы встретимся». Судебную машину было не остановить, адвокат делал свою работу, Екатерина была запугана.

Главной темой встречи с Анастасией было «как помочь матери». Состояние Лидии Николаевны, проявившееся на нашей предыдущей встрече, ее настрой, та «миссия», которую она для себя обозначила, – все это вы-

зывало у нас беспокойство. Мы заблаговременно договорились с психологом относительно возможной психологической помощи Лидии Николаевне, это было одним из наших предложений.

Анастасия рассказала, что мама устроилась на работу (не в школу), она очень занята, и это очень хорошо. Отец занялся дачей. В общем, они постепенно стали как-то налаживать свою жизнь, вспомнили, что у них есть внуки, и настроились на то, что должны для них что-то делать.

Поговорили и о семье Анастасии. Она рассказала, как ее сын переживает гибель Ивана – очень замкнулся после случившегося, ни с кем про это не говорит, но страдает. И она опасается, как бы он не стал мстить Андрею. Мы предложили встречу с сыном, если нужно – психологическую помощь, предлагали разные варианты помощи. Но оказалось, что не до этого: сын в десятом классе, готовится к экзаменам, репетиторы, предстоит ЕГЭ и поступление в институт.

Обсудили и разные варианты помощи матери – помощь психолога (бесплатно), либо если откажется, но ей просто нужен контакт – еще раз встретиться с нами. Потом пришла идея подарить ей книжку Зера (из предыдущих разговоров мы поняли, что Лидия Николаевна много читает и проявляет интерес «к теме»). Анастасия сказала, что они подумают; из Тюмени приедет брат (он врач), и они все вместе обсудят, нужна ли помощь. Сейчас главное, что мама устроилась на работу и все время занята.

Если на предыдущей встрече Анастасия проявляла жесткость, самоуверенность и некоторую агрессивность (понятно, что боль имеет и такие проявления), то сейчас с нами общалась мягкая, чувствительная женщина, не только переживающая утрату, но и способная к сочувствию. А про Екатерину с горечью сказала: «Да если б с моим сыном, не дай бог, такое случилось, я бы схватила его в охапку и уехала бы в другой город, где бы всего этого никто не знал. А она не любит своего ребенка, ей надо свою личную жизнь устраивать».

У нас рождались разные идеи относительно возможной встречи участников этой истории. Одна из них – идея женского Круга: встреча матерей для обмена чувствами, обсуждения последствий и вариантов выхода из ситуации. Мы предложили это Анастасии, на что услышали: «подумаем, подумаем, подумаем».

Дальше были телефонные звонки, разговаривали и с Екатериной, и с Лидией Николаевной, но встреч больше не было. Лидия Николаевна говорила, что работает и сейчас некогда, будет время, созвонимся. И мы рады, что она занята работой.

Потом мы получали от нее смс-ки с поздравлениями к Рождеству, Пасхе и Новому году.

Извлеченные уроки и вопросы для дальнейших обсуждений

1. Люди обладают внутренними ресурсами, способностью к совладанию с самыми тяжелыми травматическими ситуациями; важно их в этом поддержать, а не стремиться навязать свои ответы на ситуацию. В этом плане вопрос об эффективности программ восстановительного правосудия нужно обсуждать исходя из конкретной ситуации; встреча сторон с заключением соглашения – это только один из возможных результатов работы.

Тем не менее, важно отличать «нестандартный позитивный результат» от случаев, когда программа «не получилась». Опора на компетентность людей не означает пассивности и расслабленности медиатора, поскольку в сложных ситуациях у людей блокируется способность к пониманию и конструктивному решению проблем. И задача медиатора – найти ключ и разблокировать эту способность.

Этому служит разнообразие типов восстановительных программ. Для этого же, развивая свою практику, мы знакомимся с различными гуманитарными подходами, моделями примирения (в том числе относящимися к традициям разных народов), коммуникативными приемами и техниками. Но одновременно важна установка, чтобы «вслушаться» в ситуацию и людей, с которыми ты общаешься, поскольку каждый штрих ситуации неожиданно (т. е. безотносительно к априорным представлениям медиаторов) может стать исходным пунктом для проектирования конкретной восстановительной программы, пригодной для данного случая.

Возможно, нам нужно разработать некоторую типологию ситуаций с указанием на предположительные результаты программ. Это может служить опорой для ориентировки в сложных нестандартных ситуациях. Так, например, введение несколько лет назад понятия «редуцированные программы» позволяет сейчас охватывать восстановительными

программами случаи, которые прежде выводились за рамки восстановительных практик.

2. Доверие к силе и компетентности людей – важнейший момент в самоопределении медиатора; особенно важно помнить об этом, когда предстоит работа в эмоционально нагруженных ситуациях. Помогающая позиция медиатора не означает, что мы берем на себя решение проблем других людей, – подобная самонадеянность может иметь обратную сторону в виде отказа медиатора от работы в сложных ситуациях. В работе со сложными ситуациями медиатору важно помнить о границах собственной ответственности.

3. Реакция официальных институтов и близкого социального окружения на описанную (и ей подобные) трагическую ситуацию показывает, что в нашем обществе сегодня отсутствуют культурные формы, обеспечивающие адекватный ответ на такого рода случаи. Ответ, который позволил бы привести к разрешению ситуации, а не к усилению вражды между участниками. Как видим, прямые последствия несчастного случая и последующее подключение государственных институтов привели не только к жесткому противостоянию непосредственно «сторон», но и значительно расширили круг враждебно настроенных друг по отношению к другу участников, к конфликтным и проблемным ситуациям в семьях, в среде коллег, в тех или иных общественных сегментах (телевизионные баталии, демонстрации с требованиями «наказать убийцу!» и пр.). Получается, что ни в официальных структурах, ни в общественных институтах, ни в традициях (если вести речь о современном городском укладе жизни) не на что опереться для позитивного исхода. Везде обсуждаются вопросы «кто прав?» и «кого и как наказать?», а не «как разрешить ситуацию?» и «как дальше жить?». Необходимость складывания комплексных практик с участием разных специалистов приобретает в подобных случаях особую актуальность. При этом взаимодействие правовой системы и гуманитарных практик: юристов, психологов, медиаторов, социальных работников, педагогов – это не сумма автономных деятельностей или отдельных профессиональных технологий, а функциональные составляющие системы, которая должна иметь общий ценностной фундамент, где разные профессиональные позиции реализуют задачи, исходящие из *единого подхода*. Сегодня мы видим такой фундамент в идеях восстановительного правосудия.

Следовательно, программы восстановительного правосудия должны быть институционализированы. Неформальное «предложение помощи», конечно, может практиковаться при отсутствии других возможностей, однако использование восстановительных программ в институциональном системном контексте, как мы предполагаем, привело бы к значительно меньшим страданиям участников.

4. Анализ данного случая показывает, что, с точки зрения развития инструментария восстановительных программ, необходима более серьезная разработка конструкции «челночной медиации» как *самостоятельной формы* работы или даже типа программ. Фактически в описанной ситуации мы действовали в режиме челночной медиации, но не рефлексировали свою работу именно таким образом. Мы больше размышляли о типе и конструкции возможной будущей встречи сторон и каждый раз, встречаясь с теми или иными участниками, предлагали разные варианты вместо того, чтобы зафиксироваться на других шагах. Мы не торопили участников, но все-таки были настроены на организацию встречи сторон. И дело не в том, что что-то из проделанного было «неправильно», а в том, что если бы мы осознали свой жанр как «челночную медиацию», было бы сделано намного больше для заочного контакта между сторонами.

Здесь вспоминается мастерская, где нам довелось участвовать, которую проводил Ховард Зер в 2004 г. по медиации по случаям особо серьезных преступлений (в том числе убийств). Подобные медиации не имели юридических последствий и проводились одной из американских служб медиации после вынесения приговора суда, когда виновные отбывали наказание в тюрьме. Такие медиации проводились только в случаях, если об этом просили родственники жертв, чтобы получить ответы на мучившие их вопросы, и, соответственно, если соглашались виновные. В тех случаях, о которых нам рассказывал Зер, подготовка сторон к встрече длилась около года. Индивидуальные встречи со сторонами и челночная медиация являются здесь главными в работе медиатора. Медиатор передает сторонам друг от друга информацию, письма, аудио- и видеозаписи, фотографии, обсуждает с ними полученное и пр. Этот процесс имеет свою специфику, формы организации и длительность.

Челночная медиация может применяться не только по таким сложным ситуациям, но и в любом случае, когда одна из сторон отка-

зывается от личной встречи с другой. Просто «сложные случаи» позволяют наиболее насыщенно разработать ту или иную процедуру.

5. Описанный случай заставляет нас снова возвращаться к базовым темам восстановительного правосудия, расширяя контексты и детализируя содержание:

- работа с жертвой;
- работа с горем;
- осознание и ответственность правонарушителя;
- возрастные возможности ответственности правонарушителя;

- ответственность ребенка в ситуациях причинения смерти;
- ответственность родителей;
- работа с семьями;
- «как жить дальше?»
- «как случившееся оставить в прошлом?»
- взаимодействие медиатора с другими специалистами (психологом, адвокатом и др.).

Но обсуждение каждого из этих пунктов – тема отдельной статьи.

Кадрия Шарифзянова

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ СО СЛУЧАЕМ)

Работа с подростками-правонарушителями в практике моей деятельности строится на основе применения программ восстановительного правосудия (программы восстановительной медиации между жертвой и правонарушителем, Круги сообществ). Позвольте представить описание случая из опыта работы.

На заседание КДНиЗП, с которой у нас подписан договор о взаимодействии, была приглашена несовершеннолетняя (14 лет) – были перечислены все проступки, совершенные ею за год: пропуски школы, убегание из дома, регулярные драки, распитие спиртных напитков, курение в общественных местах, употребление нецензурных выражений. Все меры, которые применяли специалисты общеобразовательных учреждений, КДНиЗП, ПДН, не дали положительных результатов. В итоге встал вопрос о направлении несовершеннолетней в учреждение закрытого типа. С моей стороны поступило предложение направить девочку к нам в службу примирения, чтобы дать ей шанс на восстановление доверия к ней со стороны тех людей, с кем она оказалась в конфликте и причинила какой-либо вред. Члены комиссии были не против моего предложения.

Когда девочка пришла на первую встречу, она не доверяла нам и не хотела идти на контакт. На любой вопрос, который ей был задан, отвечала, что она плохая, некрасивая, конфликтная, что ей все время хочется драться, что родители ее не любят, даже ненавидят; старшую сестру она тоже не любит, как и своих родителей. Ее потребность в любви, доброжелательности и теплоте чувств со стороны родителей не была удовлетворена. Она рассказала, что папа постоянно уезжает в командировки надолго, а мама занимается сво-

ей личной жизнью. Все это способствовало формированию у девочки таких черт, как агрессивность, непослушание, лживость, склонность к уходу из дома и асоциальному поведению.

Конфликты с родителями и школой – это ее единственный выход обратить на себя внимание. Она неоднократно повторяла, что сейчас, когда она стала себя так плохо вести, ее стали замечать родители.

Казалось, невозможно было выйти из этого круга обид и злости, но тут я задала ей вопрос: «А кто тебя любит? Кого любишь ты?» Она ответила, что ее любят и она тоже любит свою бабушку и подругу. После этого вопроса она оживилась и стала более разговорчивой. Она рассказала, что ее подруга любит ходить в театр. Я пригласила ее и подругу сходить вместе со мной в театр, она согласилась. С того дня девочка стала мне больше доверять.

Так как у несовершеннолетней были конфликтные отношения с родителями, я предложила ей прийти в службу примирения на медиацию. Она согласилась. С ней была проведена предварительная встреча, где она изъявила желание начать разговаривать с родителями и готова выслушать их отношение к ситуации. Но каково было наше удивление, когда родители не пришли на предварительную встречу, о которой мы договорились. После неоднократных разговоров с ними они так и не изменили своего решения. Поэтому мы решили предложить им другую форму работы – прийти на Круг, куда были приглашены все значимые взрослые для девочки (бабушка, подруга девочки, инспектор ПДН, которой она доверяет, секретарь КДНиЗП, мама, об-

щественный воспитатель и сотрудники нашего центра). Когда процедура представления была завершена, хранитель попросил участников Круга поделиться тем, что их беспокоит. Девочка рассказала, что она состоит еще в группировке, участвует в уличных боях, ей угрожают, если она откажется от очередного боя. Она очень эмоционально рассказывала о своих чувствах обиды, ненависти, одиночества, злости. Мама была потрясена бурной деятельностью дочери. Она предложила ей помощь в виде понимания, готовности прислушиваться к просьбам дочери, замечать ее и любить, предложила ей съездить вместе на юг отдохнуть, сходить вместе по магазинам для покупки одежды, которая нравится девочке. Представители КДНиЗП и ПДН предложили девочке позвонить организаторам уличных боев и сказать, что за ней ведется наблюдение и жесткий контроль. Общественный воспитатель обещала заняться подготовкой девочки к поступлению в школу олимпийского резерва. Представители центра взяли на себя ответственность заняться досугом девочки, в частности, обучению ее игре на гитаре, а также ей было предложено проводить рисование с детьми из неблагополучных семей два раза в неделю.

После Круга началась серьезная каждодневная работа. Специалисты были приятно удивлены, что через месяц после проведенного Круга девочка, которая выкуривала пачку сигарет в день, теперь курила одну сигарету в день, стала посещать почти все уроки, ночевать дома. Спустя шесть месяцев перестала курить совсем, не пропускает ни одного предмета, начала готовиться к поступлению в школу олимпийского резерва, ходить к детям из неблагополучных семей и проводить с ними занятия.

Проработав с ней год, хочется порадоваться и поделиться ее успехами. Она ушла из группировки, не участвует в уличных боях. Ее сняли с учета КДНиЗП и ПДН, она играет на гитаре, а самое главное – она живет в семье, у нее значительно улучшились отношения с родителями. Круг, проведенный нами для этой семьи, помог высказаться и принять решение каждому участнику конфликтной ситуации. Я думаю, что участие в Круге было важно как для девочки, так и для ее мамы: им удалось услышать друг друга, донести информацию друг до друга, разрешить конфликтную, затянувшуюся ситуацию мирным путем.

Недавно у девочки случилось несчастье – погиб в автокатастрофе ее молодой человек, но она не сорвалась и держится очень достойно. Еще одна неприятность – врачи ей поставили диагноз, связанный с болезнью сердца, и теперь она не сможет заниматься спортом профессионально. Девочка не остается один на один со своими неприятностями – специалисты центра и я встречаемся с ней, в ходе бесед девочка осваивает навыки конструктивной коммуникации, учится выстраивать диалог и брать на себя ответственность за поступки.

В феврале 2011 г. в Казань приезжал Рустем Максудов и предложил встретиться с девочкой и задать ей несколько вопросов. Она откликнулась на это предложение и с удовольствием ответила на ряд вопросов следующего содержания.

1. Какие положительные качества у тебя появились после предварительных встреч и работы в Круге? Ответ: Хорошие – спокойствие, стала лучше относиться к некоторым людям, ответственность, сдержанность, появилось чувство стыда перед людьми, которые за меня беспокоятся.
2. Что тебе помогает сохранять позитивное отношение к близким? Ответ: Я переосмыслила ценности. Раньше я всех осуждала, а сейчас поняла, что каждый поступает, как считает нужным. Мне самой нужно задумываться, кто страдает из-за моих поступков, но я сама больше страдаю, конечно.
3. Что тебе помогает сохранять позитивное отношение к твоим друзьям? Ответ: Я поняла, что была избирательной, и те, с кем я общалась, все время меня втягивали во что-то плохое, негативное – я сейчас меньше общаюсь с такими. У меня есть хорошая подруга, она мне ставит условие: если я буду общаться с плохими, она не будет со мной дружить, а я не могу потерять дружбу с ней.
4. Что тебе позволяет сохранять позитивное отношение к учителям? Ответ: Жалко их, они стали меня понимать, меньше ругаются. Если я не буду сдерживаться, мне может быть плохо – не хочу, чтобы выгнали из школы.
5. Какие качества тебе хотелось бы у себя сформировать? Чего не хватает? Ответ: Изменить характер, т. е. стать спокойнее и сдержаннее, терпеливее.

6. Что тебе помогло после встреч и что мешает сформировать эти качества? Ответ: Сама и люди, которые меня сейчас окружают, они мне хотят помочь и не ругают меня, а направляют. Мешает, что я не всегда могу сдержаться или сделаю, а потом думаю о последствиях.
7. Чем бы ты хотела заниматься? Ответ: Спортом, но так как мне сейчас по состоянию здоровья нельзя, буду учиться играть на гитаре.
8. Что, кто тебе помог бы этим заняться? Кто или что помешало? Ответ: Вы лично, сотрудники центра, подруга моя, мой общественный воспитатель. А помешало бы здоровье мое плохое, улица и друзья, которые меня тянут назад.
9. Видишь ли ты перспективу? Чем ты хочешь заниматься? Ответ: Я хочу заниматься спортом. Хочу еще работать барменом, мне нравится жонглировать бутылками и красиво разливать напитки, хотя пить я не люблю спиртное, буду профессионалом своего дела.

Я долго размышляла и беспокоилась по поводу того, что, когда мы начинали нашу работу с этой девочкой, я исполняла роль медиатора. А так как случай оказался очень сложным и мне пришлось встречаться неоднократно с девочкой и ее окружением, я плавно перешла из роли посреднической в роль сопровождающей. Мне не давал покоя вопрос: «Не нарушаю ли я принципы, принятые ассоциацией?». Я вынесла этот вопрос на обсуждение на семинаре в Москве. Мы пришли к тому, что в процессе проведения восстановительных программ подростки впервые

встречаются с непривычным к себе отношением. Они привыкли, что их все время в чем-то обвиняют, за них все решают, осуждают и клеймят. А на медиации их выслушивают, дают им возможность самим принять решение по заглаживанию вреда, причиненного ими пострадавшей стороне. Девочка, о которой я пишу эту статью, в конце встречи с ней сказала мне следующие слова: « Меня никогда не хвалили, только ругали. Вы тоже не хвалите, но и не ругаете, а разговариваете со мной как с равной: не оскорбляете, выслушиваете и верите в меня. Мне будет стыдно подвести Вас, мне дорого Ваше доверие».

Я понимаю, что если девочку оставить без сопровождения, ей трудно будет справляться с неприятностями, в которые она привыкла попадать. Год работы с ней – казалось бы, это так долго, но все относительно и индивидуально. Как я уже писала выше, необходимо закреплять умения и навыки, приобретенные ею на встречах. Пока я ездила в Москву на семинар, она успела поучаствовать в драке, которая была обоюдной на почве внезапно возникших неприязненных отношений. Стала и жертвой и правонарушительницей, но по этой ситуации в отношении девочки, о которой я пишу, и другой, которая участвовала в драке, вынесли отказ о возбуждении уголовного дела. После постановления об отказе в возбуждении уголовного дела мы встречались с ней. Она очень переживает, говорит, что старается измениться, но поддается на провокации. Я понимаю, что очень трудно работать над сложившимися годами привычками, но верю, что у нее все получится. Поддержка семьи и близких помогает ей преодолевать трудности, которые появляются на ее пути.

Ирина Степанова

ИСЦЕЛЯЮЩИЕ МОМЕНТЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В РАБОТЕ С ЖЕРТВАМИ

В работе ведущего программ примирения и заглаживания вреда по заявкам отдела по делам несовершеннолетних, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, суда значительное количество занимают случаи, где работа ограничивается предварительной встречей с обидчиком. Это происходит из-за того, что жертвы или их законные представители в таких программах отказываются от участия либо находятся вне досягаемости.

Итогом работы по такой программе часто становится не услышанное жертвой раскаяние обидчика и его готовность загладить причиненный ущерб. Или, как вариант, непризнание вины и, соответственно, нежелание что-либо делать для устранения последствий случившегося. Такие программы в отчеты ведущего идут с формулировкой «ситуация не изменилась» ввиду того, что подтверждения раскаяния и готовности загладить вред обидчиком в ходе примирительной встречи с жертвой не происходит.

Подобные случаи могут закончиться примирением в суде, если обидчик действительно осознал последствия случившегося, искренне раскаивается в содеянном, а работа с его чувствами и потребностями вывела на предложение конкретных мер по заглаживанию причиненного им вреда. И обидчик сам начал что-то делать вне программы (например, пишет письмо потерпевшей стороне или подходит к ней).

Совсем по-другому проходит и завершается работа по программам, где жертва (или ее законный представитель) заявляет согласие на участие в программе. При этом жертва может быть настроена негативно по отношению к обидчику (то есть быть против самой процедуры примирения, но желать восста-

новления справедливости). Она может быть настроена позитивно (то есть хотеть встречи с обидчиком, хотеть разрешения для себя каких-то сложных вопросов, связанных с ситуацией или с личностью обидчика). Наконец, жертва может не высказывать своего явного желания услышать раскаяние и извинения со стороны обидчика. Или иметь намерение все забыть, но при этом ей хочется поговорить о случившемся с кем-то посторонним. Так или иначе, само согласие со стороны жертвы на участие в программе примирения, а также открытая демонстрация своей позиции дает возможность ведущему завершить работу со случаем, учитывая потребности всех сторон.

Приведу примеры трех случаев (имена и возраст изменены). Во всех трех старший подросток у младшего открыто похитил сотовый телефон.

В первом случае законный представитель жертвы отказывался от встречи со мной, не видя в этом надобности для себя. Также отец не давал согласия на встречу со своим сыном, оберегая, по его мнению, психику подростка. При этом у ребенка была сильная обида, потеря доверия к старшим подросткам, а его отец «захлебывался» от негодования и желания наказать виновного законным путем.

Во втором случае сложилась противоположная ситуация. Законный представитель (в данном случае мама подростка) сразу дала согласие на участие своего сына в программе, мотивировав это тем, что хочет для сына получения такого опыта разрешения конфликта. При этом она учитывала желание самого несовершеннолетнего услышать лично извинения в свой адрес.

В третьем случае жертва – подросток дал согласие на участие, но позиция его была неопределенной, так как наказания для обидчика он не хотел, а извинения обидчика ему были не нужны. При этом он охотно говорил о самой ситуации.

Поскольку позиции жертв были разными, то и подходы к самой ситуации с моей стороны были отличными один от другого.

В первом случае проводилась работа с чувствами и потребностями законного представителя жертвы (отца Максима, 11 лет). В процессе общения и проговаривания последствий случившегося, глубоких переживаний за своего сына у него периодически возникали вспышки гнева за неправильное воспитание других детей, которые вместо того чтобы зарабатывать себе деньги на карманные расходы, отбирают у младших школьников телефоны. Мужчина рассказал мне, что он в возрасте 17 лет перед армией уже зарабатывал деньги и помогал матери с отцом материально. Я спросила его: «А вы хотели бы рассказать об этом Артуру (обидчику)?». Отец Максима был удивлен моим предложением высказать обидчику свои переживания, негодование с позиции отца или старшего товарища, не боясь обидеть подростка. Это предложение его заинтересовало.

Тогда я рассказала, что Артура воспитывала бабушка, родного отца он не знал, мать с новым мужем из ближнего зарубежья занимаются торговлей где-то в Пермском крае, навещая сына от случая к случаю. Мы вместе пришли к выводу, что мужского влияния на Артура никто не оказывает, и объяснить подростку, что уместно для его 17 лет, а что нет, просто некому. Этот момент стал переломным в проведении программы. Отец Максима дал согласие на мою встречу с сыном и на участие их с Максимом в примирительной встрече.

Во втором случае упор был сделан на работу с чувствами и потребностями жертвы (Данил, 13 лет). Ребенок отмалчивался, отказывался разговаривать один на один со мной, говорил односложно и только в присутствии мамы. Данил неохотно проговаривал свои переживания, он был согласен на примирительную встречу, но не мог обозначить ожидания от нее. Я поняла, что подросток опасается преследования, мести со стороны своих обидчиков и прямо его об этом спросила. Он подтвердил мои предположения, проговорил, что боится ходить через двор, в котором произошла ситуация. Данил согласился на вторую встре-

чу со мной (уже без мамы), на которой сам заявил, что хочет услышать от обидчиков, что лично к нему неприязненных отношений они не имеют и повторения ситуации не будет.

В третьем случае с жертвой (Михаил, 15 лет) была договоренность на предварительную встречу, но он каждый раз то забывал, то уроки заканчивались то раньше, то позже, то не было денег на проезд. При этом Михаил не отказывался от участия в программе. Тогда я, договорившись с администрацией образовательного учреждения, выехала в училище, где обучался Михаил. Нам предоставили кабинет для беседы. В ходе встречи, даже проговаривая свои чувства обиды, досады, злости, подросток долго не выходил на потребность услышать объяснения обидчика, почему так случилось и почему это случилось именно с ним, хотя эта тема затрагивалась им в разговоре. Но стоило только задать вопрос: «Тебе важно услышать объяснения того, что случилось, от обидчика?», как он начинал уверять меня, что он понимает, что на его месте мог оказаться кто угодно и так далее и тому подобное.

Переломным моментом стало обсуждение дальнейшего общения подростков, ведь обидчик часто приезжает к родственникам в поселок, где живет Михаил, круг общения у них один, друзья общие. Только тогда подросток выразил желание встретиться с обидчиком в моем присутствии и выслушать не столько его извинения, сколько объяснения сложившейся ситуации с позиции обидчика. У него возникла потребность договориться о правилах дальнейшего общения друг с другом и в компании подростков поселка.

Все три случая завершились примирительной встречей с подписанием договоров. Во всех трех случаях жертвам был компенсирован материальный ущерб, принесены извинения с объяснением причин совершения противоправных действий в отношении их, было обсуждено дальнейшее общение между сторонами. В каждом из трех случаев жертвы получили то, что они хотели: высказали свою позицию, продемонстрировали умение бесконфликтно защищать себя и членов своей семьи, получили урок последствий излишней доверчивости, восстановили отношения путем открытого разговора, повысили свою самооценку. Эти исцеляющие моменты «запустили» механизм выздоровления. И отрадно, что я к этому процессу имела самое прямое отношение.

Галина Новикова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИАЦИИ В РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ, ОКАЗАВШЕЙСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

В наш центр обратилась за помощью социальный педагог одной из школ района. Она работала с семьей учащегося (Игорь, 14 лет), где скоропостижно скончалась мать. Из родственников у Игоря остались тетя (сестра матери), отец, проживающий с новой семьей и помогающий только материально, и брат матери, с которым он практически не поддерживал никаких отношений.

После смерти матери Игорь недолгое время прожил в семье отца, но не смог найти общий язык с его новой женой, хотя и подружился со своим сводным младшим братом. Отношения с отцом у Игоря были натянутыми, взаимопонимание практически утрачено. Сам подросток не был склонен к совершению правонарушений, но в связи с неустроенностью и отсутствием эмоциональных связей в семье часто пропадал у друзей с прежнего места жительства и уже был замечен в совершении противоправных действий. Среди взрослых авторитетом у подростка пользовалась тетя. Игорь неоднократно выражал свое желание жить именно в ее семье, хотя у нее недавно поменялась семейная ситуация: она повторно вышла замуж.

Подросток обучался в 8-м классе, учебная мотивация была очень низкая, школу он посещал лишь для общения со сверстниками или из-за спортивной секции. Также он продолжал посещать спортивную секцию по месту прежнего места жительства.

Основной трудностью в работе специалистов с этой семьей стало создание благоприятных условий для проживания и дальнейшего обучения подростка.

У Игоря был хороший контакт с социальным педагогом школы, но она не могла

найти взаимопонимания с его семьей. Тогда она решила попытаться изменить ситуацию через тетю подростка и обратилась за психологической помощью для данной семьи в наш центр.

У меня состоялась встреча с социальным педагогом школы. В ходе нее были оговорены основные особенности семейной ситуации подростка, прояснены роли и отношения в семье. Также был составлен примерный план совместных мероприятий:

- консультирование подростка по поводу его трудностей в отношениях с отцом, с учебой, потому что из-за частых прогулов ему грозил повторный год обучения;
- встреча с тетей для прояснения ее личного отношения к создавшейся ситуации;
- встреча с отцом и прояснение его ожиданий и претензий к сыну от первого брака.

Таким образом, мы стали работать со всеми сторонами ситуации для подготовки Семейной конференции. И одним из этапов подготовки стала медиация между подростком и тетей.

С Игорем состоялись две встречи, которые носили ознакомительный и консультационный характер. Были прояснены его ожидания от предстоящей процедуры (Семейной конференции) и от встреч со всеми заинтересованными лицами. Также с подростком были отражены и отработаны его чувства и переживания по поводу отца и мачехи. Он выразил нежелание жить в новой семье отца из-за постоянных придирок к нему мачехи и ее избыточных требований. Также он сказал, что переехать к тете он готов хоть сегодня. Важным моментом встречи был разговор о желании самой тети и разрешении отца. Затем Игорю было

предложено подумать о следующем: чего он ожидает от такой перемены в его жизни; готов ли принять на себя часть новых обязательств и готов ли к тому, что тетя, возможно, согласится поддерживать отношения, лишь встречаясь с ним на неделе несколько раз и забирая его к себе на каникулы. После этого было получено согласие Игоря на совместную встречу с ним и его тетей. Также он был проинформирован, что педагог-психолог намерен встретиться с его отцом и мачехой.

Я неоднократно пыталась связаться по телефону с отцом ребенка и договориться о встрече, но он, ссылаясь на занятость, обещал и не приходил. Тогда социальный педагог пригласила отца и мачеху подростка в школу, выяснила их отношение к ситуации и, с согласия Игоря, озвучила его ожидания и эмоциональные переживания. В ходе разговора стало ясно, что отец Игоря и его жена приняли факт потери контакта с подростком и поэтому не возражают против его переезда к тете. Но они также выразили желание видеть Игоря, настаивали на его регулярных визитах к ним, мотивировав тем, что в их семье растет младший сводный брат, который скучает по Игорю. Кроме того, отец все-таки хотел бы принимать больше участия в воспитании старшего сына, а не быть лишь финансовым гарантом стабильности. Против самой тети ни отец, ни мачеха ничего не имели, но они высказали некоторые свои опасения:

- что подросток начнет ею манипулировать;
- могли возникнуть трудности в налаживании отношений между новым мужем тети и подростком.

Затем я встретила тетю Игоря. Это оказалась вполне реалистично настроенная женщина. Ей, действительно, было жаль подростка, она переживала за его дальнейшую судьбу. Она подтвердила, что часто после тренировок он заходит к ней, а только потом едет домой. Она рассказала, что Игорь помогает ей по хозяйству, выполняет поручения. На вопрос, какие у него отношения с ее нынешним мужем, она ответила, что бывает поразному, но чаще Игорь прислушивается к мнению ее мужа, признает его авторитет и выполняет его поручения и просьбы. В завершение встречи было получено ее согласие на совместную встречу с отцом подростка и ее мужем, а также и с самим подростком для прояс-

нения правил, по которым они смогут взаимодействовать дальше.

Затем мною было потрачено довольно много времени на ожидание встречи с отцом подростка, но она так и не произошла. Поскольку не состоялась встреча ведущего программы с отцом, то и Семейная конференция не состоялась. Тогда было решено снова встретиться с тетей и подростком. Состоялось две встречи, в ходе которых между тетей и Игорем с одной стороны, и отцом и мачехой с другой, была использована челночная медиация, прояснены их ожидания и условия, устраивающие обе стороны, а также оговорены возможности общения с семьей. Со слов социального педагога, отец дал свое заочное согласие и разрешение на то, чтобы сын некоторое время пожил в семье тети, но с еженедельным посещением семьи отца и проведением, как минимум, одного выходного дня в его семье. При этом отец проговорил, что для него очень важны успехи сына в учебе и на тренировках, а также налаживание отношений между сыном и его нынешней женой. Он также считает себя вправе в одностороннем порядке расторгнуть договоренность, если ситуация будет меняться в худшую сторону.

Эта информация была передана тете и Игорю. Подросток хотел как можно быстрее пройти процедуру по определению его дальнейшего места проживания и подписание договора, устраивающего всех близких ему людей. Игорь не всегда во время встречи отдавал отчет серьезности происходящего, но все-таки в процессе проведения встречи с ним и его тетей нам удалось акцентировать внимание Игоря на том, что каждая сторона должна что-то сделать для разрешения создавшейся ситуации. Это было оговорено на встрече, и Игорь согласился с этим.

В дальнейшем подросток какое-то время жил в семье тети, но, несмотря на все оговоренные заранее условия, к концу учебного года у него появились учебные долги, он почти не реагировал на требования или пожелания отца, используя его лишь как материальную поддержку. Вследствие этого отец принял решение – вернуть сына в свою семью, несмотря на то, что они практически не жили вместе, пока была жива мать подростка.

В настоящее время Игорь живет в семье отца, он закончил девять классов, поступил в училище, получает профессию, которую выбрал сам, регулярно посещает тетю. Со слов

социального педагога, открытых конфликтов с мачехой в семье больше не повторялось.

Данная ситуация разрешилась именно таким образом, скорее всего, вследствие нескольких причин:

- психологические особенности подросткового возраста, когда, с одной стороны, хочется независимости, а с другой – имеется острая потребность в признании со стороны взрослого мужчины (отца);
- благодаря общению со специалистами отец пересмотрел свои взгляды на воспитание и отношения с сыном. Ранее он считал, что раз жил отдельно до сознательного возраста сына, то теперь ему будет сложно найти с ним общий язык. На самом деле оказалось, что как у сына, так и у отца проявился взаимный интерес и желание наладить отношения друг с другом;
- несмотря на доброжелательные отношения с тетей, оставлять Игоря в ее семье было бы не совсем разумно, так как он

очень легко начинал манипулировать ею в своих интересах и практически не выполнял своих договоренностей по отношению к данной семье.

Медиация в данном случае носила, скорее, челночный характер, так как ни разу не удалось собрать членов семьи в полном составе. Были встречи либо с тетей и Игорем, либо с социальным педагогом и отцом и его женой. Психологу лишь удалось несколько раз поговорить с отцом и мачехой по телефону. Хотя они и давали свое согласие на встречу с психологом, в конечном итоге, встречи срывались каждый раз по причине занятости супругов (у них свой большой бизнес). Возможной причиной подобного может служить долгое проживание отца отдельно от сына, а также его новая семья, в которой более активную позицию занимает не он, а именно супруга.

Благодаря работе с данной семьей удалось восстановить отношения между сыном, отцом и другими родственниками, поддержать подростка в трудный период его жизни.

Светлана Егорова

ОПИСАНИЕ РАБОТЫ СО СЛУЧАЕМ

Заявка на проведение восстановительной программы поступила из комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав нашего района на двух несовершеннолетних, совершивших хищение чужого имущества: двадцать рублей и кроссовки. Один из участников ситуации – обидчик Вова¹ (15 лет) ранее неоднократно принимал участие в подобных программах, но, по всей видимости, это не имело эффекта. Поэтому с Вовой вообще не хотелось взаимодействовать (в прежних программах он проходил все стадии, в том числе примирение сторон и подписание договора), но все же я, по совету своего руководителя, решила еще раз попробовать поработать с подростком. Вова дал свое согласие на участие в программе так же, как и второй правонарушитель Егор (15 лет).

С Егором мне пришлось встретиться два раза. В первый раз Егор был приглашен через социального педагога школы. В кабинет для консультации вошел светловолосый парень, скромно потоптался, поздоровался. Я пригласила его пройти и сесть там, где ему удобно. Егор сел напротив меня. Я представилась, объяснила, по какому поводу подросток приглашен, а затем спросила:

– Егор, ты мог бы рассказать, с чего все началось?

Сначала подросток говорил сбивчиво, но потом рассказ стал более понятным. Со слов несовершеннолетнего, он после подработки пошел гулять со своей подружкой, они зашли за второй девочкой и новым знакомым Федей (потерпевший, 15 лет). Они спокойно общались и гуляли. Потом Егору позвонил Вова и пред-

ложил встретиться. Ребята согласились и встретились с Вовой и его компанией. Девушки отошли в сторону, а Егор подошел к знакомым, которых увидел. Пока он разговаривал с приятелями, Вова о чем-то беседовал с Федей. Затем Вова нанес ему первый удар. Потом к избиению присоединились другие парни и две девочки – всего их было восемь человек. Поддавшись влиянию группы, Егор тоже принял участие в драке под руководством Вовы. Егор не мог объяснить, что случилось, по его словам, на него вдруг нашло затмение. Впоследствии он оттащил Вову от Федей. У потерпевшего деньги забрал Вова, а кроссовки взял Егор. Видя, что потерпевший уходит, Егор с парой приятелей забеспокоились по поводу того, что совершили, и решили немного искупить вину – проводить Федю, но вскоре потеряли его из виду. Придя домой, Егор закинул кроссовки в дальний угол, чтобы побыстрее забыть о случившемся. Через пару дней его вызвали в милицию, где состоялся допрос по поводу произошедшего.

Егор выразил желание встретиться с потерпевшим на примирительной встрече, принести свои извинения, и гарантировать, что подобное больше не повторится, и предложить свою дружбу и защиту.

Состоялась предварительная встреча с Вовой. По моим наблюдениям, особого раскаяния и сожаления у него не было. Толком рассказать, как было дело, подросток не мог, он часто произносил: «Я не помню. Я не знаю. Так получилось...» Он был абсолютно уверен в том, что потерпевшая сторона согласится пойти с ним на примирение, как было и во всех предыдущих случаях. Вова вальяжно расположился в кресле, крутя в руках сотовый телефон.

¹ Имена участников изменены.

– И что я на встрече с ним, упаду на колени и корону ему надену, принося извинения!?! – высокомерно произнес подросток.

– Как я понимаю, ты не хочешь встречаться с Федей?

– Да нет. Встречусь...

Я попросила его подумать над тем, что он может сказать Феде во время встречи.

Состоялась предварительная встреча с Федей – потерпевшей стороной, на которой присутствовала и его мама. Она была очень обеспокоена всей ситуацией. Во время встречи подросток рассказал о случившемся, о своем страхе и безысходности, когда оказался один в окружении восьми недружелюбно настроенных подростков. Вова начал требовать деньги, а у Феде их хватало только на проезд. Вова нанес первый удар, потом к нему присоединились остальные ребята. Федя пытался убежать, но компания его догнала. Пока ему наносили удары, когда он уже лежал на земле, он слышал издевательские выкрики парней и девушек в свой адрес. Он опасался, что у него могут забрать сотовый, и тогда он не сможет позвонить родителям. Когда побои прекратились, Вова забрал деньги и снял кроссовки, которые передал Егору. Федя поднялся и пошел домой. Подросток боялся, что обидчики решат его преследовать, и поэтому пошел домой другим путем. Дома никого не было (родители уехали на дачу). У него очень болела челюсть, когда боли ночью стали совсем нестерпимыми, он позвонил маме. Когда они приехали в больницу, врачи обнаружили трещину челюсти. Вскоре родители написали заявление в милицию. Почти месяц Федя не мог нормально есть.

По словам Феде, в этой ситуации он ощутил поддержку семьи и младшего брата, с которым обычно они не понимали друг друга и часто ссорились.

Несовершеннолетний был не против встретиться с одним из обидчиков – Егором, чтобы выяснить, за что, собственно, он пострадал. Но видеть Вову он не хотел, так как по отношению к этому человеку у него осталось много негативных эмоций, а также страх, что конструктивного разговора не получится. Подросток предполагал, что искренних извинений от Вовы не будет и не видел смысла с ним встречаться; ему хотелось, чтобы по суду обидчик получил законное наказание за содеянное.

Повторная встреча с Егором состоялась в центре временного пребывания несовершеннолетних (это случилось после одной из драк

в школе: со слов подростка, он иногда поддается агрессии, и дрался он, защищая свою честь и друзей), в ходе которой подросток был информирован о решении потерпевшего. Егор просиял и подтвердил свои намерения извиниться перед Федей и намеревался предложить ему свою дружбу.

Также я повторно встретила с Вовой. Узнав о том, что решил Федя, Вова как-то поник... Подросток, на которого действовали мои слова: «Хотел бы ты, чтобы твое мнение по поводу этой ситуации тоже было услышано?», решил рассказать о своем видении ситуации в письменном виде. В письме он написал о причинах, побудивших его совершить подобный поступок.

– А можно написать, что меня девочка попросила?

– А тебя попросила об этом девочка? – уточнила я.

– Нет, ... я... сам... просто он «лох»!

– Как ты думаешь, уместно ли писать данное слово в письме?

– Ну,... наверное, нет ... – ответил Вова, почесав затылок.

– А что ты понимаешь под этим словом?

– Не знаю... «лох» – он и есть «лох».

Я начала задавать вопросы, которые бы помогли Вове определиться с тем, что он имел в виду. Для начала мы выяснили, что понятием, противоположным слову «лох», является слово «лидер», которое подразумевает наличие таких качеств характера, как сила, ум, харизма, целостность натуры, наличие денег и удачи. Это помогло Вове выбрать то качество, которое задевало его в Феде, – слабость характера. Это слово он и решил написать в письме.

Письмо он писал почти час, периодически стараясь ничего не делать, отвлекаясь и стараясь переложить ответственность на меня: «Может быть, вы напишете? Или скажите, что написать, – я напишу...», но я говорила, что верю в его силы и он сам прекрасно сможет справиться. Несовершеннолетний написал почти половину страницы.

Примирительная встреча неоднократно переносилась: то из-за занятости Феде, то из-за болезни. Когда наконец-то встреча должна была состояться, Федя заявил, что не желает приходить. На что я сказала, рискуя потерять нейтральность:

– Федя... понимаешь, ждут только тебя. Егор приходит третий раз, желая встретиться с тобой. Ты же сам хотел встретиться с ним и

задать волнующие тебя вопросы и получить на них ответы. Понимаешь, любое дело нужно доводить до конца, не следует останавливаться на полпути... Если не решить эту ситуацию сейчас, она останется грузом за тобой... не нужно убегать от решения. Пойми, эта встреча для вас. Суд сам вынесет приговор по этому делу. Задача для вас – самим разрешить эту ситуацию.

– Хорошо, я приеду через полчаса.

Состоялась примирительная встреча Егора и Феди, в ходе которой ребята попытались разрешить ситуацию. Федя рассказал о последствиях, которые имела для него та встреча, о своих чувствах и эмоциях: «Вы понимаете, что вы вообще делали?». Он задал важный для него вопрос Егору:

– Почему вы это сделали? За что?!!

– Федя... лично у меня к тебе неприязни нет. Мне понравилось общаться с тобой. Тогда ... я сам не могу понять, что на меня нашло... я попал под общую агрессию группы. Тебя попросила избить девочка... Кристина... она попросила об этом Вову...

– Кристина? ... но я же ее ничем не обидел... мы просто общались в аське... а потом встретились... в тот день...

– Это такие люди... просто не та компания ... С одной стороны, хорошо, что они не приняли тебя в свой круг... Так как они очень жестокие, как звери... Я сам рад, что прекратил общение с ними после этого случая... Я сожалею о том, что сделал... и хочу извиниться перед тобой и предложить свою дружбу... и если кто-то обидит тебя... то и защити.

– Я пока не готов простить... нужно время...

– Я понимаю... – сказал Егор. – Давай тогда пока просто общаться... аськами обменяемся.

– Хорошо, – согласился Федя.

На примирительной встрече Феде было вручено письмо, написанное Вовой. Подросток его принял и обещал прочитать, положив в куртку. Ушли ребята вместе. Егор вызвался проводить Федю до дома.

Потом я созванивалась с ребятами, узнавала, как у них дела. И Федя и Егор сказали, что спокойно общаются, негатива к Егору у Феди нет. Со слов Феди, когда Егор его провожал, они общались по поводу Кристины. Я поинтересовалась, прочел ли подросток письмо, он ответил, что да. По мнению Феди, письмо было достаточно искреннее, однако негативное отношение к Вове у него осталось.

По решению суда в отношении Егора дело прекратили за примирением сторон, а Вове дали условно 2 года. В дальнейшем через специалистов ОДН я узнала, что в отношении Вовы было заведено еще одно уголовное дело в другом городе Пермского края, где он с другим несовершеннолетним совершил кражу.

Анализируя проведенную работу по описанному случаю, считаю положительным результатом то, что удалось организовать примирительную встречу между двумя участниками ситуации, на которой ребята конструктивно поговорили друг с другом. Федя после встречи стал более спокойным, в глазах появилась какая-то надежда. Важно и то, что главный обидчик (Вова) хоть что-то сам сделал, чтобы немного изменить ситуацию, – я знаю, ему было очень нелегко. Думаю, для всех участников этой программы все, что происходило, было новым полезным опытом в жизни.

Лично меня эта ситуация научила терпению и настойчивости и, в какой-то мере, преодолению себя: было трудно сохранить нейтральную позицию, так как чувствовалось, что участники пытались перетянуть меня на свою сторону, чтобы я учитывала их интересы.

В дальнейшем один из участников ситуации – Егор, приходил на консультации в наш центр. Во время встреч подросток рассказывал о своей жизни и о том, что его волнует. Вова отказался от психологической помощи, так как посчитал, что сам со всем справится. Потерпевшая сторона (Федя) отказался от наших услуг, но отметил, что в семье у него с братом и родителями наладились доверительные отношения и произошедшая ситуация сплотила их.

Мы продолжаем начатую год назад работу по исследованию практики реализации Стандартов восстановительной медиации, принятых Всероссийской ассоциацией в 2009 г. Это исследование включает как качественный анализ проведенных программ (см. статьи в рубрике «Опыт проведения восстановительных программ» настоящего Вестника), так и количественные данные. Ниже приведены данные мониторинга программ, проведенных в 2010 г. на территориальных площадках, вошедших в сеть восстановительных практик Всероссийской ассоциации восстановительной медиации.

Территориальные площадки разномасштабны: где-то удалось собрать данные по региону (например, Волгоградская область), где-то по меньшей территории. При этом нужно отметить, что ни в одном регионе, кроме Пермского края, мы не можем говорить о повсеместном распространении служб примирения; как правило, в городе (области) действуют 1–3 службы, так что отдельной графой выделен показатель «количество служб».

Одна из трудностей заполнения таблицы состоит в том, что не всегда интересующие нас показатели отслеживаются на местах. С другой стороны, сам способ подсчета может отличаться от нашего, и под одним и тем же понятием могут подразумеваться разные реалии. Так, например, «одной программой» мы, как правило, считаем работу по одному случаю независимо от числа участников (правонарушителей и жертв), при этом программа может включать большое количество индивидуальных встреч с разными участниками (или сторонами). А, к примеру, в Пермском крае «одна программа» – это если уча-

ствуют один правонарушитель и одна жертва. А если правонарушитель один, а жертв две, то считается, что проведены две программы; если два нарушителя и одна жертва, количество программ зависит от того, захочет ли жертва встречаться с обоими нарушителями вместе (тогда это одна программа) или по отдельности (следовательно, две программы). Такой способ расчета можно понять в административно-управленческой рамке, когда необходимо учитывать трудозатраты для расчета оплаты труда. Но наш мониторинг проводится в другой рамке, нас интересует содержательный аспект программ.

Кроме того, не все показатели, которые нас интересовали, нам удалось найти. В связи с этими и рядом других трудностей публикуемые данные дают возможность представить картину распространенности восстановительных практик в первом приближении, но нельзя говорить о точности цифр, пока не будут выработаны общие понятия и методы сбора информации.

В таблице 1 отражены количественные показатели по программам восстановительного правосудия, которые велись разного рода территориальными службами. Программы восстановительного правосудия проводятся как по ситуациям правонарушений, так и по конфликтным ситуациям, например семейным.

Программы примирения, проведенные школьными службами примирения, представлены в табл. 2.

Пермский край представлен в таблицах дважды. Полные данные удалось собрать по Индустриальному району г. Перми. По Перм-

скому краю в целом мы располагаем только официальными данными за 11 месяцев 2010 г., причем ряд интересующих нас показателей в них отсутствует. Поэтому показатели по краю представлены отдельной строкой. Строка «Всего с учетом Пермского края» не включает данные по Индустриальному району, так как они уже учтены в показателях по краю в целом.

Публикуемые данные предоставили:

Великий Новгород – Заманова Тамара Васильевна, руководитель Новгородского отделения центра «Судебно-правовая реформа»;

Волгоградская область – Маловичко Ирина Сергеевна, руководитель Волгоградского регионального отделения Всероссийской ассоциации восстановительной медиации;

Индустриальный район Перми – Хавкина Анна Львовна, председатель Ассоциации медиаторов Пермского края;

Казань – Охотникова Дарья Сергеевна, руководитель ОСПЗН КЦСО «Доверие»;

Махачкала – Заира Камилова, координатор школьных служб примирения по Республике Дагестан;

Москва – Коновалов Антон Юрьевич, председатель Ассоциации кураторов служб примирения и медиаторов г. Москвы, научный сотрудник НИЛ ЮТ МГППУ;

Новосибирск – Стукачева Татьяна Александровна, председатель региональной ассоциации медиаторов, директор СРЦ «Прометей»;

Пермский край – данные мониторинга приведены на основании доклада Рыскаль О. Е., заместителя начальника отдела профилактики детского и семейного неблагополучия Министерства социального развития Пермского края на краевой межведомственной конференции «*Восстановительный подход в профилактике преступности и правонарушений несовершеннолетних в Пермском крае: теория и практика 2010*» в декабре 2010 г.;

Петрозаводск – Гладких Светлана Яковлевна, психолог МОУ ДОД Детско-юношеского центра;

Самарская область – Прянишникова Татьяна Вячеславовна, председатель ассоциации детских служб примирения Самарской области;

Тюмень – Селиванова Ольга Антиевна, председатель Тюменской региональной ассоциации восстановительного правосудия;

Урай – Болковая Светлана Леонидовна, заместитель председателя КДНиЗП;

Чувашия – Осипова Евгения Юрьевна, председатель Ассоциации кураторов служб примирения и медиаторов Чувашии.

Комментарии к таблице 1.

1. Пустые клетки в таблице означают отсутствие данных по тому или иному показателю, поэтому такие клетки нужно отличать от тех, где стоит цифра «0». Соответственно, в тех столбцах, где имеют место пустые клетки, итоговые показатели не посчитаны.
2. Основные источники передачи дел на программы восстановительного правосудия – это суды и КДНиЗП. Некоторое количество случаев поступает также из подразделений по делам несовершеннолетних (ОДН), которые находятся в структуре ОВД Министерства внутренних дел РФ. Кроме того, случаи на программы поступают и из других источников, конкретных в каждом случае. Так, например, в подразделение по работе с правонарушениями несовершеннолетних центра «Перекресток» (Москва), которое занимается проведением программ восстановительного правосудия, дела поступают как из районного суда, так и из других подразделений центра (службы психологической помощи и службы помощи семьям в кризисной ситуации), а также из окружного центра «Дети улиц». В службы примирения могут поступать обращения от граждан, из школ, из уголовно-исполнительных инспекций, из учреждений дополнительного образования и пр. Пока эти разрозненные источники мы объединили под рубрикой «Иное» (возможно, в дальнейшем мы будем детализировать информацию об источниках поступления дел).
3. Количество поступивших в службы случаев (столбец 5) может превышать число начатых программ восстановительного правосудия (столбец 10), если служба проводит не только программы восстановительного правосудия, но и выполняет более широкий спектр работ с несовершеннолетними правонарушителями (как, например, подразделение

по работе с правонарушениями несовершеннолетних центра «Перекресток» (Москва) исследует ситуацию подростка и готовит отчет для суда, разрабатывает и осуществляет реабилитационные программы и пр.; программы восстановительного правосудия по разным причинам проводятся не по всем случаям).

4. Поступившие случаи нам удалось дифференцировать по источникам, откуда они были направлены (столбцы 6–9). Что касается столбцов 10 и 11, то в них отражены суммарные данные по делам, полученным службами из всех источников.
5. Программа восстановительного правосудия считается *начатой* (столбец 10), если медиатор провел первую индивидуальную встречу с одной из сторон. Телефонная беседа медиатора со стороны считается началом программы только в том случае, если она фактически выполнила функцию полноценной индивидуальной встречи со стороны. *Завершенной* считается программа восстановительного правосудия, когда стороны заключили примирительный договор либо участники конфликтной ситуации в иной форме достигли соглашения (столбец 11).
6. В качестве отдельного показателя мы выделили число правонарушителей, которые участвовали в программах¹. Нередко бывает, что в одном деле и, соответственно, в одной программе участвуют несколько правонарушителей, так что число правонарушителей может превышать число проведенных программ. Но может быть и обратная ситуация (т. е. по суммарным показателям количество программ может превышать число правонарушителей). Это связано с тем, что программы восстановительного правосудия не всегда имеют дело с ситуациями типа «право-

нарушитель – жертва». Так, например, в ювенальную службу г. Урая пришел запрос из КДНиЗП о проведении работы с восьмым классом общеобразовательной школы. Учащиеся этого класса систематически нарушали дисциплину, были частые конфликты с учителями, а также внутри классного коллектива, нарушения Устава школы. По этому запросу сотрудниками ювенальной службы проведены Круги, в результате которых были достигнуты определенные соглашения. Такого рода программы мы фиксируем в таблице, но по отношению к ним показатель «количество правонарушителей» неприемлем. Также и медиации (и другие типы программ) могут проводиться по разного рода конфликтам (например, семейным), где нет «правонарушителя и жертвы».

7. В типологии программ мы первоначально выделили «медиацию», «Семейные конференции (СК)», «Круги». Но в собранной информации мы обнаружили еще один тип, который наши респонденты выделяют как отдельный – «письмо жертве». При этом, как нам пояснили, к этому типу относят как ситуации написания и передачи письма пострадавшему в ходе *челночной* медиации, так и случаи *редуцированных* программ, когда жертва вообще отказывается от всякого контакта, в том числе и через медиатора, и письмо служит целям работы с обидчиком. Поскольку в полученных данных отсутствует соответствующее уточнение, мы пока объединили в одну графу «письмо жертве» и «челночную медиацию» (которая может проходить и без письма жертве). Количество программ по типам в таблице дано только для завершенных программ (столбцы 12–15).

*Материал подготовила
Людмила Карнозова*

¹ По предложению участников ассоциации, в дальнейшем мы будем собирать информацию и о числе пострадавших, а также общем числе людей, принявших участие в программах.

Таблица 1. Программы восстановительного правосудия – 2010²

№ п/п	Территория	Кол-во служб примирения	Источники поступления дел	Получено случаев					Кол-во программ		Типы завершенных программ				Кол-во правонарушителей	
				всего	в том числе из:				начато	завершено	медиа-ция	СК	Круг	письмо жертве/челночн.	На-чато	Завер-шено
					суда	КДНиЗП	ОДН	иное								
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	Волгоградская область	4	1 суд 4 КДНиЗП	29	2	27	0	0	29	15	боль-шин-ство				36	18
2	Казань	1	2 суда 2 КДНиЗП 1 ОДН	37	27	9	1	0	16	6					11	5
3	Москва	3	1 суд 3 КДНиЗП иное	34	17	6	0	11	33	17	6	1	8	2	31	13
4	Новосибирск	2	2 суда 1 КДНиЗП 1 ОДН иное	154	43	102	4	5	127	108	104	4	0	0	163	140
5	Индустриальный район г. Перми	1	1 суд 1 КДНиЗП 1 ОДН	86	30	52	3	1	62	17	16	1	0	0	62	17
6	Петрозаводск	1	2 суда (в т.ч. 1 – городск.; 1 – миров.)	6	6	0	0	0	4	2	1	0	0	1	8	3
7	Тюмень	1	35 судов (в т.ч. 4 – районных, 31 – миров.) иное	29	19	0	0	10	29	17	17	0	0	0	23	8

² Сбор статистических данных осуществлен Н. Путинцевой.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
8	Урай	1	1 КДН и ЗП школы	2	0	2	0	0	2	2	0	0	2	0	1	1
	ИТОГО	14	44 суда (из них 32 – мировых) 12 КДНиЗП 3 ОДН	377	144	198	8	27	302	184					334	205
	Пермский край (11 мес.)	47	50 судов	854	307	330	38	179	854	590						
	ВСЕГО с учетом Пермского края	60	93 суда³	1145	421	476	43	178	1094	757						

³ В данной ячейке мы не можем указать общее количество КДНиЗП и ОДН, так как у нас нет этих сведений по Пермскому краю (кроме Индустриального района).

Комментарии к таблице 2

1. «Количество действующих служб примирения» (столбец 3) – действующей считается служба примирения, которая провела не менее 4 медиаций в 2010 году ШСП или аналогичные службы в образовательных учреждениях: школах, колледжах и т. п., а также в приютах и общежитиях.

2. «Количество случаев, по которым началась работа» (столбец 6) – число переданных в службу примирения случаев, с которыми служба примирения начинала работу, но не обязательно они завершились какой-либо программой (по причине отказа сторон или по другим причинам).

3. «Количество завершенных программ» (столбцы 7 и 8) – завершённой программой считается общая встреча сторон и всех заинтересованных участников, на которой принято совместное решение о выходе из ситуации. Мы разделили программы на медиации, Круги сообщества и Семейные конференции, однако в ходе проведения мониторинга поняли, что запрашиваемая нами типология не соответствует разнообразию применяемой практики. Мы получали информацию по примирению в семье, Кругах заботы, школьных кон-

ференциях и т. д. Поэтому мы видим необходимость на собрании Всероссийской ассоциации восстановительной медиации выработать типологию программ для мониторинга 2011 года.

4. «Имели перспективу передачи в правоохранительные органы» (столбец 9) – число ситуаций, которые имели судебную перспективу (у участников было желание подать заявления в милицию, в КДНиЗП или носили криминальный характер – кража, вымогательство и пр.), но были решены без применения административно-правовых мер (например, стороны конфликта отказались от подачи заявления).

5. «Общее число участников программ» (столбцы 10 и 11) – общее число людей, принявших участие в восстановительных программах. Это могут быть как стороны конфликта, обидчики и пострадавшие, так и их родители или законные представители, педагоги, социальные работники, одноклассники, друзья и т. д.

*Материал по мониторингу
школьных служб примирения
подготовил Антон Коновалов*

Таблица 2. МОНИТОРИНГ ШКОЛЬНЫХ СЛУЖБ ПРИМИРЕНИЯ – 2010

№ п/п	Территория	Количество действующих служб примирения	Число медиаторов в службах примирения		Количество случаев, по которым началась работа	Количество завершенных программ		Имели перспективу передачи в правоохранительные органы	Общее число участников программ	
			взрослых	подростков		медиации	Круги сообщества		взрослых	подростков
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Москва	11	24	67	91	45	42	7	87	448
2	Великий Новгород	3	3	10	8	8	0	0	0	17
3	Волгоградская область	66	71	473	347	310	15	20	87	828
4	Индустриальный район г. Перми	12	12	53	93	62 ⁴	7 ⁵	4	15	120
5	Казань	9	12	92	34	25	2	2	35	107
6	Махачкала	2	2	11	15	14	0	1	1	14
7	Новосибирск	5 ⁶	7	26	79	74	1	4	9	100
8	Самарская область	5	5	14	66	48	10	0	5	133
9	Тюмень	1	1	8	40	40	0	0	0	80
10	Урай	2	2	4	5	1	3	2	9	35
11	Чувашия	13 ⁷	29	52	54	54	0	0	44	87
	ИТОГО	129	168	810	832	681	80	40	292	1969
	Пермский край (11 месяцев)	473	519		1273	1191	103 ⁸			
	ВСЕГО с учетом Пермского края	590	675		2012	1810	176			

⁴ Программы «Примирения в семье» по Индустриальному району помещены в графу «медиация».

⁵ «Школьные конференции» по Индустриальному району помещены в графу «Круги».

⁶ Из них в двух школах работают медиаторы без создания службы.

⁷ 9 – в школах, 4 – в социально-реабилитационных центрах, при этом в одном из социально-реабилитационных центров – детская волонтерская служба примирения в приюте.

⁸ В этом разделе объединены «Круги заботы» – 35 программ, «Школьные конференции» – 67 программ и Семейные конференции – 1 программа.

Сергей Пашин

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИАЦИИ

В Независимый экспертно-правовой совет обратился общественный центр «Судебно-правовая реформа» с просьбой провести правовую экспертизу по поводу применения и юридического значения положений Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Для производства правовой экспертизы назначен член НЭПС С. А. Пашин, кандидат юридических наук, профессор кафедры судебной власти и организации правосудия НИУ «Высшая школа экономики», заслуженный юрист Российской Федерации.

Перед экспертом поставлены следующие вопросы.

1. Запрещает ли данный закон проводить медиацию по уголовным делам?
2. Запрещает ли данный закон проводить медиацию в школьных службах примирения?
3. Запрещает ли данный закон проводить медиацию специалистам в рамках их функциональных обязанностей, в том числе и по делам, переданным им из суда, не в рамках регламента, описанного данным законом?
4. Могут ли медиаторы проводить медиацию по случаям, переданным из различных учреждений (например, ЗАГС), не в рамках регламента, описанного данным законом?
5. Можно ли называть медиацией восстановительную медиацию, поскольку последняя не соответствует понятию и процедурам, описанным в данном законе?
6. Должны ли организации, проводящие медиацию по уголовным делам и школьную медиацию, иметь в своем уставе указание на медиацию как вид деятельности данной организации в соответствии с данным законом?
7. Должны ли организации, в которых работают специалисты, проводящие медиацию по уголовным делам и школьную медиацию, иметь в своем уставе указание на медиацию как вида деятельности данной организации в соответствии с данным законом?
8. Должны ли специалисты, проводящие медиацию по уголовным делам и школьную медиацию, пройти подготовку в соответствии с данным законом?
9. Должны ли специалисты, проводящие медиацию по случаям, переданным из различных учреждений (например, ЗАГС), пройти подготовку в соответствии с данным законом?
10. Могут ли осуществлять медиацию по уголовным делам, медиацию в школах, а также медиацию по направлению из различных учреждений и организаций лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы?

На основании ознакомления с имеющимися материалами и исследования содержания нормативных актов экспертом дано следующее заключение.

Конституция Российской Федерации обязывает государство создавать условия, обеспечивающие свободное развитие человека, причем права и свободы человека «определяют смысл, содержание и применение законов»

(ч. 1 ст. 7, ст. 18 Конституции). В России гарантируются: свобода деятельности общественных объединений (ч. 1 ст. 30 Конституции); свободное использование каждым своих способностей, включая способности к труду

(ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 37); право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции). В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55 Конституции).

Данные конституционные положения имеют основополагающее значение для установления правового содержания норм законодательства о медиации. В связи с изложенными общими соображениями и в результате изучения норм отраслевого законодательства поставленные вопросы разрешаются следующим образом.

1. Запрещает ли данный закон проводить медиацию по уголовным делам?

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» имеет собственную, определенно очерченную область правового регулирования.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 193-ФЗ он «разработан в целях создания условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота...». В части 2 данной статьи говорится, что этим «Федеральным законом регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений». Для распространения действия данного Федерального закона на иные правоотношения, включая процедуры примирения по уголовным делам, необходимо специальное указание о том в соответствующих федеральных законах (ч. 3 ст. 1 Федерального закона № 193-ФЗ); такого указания в УПК Российской Федерации нет.

Соответственно, ограничения для применения процедуры медиации, установленные ч. 5 ст. 1 Федерального закона № 193-ФЗ, касаются лишь споров, возникающих из гражданских, трудовых, семейных правоотноше-

ний. Достаточно характерно, что в данном законе постоянно упоминаются только гражданское и арбитражное судопроизводство, а также не применимое к уголовно-правовым отношениям третейское разбирательство (ч. 4 ст. 1, ст. 4, 7, 12 и др. Федерального закона № 193-ФЗ). Медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате предусмотренной Федеральным законом № 193-ФЗ процедуры медиации, может быть утверждено судом «в качестве мирового соглашения» (ч. 3 ст. 12 Федерального закона № 193-ФЗ), то есть документа, имеющего значение в рамках гражданского, но не уголовного судопроизводства. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не формулирует поправок в УПК Российской Федерации, не содержит норм уголовно-процессуального права. Например, этим Федеральным законом свидетельский иммунитет медиатора установлен только применительно к арбитражному и гражданскому судопроизводству, но статья 56 УПК Российской Федерации аналогичной нормой не дополнена.

Определения процедуры медиации, ее сторон, медиаторов, содержащиеся в ст. 2 Федерального закона № 193-ФЗ, сформулированы исключительно «Для целей настоящего Федерального закона» и имеют значение только в контексте его норм. Иными словами, законодатель не закрепил в окончательном, застывшем и единственно правильном виде альтернативную процедуру урегулирования споров (процедуру медиации). Законодатель лишь описал разновидность процедуры медиации, которая применима к некоторым спорам и имеет определенные соответствующими законами правовое значение и юридические последствия.

Таким образом, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не запрещает проводить медиацию по уголовным делам. Способы достижения примирения и урегулирования вопросов возмещения вреда между потерпевшим и обвиняемым (подозреваемым), пострадавшим и обидчиком в конфликте, носящем уголовно-правовой характер, законодательством не предписаны, медиация из арсенала этих способов не исключена.

2. Запрещает ли данный закон проводить медиацию в школьных службах примирения?

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не распространяется на повседневную деятельность школьных служб примирения и не запрещает проводить в них медиацию. При этом школьные службы примирения не вправе применять процедуру медиации, как она понимается Федеральным законом № 193-ФЗ, для урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений (ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 193-ФЗ).

Правовой режим, предусмотренный Федеральным законом № 193-ФЗ, распространяется на медиацию, проводимую по поводу указанных выше споров, при условии заключения сторонами конфликта письменного соглашения о применении либо проведении процедуры медиации (ст. 7 и 8 Федерального закона № 193-ФЗ). Если же данные условия не соблюдены, школьные службы примирения вправе проводить медиацию также и в связи со спорами, указанными в ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 193-ФЗ, однако в этом случае: установленный данным Федеральным законом порядок медиации посредника не связывает; результаты процедуры такой медиации не защищаются положениями данного Федерального закона (ч. 4 его ст. 12 и другими). Тем не менее, достигнутое сторонами благодаря услугам посредника соглашение об урегулировании спора имеет *de facto* юридическое значение, если оно приобрело форму мирового соглашения либо другую не противоречащую положениям российского законодательства форму, отражающую самостоятельное волеизъявление сторон.

Последнее разъяснение основано на положениях ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, позволяющей самозащиту права. Стороны вправе урегулировать спор любыми непротивоправными средствами, лично или при помощи посредника, в рамках модели медиации, описанной в Федеральном законе № 193-ФЗ, или же за пределами этой модели.

3. Запрещает ли данный закон проводить медиацию специалистам в рамках их функцио-

нальных обязанностей, в том числе и по делам, переданным им из суда, не в рамках регламента, описанного данным законом?

Федеральный закон № 193-ФЗ описывает один из вариантов медиации, результатам которой придает строго определенное юридическое значение и предоставляет правовую защиту. Однако он не упраздняет иные, пусть и одноименные возможности урегулирования споров, хотя и не защищает результаты такого рода «параллельных» процедур. Как говорилось выше, результаты подчиняющихся иному регламенту процедур медиации, чтобы придать им юридическое значение, необходимо представить в признаваемых законом формах в качестве последствий самостоятельного волеизъявления сторон.

4. Могут ли медиаторы проводить медиацию по случаям, переданным из различных учреждений (например, ЗАГС), не в рамках регламента, описанного данным законом?

Да, могут – в силу правовых соображений, приведенных в ответах на вопросы 2-й и 3-й.

5. Можно ли называть медиацией восстановительную медиацию, поскольку последняя не соответствует понятию и процедурам, описанным в данном законе?

Федеральный закон № 193-ФЗ определяет термины исключительно для собственных целей правового регулирования (ст. 2 Федерального закона № 193-ФЗ). Поэтому восстановительная медиация имеет право на существование и сложившееся наименование, отличаясь от процедуры медиации, предусмотренной данным федеральным законом.

6. Должны ли организации, проводящие медиацию по уголовным делам и школьную медиацию, иметь в своем уставе указание на медиацию как вид деятельности данной организации в соответствии с данным законом?

Требования к уставам общественных объединений определены ст. 20 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». Устав общественного объединения должен предусматривать, в частности, «название, цели общественного объединения, его организационно-правовую форму».

Деятельность общественного объединения должна соответствовать его уставным целям, однако «Общественные объединения свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов своей деятельности» (ст. 27 Федерального закона № 82-ФЗ).

Организации, проводящие медиацию по уголовным делам и школьную медиацию, не занимающиеся и не намеренные заниматься медиацией, предусмотренной Федеральным законом № 193-ФЗ, не должны указывать на эту последнюю деятельность в своих уставах.

7. Должны ли организации, в которых работают специалисты, проводящие медиацию по уголовным делам и школьную медиацию, иметь в своем уставе указание на медиацию как вида деятельности данной организации в соответствии с данным законом?

Организации, в которых работают специалисты, проводящие медиацию по уголовным делам и школьную медиацию, если эти организации не занимаются и не намерены заняться медиацией, предусмотренной Федеральным законом № 193-ФЗ, не должны указывать на эту последнюю деятельность в своих уставах.

8. Должны ли специалисты, проводящие медиацию по уголовным делам и школьную медиацию, пройти подготовку в соответствии с данным законом?

Для проведения медиации по уголовным делам и школьной медиации на профессиональной, как и на непрофессиональной основе, специалист не обязан проходить подготовку и отвечать цензовым требованиям, предусмотренным ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 193-ФЗ, поскольку данный Федеральный закон не регулирует порядок осуществления медиации по уголовным делам и школьной медиации.

9. Должны ли специалисты, проводящие медиацию по случаям, переданным из различных учреждений (например, ЗАГС), пройти подготовку в соответствии с данным законом?

Такая подготовка не требуется, кроме случаев, когда данные специалисты намерены практиковать на профессиональной основе как медиаторы, привлекаемые сторонами для посредничества в урегулировании споров, предусмотренных ч. 2 ст. 1 Федерального за-

кона № 193-ФЗ, на основе письменных соглашений сторон о применении либо проведении процедуры медиации.

10. Могут ли осуществлять медиацию по уголовным делам, медиацию в школах, а также медиацию по направлению из различных учреждений и организаций лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы?

Лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы, ограничены в возможностях попутной деятельности, в особенности приносящей прибыль либо другую выгоду (дополнительный заработок).

На первый взгляд, по общему смыслу статей 17–19 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», положений Указа Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» гражданскому служащему не возбраняется осуществлять медиацию по уголовным делам и школьную медиацию, за исключением следующих случаев:

- если медиация осуществляется как предпринимательская деятельность;
- если включенность гражданского служащего в медиацию создает конфликт интересов;
- если медиация выступает формой обогащения гражданского служащего с использованием преимуществ должностного положения, средств материально-технического и иного обеспечения, другого государственного имущества;
- если медиация финансируется за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Поскольку при осуществлении медиации государственными и муниципальными служа-

щими риск конфликта интересов и коррупционного поведения исключительно велик, законодатель, принимая 27 июля 2010 года первый Федеральный закон, подробно регламентирующий процедуру медиации по определенным разновидностям споров, включил в него следующую норму: «Медиаторами не могут быть лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы, если иное не предусмотрено федеральными законами» (ч. 5 ст. 15 Федерального закона № 193-ФЗ).

Данное правоположение, как представляется эксперту, должно по аналогии применяться ко всем иным разновидностям медиации

(посредничества). Таким образом, лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы, не вправе осуществлять медиацию по уголовным делам и школьную медиацию, в том числе на непрофессиональной основе и без получения вознаграждения. При этом следует подчеркнуть, что невозможность для данных лиц выступать в роли посредников в частных спорах не препятствует им передавать медиаторам материалы и сведения для организации и осуществления процедуры медиации по уголовным делам и школьной медиации.

25 марта 2011 года

- Албогачиева Макка Султан-Гиреевна** – научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера) РАН, кандидат исторических наук
- Бабич Ирина Леонидовна** – ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН
- Балаева Анна Вячеславовна** – руководитель службы по работе с правонарушениями несовершеннолетних ЦСПА и РП «Перекресток» МГППУ, старший научный сотрудник лаборатории ювенальных технологий МГППУ, кандидат психологических наук
- Берсанова Залпа Хож-Ахмедовна** – заведующая сектором этнографии Академии наук Чеченской Республики, кандидат исторических наук
- Великоцкая Анастасия Михайловна** – специалист по работе с правонарушениями несовершеннолетних ЦСПА и РП «Перекресток» МГППУ, педагог-психолог, арт-терапевт, ведущая восстановительных программ
- Егорова Светлана Аркадьевна** – ведущий восстановительных программ, социальный педагог МОУ «Центр психолого-медико-социального сопровождения» г. Перми, структурное подразделение по Индустриальному району
- Ефремова Надежда Николаевна** – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, профессор
- Женодарова Елена Дмитриевна** – ведущий специалист службы по работе с правонарушениями несовершеннолетних ЦСПА и РП «Перекресток» МГППУ, нарративный практик
- Карнозова Людмила Михайловна** – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, старший научный сотрудник НИЛ ювенальных технологий МГППУ, член коллегии общественного центра «Судебно-правовая реформа», кандидат психологических наук
- Коновалов Антон Юрьевич** – руководитель направления «Школьные службы примирения» общественного центра «Судебно-правовая реформа», научный сотрудник НИЛ ювенальных технологий МГППУ, председатель Ассоциации кураторов служб примирения и медиаторов г. Москвы
- Кристи Нильс** – профессор криминологии, член Академии наук Норвегии и Швеции

- Кудрявцев Максим Александрович** – научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук
- Максудов Рустем Рамзиевич** – президент общественного центра «Судебно-правовая реформа», председатель Всероссийской ассоциации восстановительной медиации
- Маловичко Ирина Сергеевна** – президент ВРБОО «Клуб ЮНЕСКО «Достоинство ребенка», руководитель Волгоградского регионального отделения Всероссийской ассоциации восстановительной медиации
- Морозова Наталья Николаевна** – психолог РГУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних Ленинского района г. Чебоксары»
- Новикова Галина Анатольевна** – ведущий восстановительных программ, педагог-психолог МОУ «Центр психолого-медико-социального сопровождения» г. Перми, структурное подразделение по Индустриальному району
- Пашин Сергей Анатольевич** – член Независимого экспертно-правового совета, федеральный судья в отставке, кандидат юридических наук, профессор кафедры судебной власти и организации правосудия НИУ «Высшая школа экономики», заслуженный юрист РСФСР
- Овчинникова Татьяна Сергеевна** – руководитель службы примирения центра внешкольной работы «Дзержинец» г. Тюмень, кандидат педагогических наук
- Роб ван Паже** – директор организации Eigene Kracht, Нидерланды
- Селиванова Ольга Антиевна** – директор Центра внешкольной работы «Дзержинец» г. Тюмень, доктор педагогических наук, председатель Тюменской региональной ассоциации восстановительного правосудия
- Степанова Ирина Николаевна** – ведущий восстановительных программ, социальный педагог МОУ «Центр психолого-медико-социального сопровождения» г. Перми, структурное подразделение по Индустриальному району
- Хавкина Анна Львовна** – председатель Ассоциации медиаторов Пермского края, руководитель структурного подразделения МОУ «Центр психолого-медико-социального сопровождения» г. Перми по Индустриальному району
- Шарифзянова Кадрия Шяукатовна** – старший преподаватель кафедры психолого-педагогических проблем ГАОУ ДПО ИРО РТ г. Казани

ВЕСТНИК ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

Развитие арсенала восстановительных практик
в работе с конфликтными и криминальными ситуациями

Редакторская группа: *Карнозова Л.М., Коновалов А.Ю., Максудов Р.Р.*
Выпускающий и литературный редактор *Путинцева Н.В.*
Компьютерная верстка: *Фролова А.Ю.*
Корректор *Корепанова К.М.*

ISBN 978-5-901075-30-2

Подписано в печать 30.05.2011. Формат 60x90 ¹/₈. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 11,8.
Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии «Гарт»
105082, Москва, ул. Малая Почтовая, д. 12

Распространяется бесплатно.